

Протопресвитер Михаил (Польский).

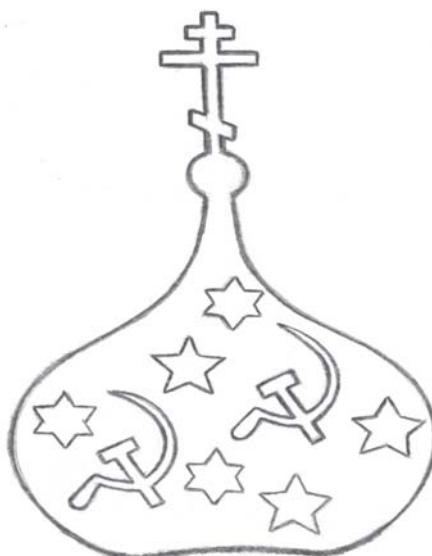
Положение Церкви в Советской России.

Очерк бежавшего из России
священника. (1931г.)

Профессор Иван Ильин

О советской Церкви.

(1948г.)

Патриарх... открыто встал против большевиков с самого начала революции и предал их анафеме (церковному отлучению).

Власть преследовала через Церковь свои политические цели и, требуя от нас отречения от одной политики, заставляла служить другой.

Вся Церковь почувствовала, что митр. Сергий совершил преступление, что он сдал управление Церковью власти безбожников и действует, и будет продолжать действовать впредь под диктовку ГПУ.

ГПУ получило желательный для себя Синод. Недаром митр. Пётр его боялся; он знал, кто ходил на свободе, и кто попадет в его Синод.

Безусловно, что то, что называют по официальному виду Церковью в России, есть блудница, как это ни тяжко признавать нашему русскому национальному самолюбию.

Протопресвитер Михаил (Польский).

Положение Церкви в Советской России.

Очерк бежавшего из России священника.
(1931г.)

Профессор Иван Ильин

О советской Церкви. (1947г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

¤ ПАРАКЛІТ ¤

2004г.

Протопресвитер Михаил (Польский)

Отец **Михаил /Польский/** родился 6 ноября 1891 г. в Новотроицкой станице Кубанской обл., окончил Ставропольскую духовную семинарию (1914), где получил подготовку к миссионерской деятельности и еще до получения священства был назначен уездным противосектантским миссионером Ставропольской епархии (1918). В 1920 году рукоположен в священника и назначен клириком Петропавловской церкви у Преображенской заставы в Москве. Во время своего служения в Москве часто сослужил Патриарху Тихону, находился с ним в близких отношениях. В 1921 г. поступил в Московскую Духовную Академию. В 1923 г. арестован и после тюремного заключения был сослан в Соловецкий лагерь. После пребывания в лагере “принудительных работ” в Спасо-Преображенском Соловецком монастыре (1923-1926) был сослан в Усть-Сысольск (Зырянский край), откуда ему удалось бежать в Персию (1930), а затем пробраться в Иерусалим. Там он состоял при Русской Духовной Миссии в Св. Земле, под эгидой которой и было

осуществлено первое издание книги “Положение Церкви в Советской России”, названной противниками РПЦ(З) “резким памфлетом против церковной политики митр. Сергия” (Троицкий С. В. «О неправде Карловацкого раскола». Paris, 1960, стр. 3). Назначен настоятелем общины РПЦ(З) в Бейруте (1934). Был участником II Всезарубежного Церковного Собора 1938 г., причем сделанный им доклад “О духовном состоянии Русского народа под властью безбожников” был издан отдельно в Соборных Деяниях (Белград, 1938). В 1938 г. из, подмандатной Великобритании, Палестины о. Михаил /Польский/ перебрался в Лондон, где служил настоятелем Синодального прихода, откуда в 1948 г. — в Северо-Американские Соединенные штаты, в г. Сан-Франциско. В 1949 г. — протопресвитер. Скончался в 1960 г..

Является автором трудов:

- 1) Положение Церкви в Советской России. Иерусалим, 1931. 122с..
- 2) О духовном состоянии русского народа под властью большевизма. Белград, 1938.
- 3) Новые мученики Российские. Джорданвилль: Т. I. 1943. 287 с.; Т. II. 1957. 319 с. (Сокращенное английское издание The new martyrs of Russia. Montreal, 1972. 137 р.).
- 4) Современное положение Православной Церкви. 1946. 34 с..
- 5) Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948. 194 с..
- 6) Очерк положения Русского экзархата Вселенской юрисдикции. Нью-Йорк, 1952. 31 с..
- 7) Американская митрополия и дело Лос-Анжелесского прихода. Джорданвилль, 1952.
- 8) В защиту православной веры от сектантов. Джорданвилль, 1950. 12 с..

Первоисточник: Священник Михаил. «Положение Церкви в советской России. Очерк бежавшего из России священника». Иерусалим 1931г.. **Нами взято из переиздания:** С.-Пб. 1995 г..

Все выделения **жирным** в тексте сделаны редакцией изд. “Парклит”.

Положение Церкви в Советской России.

Очерк бежавшего из России священника.

1.

Когда глава Российской Православной Церкви Патриарх Тихон¹ весною 1923 года был выпущен большевицкой властью из заключения, то власть праздновала свою первую победу над Церковью. Патриарх признал себя виновным перед большевиками, раскаялся в политической деятельности, за это был помилован и освобожден из заключения. Власть таким признанием Патриарха оправдывалась тогда перед миром в своих преследованиях и Патриарха, и всей возглавляемой им Церкви.

С самого начала революции большевицкая власть объявляла, что она преследует церковников не за религию, а за контрреволюционную и политическую деятельность против нее. И теперь это казалось доказанным. Церковь в лице Патриарха как бы «призналась», что она имела не одни только религиозные и небесные цели, но и политические, земные, и теперь от них отказывается. Поделом было и преследование. И большевики оказались как будто бы правы...

Но все мы, православные люди, отлично понимали тогда суть дела. Казнить Патриарха большевики не могли, хотя и желали этого. Они боялись дать ему ореол мученика в глазах народа, о чём и Ленин, говорят, в свое время заявил: «Мы из него второго Гермогена делать не будем»*.

* Святой Патриарх Гермоген был заморен поляками голодной смертью в тюрьме в 1612 г. за то, что противился власти католиков над Россией и возбуждал к тому же народ.

Однако и выпустить его из заключения по одному только требованию заграницы (какое как раз в это время и было предъявлено — ультиматум Керзона²), не подорвав престижа государственной власти в глазах народа, оказалось уже невозможным: столько времени вести борьбу с Патриархом и готовить ему суд и казнь, а затем выпустить ни с чем, значило потерпеть поражение от самого Патриарха. Поэтому агенты власти склонили, уговорили Патриарха признать себя виновным и этой ценой получить свободу, которая представлялась Патриарху необходимою для блага Церкви. Унижаясь перед властью, принося жертву самим собою, отказываясь от славы мученика, Патриарх и вышел на свободу ради пользы Церкви... Так мы тогда рассуждали и ликовали перед нашим Патриархом, как перед победителем, устраивая ему триумфальные встречи и шествия. Хотя он и отказался от тюрьмы, но в наших глазах оставался славным мучеником...

Аресты же духовенства и после освобождения Патриарха и всех его заверений в политической верности властям продолжались и даже усиливались.

Меня на допросе в ЧК следователь спросил: «Ваши политические убеждения?» — «Я не имею права иметь их». Вслед за Патриархом я тоже очищался от политики, зная, что Церковь существовала при всякой власти и, невзирая на форму управления и отношения к ней власти, может и должна существовать. Поэтому я тогда полагал, что могу быть чист от всяких политических убеждений.

Но, конечно, такие взгляды мне нисколько не помогли. Следователю угодно было, чтобы я осудил Патриарха и Патриаршество как форму церковного управления, а я высказался за Патриарха. «Значит, вы — монархист, коллегиальное управление вы не признаете».

На другом допросе следователь обвинил меня в пропа-

ганде против советской власти. Я стал отрицать за собой такое преступное деяние, но признавал, что всегда говорил в церковной проповеди против безбожия. «Кого вы разумеете под безбожниками?» — «Безразлично. Всех: будет ли то рабочий или ученик школы». — «Конечно, и представителей власти?» — «Да, всех». В обвинительном заключении следователя, в чтении которого я расписался, мне была поставлена статья закона, преследующая «возбуждение масс на религиозной почве против советской власти». Кроме этой, была поставлена потом и еще одна статья.

Итак, я оказался всё-таки политическим виновным, несмотря на свое очищение от всякой политики.

Но я всё же настаивал на своем и рассуждал, что лучше страдать невинно, по ложному обвинению, с чистой совестью перед Богом, перед людьми, перед самим собою, страдать за религию, за веру, за Бога, за Церковь, чем за дела политические. И действительно, всякое политическое чувство у меня было как-то атрофировано. Я не питал почету-то никакой ненависти к властям. Правда, в пору было только нести тяготу тюремного сидения. Над своими же собратьями-соузниками, искренне желавшими скорейшей гибели этой власти, я шутил, говоря им, что хотя за ними и нет никаких политических преступлений, но они страдают справедливо: власть «угадала» их настроения и мысли и посадила их за дело. «Надо очиститься. Привыкли жить с властью заодно. Попробуйте пожить без нее, как жили наши предки с татарами, или греки с турками, а то, еще хуже, как первые христиане с неронами и диоклетианами, за которых умели еще и молиться! А мы вот отстали от истинного христианства и не имеем совсем духа и жизни наших отцов». Так рассуждал я.

После четырех с половиной месяцев сидения в Бутырской тюрьме, я получил вдруг полторы недели свободы и

принес Патриарху приветы и поклоны от заключенных епископов и священников. Патриарх мне, между прочим, сказал: «Лучше сидеть в тюрьме. Я ведь только считаюсь на свободе, а ничего делать не могу: посылаю архиерея на юг, а он попадает на север; посылаю на запад, а его привозят на восток...»

Деятельность Патриарха ЧК сводила на нет, не позволяя назначенным им архиереям даже доехать до своих епархий и направляя их в места заключения и ссылки. Архиереи, не добравшиеся до своих кафедр или бывшие на них по три недели, по месяцу, точно так же, как и пребывавшие на них многие годы и находившиеся теперь в ссылках и лагерях, поминались на своих епархиях, и имена их возносились за богослужением, как полагается в каждом храме. Им, как и заключенным священникам, посыпали бесчисленные и неоценимые по содержанию письма: вся любовь паства, вся благодарность за стойкость и мужество, всё преклонение перед невинными страданиями своих духовных вождей были в них излиты. Между пастырями и пасомыми завязывались такие отношения, какие могли быть только в первые века жизни Христовой Церкви. Не знаю, имелись ли еще в истории Вселенской Церкви случаи такого широкого и глубокого духовного подъема. Каждый христианин почитал своим долгом на записочке «о здравии» своих родных, подаваемой на литургию, записать, прежде всего, имя заключенного своего — архиерея или священника. И диакон, читая на ектении эти записки, множество раз поминал вслух всей Церкви самое слово «заключенный» и имя его. Церковь скорбела и прилежно молилась за своих страдальцев. А когда архиерей, по отбытии срока заключения или ссылки, возвращался (правда, очень часто всего на несколько недель) в свой город, то торжество народа было неописуемым: осыпали цветами и слезами путь его и за счастье считали целовать край его рясы...

Это было и горькое, и счастливое время. И Церковь была еще крепка. Сила и превосходство над врагами ее были очевидны.

Я, маленький священник своего прихода, за полторы недели своей свободы так был обременен излияниями благодарности, любви, всякого почитания, которые спешил мне принести каждый прихожанин, что когда очутился в арестантском вагоне и в пересыльных тюрьмах на пути в Соловки, то почувствовал, что отдохваю, и тяготу тюремную нашел более посильной, чем перенесение незаслуженных почета и любви. Я совершенно не предполагал, что дело мое так ценно в глазах народа. Но зато ЧК страшно злобствовала. Власть большевицкая оставалась бессильной перед Церковью, хотя грубому физическому насилию противостояла одна только моральная сила Церкви.

Впрочем, большевики это сознавали и вовсе не собирались бороться с Церковью одним только насилием. Имея целью уничтожить Церковь, как и всякую другую религию, большевицкая власть открыто заявляла, что этой цели сразу достичнуть нельзя, так как религия имеет глубокие корни в широких народных массах. Потому и Патриарх, хотя и открыто встал против большевиков с самого начала революции и предал их анафеме (церковному отлучению) всё же долго оставался безнаказанным. Не так-то просто было удалить его. За ним была верующая масса. Но и, кроме того, удалив Патриарха, ради этой же верующей массы нельзя было оставить Церковь совсем без управления. С Церковью всё время приходилось считаться, как с определеною силой не только для себя, но и для заграницы.

Поэтому, доколе Церковь не могла быть уничтожена, большевики хотели использовать Ее в своих целях. А для этого им нужно было овладеть церковно-административным аппаратом, найти церковную власть, во

всём послушную себе. Церковь должна была идти на поддержку и услуги новому государству. Патриарх на это не шел, не поддавался, противопоставлял всю Церковь новой власти, подстрекал народ против нее.

По мнению власти, растолкованному в печати на разные лады, Церковь была полна контрреволюции. Только здесь сосредоточились теперь контрреволюционные силы страны, ибо везде они уже были сломлены. Очередь — за Церковью. Ее нужно очистить от контрреволюции.

К моменту ареста Патриарха большевики не только достаточно травили его в печати по делу изъятия церковных ценностей, но подобрали в Петрограде, а потом в Москве священников и одного-двух епископов, которые и возглавили Церковь тотчас после ареста Святейшего. Эта правящая группа духовенства сначала носила название «Живой Церкви», а потом — «обновленцев». Управление их называлось «Высшим Церковным Управлением», потом — «Священный Синод»³.

Большевики, пока Патриарх находился в заключении, использовали новую церковную власть полностью. Обновленцы, в свою очередь, делали всё, что властям было угодно. Ими было объявлено о новом курсе церковной жизни ввиду полного мира Церкви с государственной властью; признается справедливость социальной революции, к которой Церковь идет навстречу и ее поддерживает, и себя очищает от всякой контрреволюции, и борется с контрреволюционерами. Для заграницы обновленцы объявили, что еще никогда Церковь не пользовалась такой свободой, как теперь, что гонений на религию нет, а есть только справедливое преследование контрреволюционеров церковников. К примеру, вот они, обновленцы, отказавшись от контрреволюции, пользуются полною религиозною свободою. На средства, отпущеные государством, обновленцы собрали церковный собор и на нем объявили заключенного Патри-

арха низложенным, лишенным своего сана и монашества⁴. Государственная власть добилась, чего хотела: получила угодную ей церковную власть, которая сказала все слова и совершила все дела, нужные ей.

Но союз нового церковного управления с безбожною государственою властью оказался неприемлемым для церковной народной массы. Никто не поверил, что жизнь Церкви благоустроится с подчинением ее безбожникам. Это — отдача козлу огорода. Всем было известно, что большевицкая власть сама поставила и поддерживает новую церковную власть. Поэтому обновленческому управлению в Церкви никто не хотел подчиняться.

Таким образом, овладеть церковным народом, массою верующих большевикам не удавалось. Они владели каким-то церковным управлением, которому некем было управлять. Сама Церковь не оказалась в их руках. Относительная свобода обновленцев никого не соблазняла. Покровительство власти, полицейское содействие по захвату храмов у православных, личная неприкосновенность обновленцев, хотя многие из них имели контрреволюционное прошлое, — всё это было никак не в пользу «новым православным».

Союз с безбожниками окончательно позорил обновленцев. Их управление, объявившее своей целью борьбу с контрреволюцией в Церкви, являлось в глазах народа — филиальным отделением ЧК в Церкви, а сами обновленцы, эти несчастные епископы и священники, — людьми без совести и чести, безбожниками и чекистами в рясах. Невозможно описать все случаи выражения народного презрения и ненависти к ним.

Однако неподчинение обновленцам, поддерживающим государственную власть и этой властью поддержаным, означало контрреволюцию, неподчинение самой власти. Через организацию обновленчества большевикам удалось

обнаружить в Церкви такую контрреволюцию: всякий, не признающий обновленческого управления в Церкви, являлся контрреволюционером.

Везде, во всех уголках обширной страны, происходили бурные церковные собрания, где уполномоченные обновленцев (кто-нибудь из местных священников) пытались склонить народ принять новую церковную власть. И только открытым насилием гражданской власти удавалось захватить тот или иной храм для обновленческого священника. Везде начались аресты духовенства и деятельных мирян на почве непризнания церковной власти, поставленной большевиками.

Но никто из привлекаемых к ответу не говорил, что, не признавая обновленчества, он не признает власти гражданской. Политические обвинения ставились, но их отвергали и защищались тем, что обновленцы неканоничны и церковно беззаконны: они, прежде всего, есть самочинники, захватившие церковную власть во время заключения Патриарха. При этом, конечно, намекалось, что проделали это сами обновленцы, а власти здесь ни при чём. Далее, они, обновленцы, беззаконно провели реформы: разрешили второй брак вдовым клирикам и принятие епископского сана женатым священникам, что запрещено Вселенскими Соборами Церкви и ими только может быть разрешено. Обновленцы же печатно (и, конечно, устно) уверяли большевицкую власть, что каноны — только ширма для их противников, за которую они скрывают свою контрреволюцию. Множеством неканонических примеров из церковной истории они пытались доказать свою каноничность, право на эти реформы и захват власти. Исторические примеры им показывали, что большие, чем их беззакония, не раз благополучно сходили с рук. Гражданская власть вместе с обновленцами была уверена, что это именно так, и потому аресты, политические обвинения, тюрьмы, ссылки (несмотря на ярую

самозащиту обвиняемых и отречение от всякой политики) продолжались.

Так обстояло дело к моменту освобождения Патриарха из заключения, таковым оно осталось и при нём.

Хотя обновленцы и власти считали Патриарха «бывшим», Церковь с его выходом из заключения получила своего действительного главу. Положение обновленцев сразу настолько поколебалось, что не будь вмешательства власти, еле удерживающей страхом жестокой расправы часть его прежнего состава, оно бы целиком пало. Часть отпавших архиереев и множество священников имели мужество покаяться и возвратиться из обновленчества в православие. Множество храмов, из захваченных обновленцами, отбиралось православными обратно. Обновленцы уже и не ради только борьбы с «контрреволюцией», а более для сохранения самих себя, были принуждены доносить в ЧК на своих противников.

На первом же моем допросе я увидел (вернее, подсмотрел) в моем «деле» среди сводок чекистов два доноса на себя: один краткий — епископа Антонина (Грановского), первого председателя обновленческого управления, другой — на двух почтовых листах, прочитанный мною потом в копии, — протоиерея Р. Меня ужаснула такая “деятельность” моих старых личных знакомых. Впрочем, оба они были изгнаны народом из моего прихода и храма: один — приехавши послужить, другой — как член причта обновленцев. Они не могли простить мне своего позора. Однако на допросах я должен был делать вид, что в моем сидении обновленцы не виноваты: не может же власть сажать меня за непризнание каких-то обновленцев. Какое ей дело до наших внутренниерковных проблем? Но я не сумел до конца выдержать такого вида, и сам себя наказал.

На допросе мне, между прочим, ставилось в обвинение, будто бы я говорил, что ЧК поддерживает обновленцев.

«Нет, этого я не говорил, а наоборот, другое бы мог сказать: что обновленцы помогают ЧК». — «Как вы можете так говорить?» — вцепился в меня следователь. Я указал, что об этом открыто провозглашается в советской печати и назвал журнал, где это прочел*. Следователь записал мою цитату, после чего эту тему он больше не поднимал. И хотя в истинности моих слов он, конечно, убедился, но поставил мне новую статью закона, преследующую «распространение ложных слухов против советской власти» с целью ее дискредитации. Итак, хотя «ложный слух» о том, что обновленцы помогают ЧК, и так везде был «распространен», а в проповеди я, конечно, об этом никогда не говорил и впервые «распространил» этот «слух» перед моим следователем; и, наконец, именно автор указанной мною статьи журнала и подлежал первым обвинению по закону, я не избежал своей участи и оказался контрреволюционером.

Опираясь на обновленчество, власти преследовали православных, и, чтобы освободиться от тюрьмы, нужно было объявить о своем переходе в обновленчество; по крайней мере, иногда было достаточно для некоторых только похулиять Патриарха и пообещать действовать против него, хотя бы и в составе православных. Были и таковые. Выбор предоставлялся всем и соблазн тоже. Обновленчество освобождало от репрессий, и устоять было нелегко. Уже сидя в тюрьме и остро временами переживая всю трудность этого дела, я не раз простил обновленцам их падение и научился считать одною лишь милостью Божией хождение по путям правды.

Соблазн приходил с разных сторон. После месяцев тюрьмы меня вдруг освободили и, предупредив, что на этой неделе мое дело решится, намекнули, что моя дальнейшая судьба зависит только от меня. Тем, что я не пошел за эту неделю (или десять дней) к обновленцам и не поискал их

* Журнал «Молодая Гвардия», № 7-8, 1923 г., статья Бонч-Бруевича. Цитирую по памяти.

заступничества, но был у Патриарха и даже служил с ним, я и определил себя на годы заключения. Таков, приблизительно, путь и всех других... Каждый знал, что мог не сидеть в тюрьме, а если сидел, то по «доброй воле». Моя жена во время грустных наших тюремных свиданий говорила мне: «Почему другие не сидят, а умеют избегать тюрьмы?» Она разумела тех, кто побывал в обновленчестве, а когда острый момент борьбы миновал, вернулись под давлением народа в Православие и для власти ничего из себя не представляли. Я отвечал ей: «Неужели ты хочешь, чтобы я был бесчестным человеком?» — «Нет», — говорила она и замолкала по этому вопросу.

И все же некоторых священников жены увлекли в обновленчество во избежание тюрьмы. Впрочем, знаю и обратный случай. Знакомый мне священник за отказ от обновленчества сидел в тюрьме. Ничего ему не стоило и освободиться. Но жена во время свиданий заявляла ему, что она больше не в силах переносить прежней жизни, и обновленцем он пусть домой не возвращается.

Моя мать издалека прислала мне в тюрьму записочку, которую я мог получить и читать уже во время моего временного освобождения. Мать писала, что благословляет меня сидеть в тюрьме, не ослабевать духом, всё терпеть и не сдаваться. Я плакал от радости.

Так в каждом случае: одна лишь моральная сила противостояла жестокому насилию. Не было других сил и у Церкви, у всех членов ее. Она имела такое оружие, которого враг не мог выбить из ее рук и против которого был бессилен. Только сдадим нам оставалось его не бросить, не выпустить из рук.

Попытка большевиков через обновленцев овладеть Церковью не удалась. Церковь сопротивлялась; она не принимала власти большевиков над собою, хотя бы в лице обновленцев, их послушных во всём агентов.

Патриарх, выйдя на свободу, увидев еще раз всю нравственную силу церковного народа, говорил моему знакомому и своему близкому старому другу: «Читая в заключении газеты, я с каждым днем всё больше приходил в ужас, что обновленцы захватывают Церковь в свои руки. Если бы я знал, что их успехи так ничтожны и народ за ними не пошёл, я бы не вышел из тюрьмы».

То есть никогда бы никаких покаяний перед властью Патриархом не было бы принесено, и не было бы абсолютно никаких других достаточно серьезных причин побудить его к этому, если бы не обновленчество, захватившее церковную власть и бесчинствовавшее в Церкви. Но и обновленчество его бы не понудило на такой акт примирения с большевиками, знай он в заключении правду о них. Газеты действительно лгали об их значении и, конечно, нарочно подсовывались Патриарху агентами ЧК для получения от него этого акта «примирения», который власти был так нужен.

Патриарх признавался своему другу, что на помощь своему главному мотиву поиска освобождения он принимал и то соображение, что, наконец, появился закон, революционный же хаос всякого беззакония, по-видимому, кончился. Ему казалось, что перед ним находится настоящая государственная власть, ради которой можно было, не кривя душой, отказаться от своего прежнего курса.

Однако выяснилось, что отношение власти к Церкви не изменилось к лучшему, хотя Патриарх и сдал свои позиции. Власти этого оказалось мало. Патриарх управлял Церковью, и власть над Ней была в его руках. Большевикам надо было заново начинать борьбу за получение влияния на ход церковных дел, в которых Патриарх и теперь не был их послушным орудием, что они имели в обновленцах.

Да и через обновленцев истинных целей не достигалось: главная церковная масса народа и духовенства выскользнула из рук обновленцев; искусственно созданное церковное управление не имело силы, влияния, авторитета и вообще значения ни для своих масс, ни для заграницы. В этом смысле власть получила в обновленчестве немало разочарований, надежды на него оказались далеко не оправданными, что агенты ЧК не стеснялись подчас высказывать некоторым иерархам Церкви.

Правда, создав обновленчество, власть добилась раскола в Церкви. Обновленцы — вторая Церковь, имеющая свой отдельный епископат, духовенство, свои храмы и ту часть народа, которой не было никакого дела до принципиальных разногласий, лишь бы богослужение оставалось старым, которым они удовлетворялись у тех же обновленцев. В свое время, устроив раскол, большевики ликовали в печати, объявляя, что, наконец, в едином фронте церковников пробита брешь, в которую они, безбожники, и должны устремиться для уничтожения Церкви. Раскол в Церкви и помощь ЧК по борьбе с церковной контрреволюцией — вот заслуги обновленчества, признанные за ним советской печатью. Но получить влияние на церковные дела или авторитетный голос Церкви на свою сторону, пока это полезно, а также окончательно низложить Её или подорвать всякий авторитет русской Церкви, большевики могли только в лице Патриарха, через управление Патриарха, имевшие такие авторитет и значение.

Агенты власти и вели непрестанную борьбу с Патриархом, пытаясь подчинить его своему влиянию, склонить на полезные для них и вредные для Церкви поступки. Патриарха упрашивают написать ответ архиепископу Кентерберийскому, что Церковь в России пользуется полною свободою, и никаких гонений нет. Несмотря на постоянные приставания, Патриарх всё время откладывает это дело и не

пишет. Почти в то же время Патриарха уговаривают ради пользы Церкви, ради упорядочения отношений государства и Церкви отречься от власти и уже успевают склонить на эту точку зрения одного-двух ближайших к нему архиереев. Однако решением большинства архиереев Патриарх удерживается от этого пагубнейшего для Церкви акта. От Патриарха требуют смещения с кафедр неугодных власти архиереев. Только в одном случае Патриарх было уступил, но вслед за этим снова восстановил лишенного кафедры архиерея. Власть требовала, чтобы он завел новый стиль в Церкви. Стиль этот не принимал народ, и у обновленцев он также не прошел, но тогда тем более стал необходим властям для дискредитации Патриарха.

Архиепископу Илариону⁵, ближайшему сотруднику Патриарха, в первые месяцы после освобождения агент власти говорил: «Уговорите Патриарха завести новый стиль. Неужели он не может сделать маленькой уступки власти? Если советская власть завела этот стиль, то пусть и Церковь покажет, что Она солидарна с нею». В то же время при встрече с другим архиереем этот же агент власти говорил: «Вы слышали, что Патриарх заводит новый стиль? Для чего это? Кому это нужно? Неужели вы согласитесь с ним? Отделитесь от Патриарха; вас вся Москва любит и за вами пойдет. Мы вас поддержим...»

Агент власти требовал, чтобы в Управлении Патриарха был человек, которому власть доверяет, и предлагал принять в общение протоиерея, вождя группы «Живая Церковь», отошедшего от обновленческого управления. Отметить свое постановление о принятии этого человека Патриарх мог только тогда, когда последовали протесты клира и народа. В общем-то, опираясь на мнение народа, еще можно было кое-как отклонять от себя разные предложения власти.

Мне известен один батюшко, который уклонялся от обновленчества таким доводом перед своим местным чекистом: «Я бы с удовольствием пошел в обновленчество, никакого различия не вижу, но приход меня выгонит, останусь без куска хлеба». Хорошо, что это была сущая правда, и не он влиял на приход, а приход на него. ЧК это знала и оставляла его на свободе...

Но Патриарху нужно было самому руководить, влиять, направлять. Поэтому ЧК и стремилась овладеть его волей. Однако Патриарх шел добрым путем. При нём Церкви легко было нести крест свой, потому что вся тяжесть креста этого падала на его плечи. Большевицкая власть не выпускала его из атмосферы своей лжи, провокации, обмана, клеветы, сеяния раздоров, расколов, недоверия. Патриарх постоянно должен был разгадывать тайны и злые замыслы и намерения, скрывающиеся под всякими благовидными предложениями власти.

Враг действовал то посулами, то угрозами, и не ему самому — это были бы совершенные пустяки! — а Церкви. То он обещает прекратить аресты духовенства, освободить заключенных или вернуть из ссылки каких-то нужных Патриарху епископов, или дать разрешение на духовные печать и образование, на свободу съездов и епархиального управления; то угрожает оставить все репрессии в силе и еще прибавить. Патриарх страдал. Он встречал и слушал своего врага с крайним напряжением нервов. Когда Патриарху докладывали о приезде агента власти, он был вне себя от раздражения и волнения, что, казалось, было совершенно несвойственно его характеру и темпераменту.

Я помню его в дни ареста перед заключением. В последнюю его на свободе литургию* я сослужил ему в храме

* 24 апреля старого стиля 1922 года. Еще раз он потом служил у себя на Троицком подворье.

села Богородского под Москвой. Перед этим поздно ночью он вернулся из ЧК. Его только что долго и жестоко допрашивали. Дома своим приближенным, измученным ожиданием, Патриарх лишь обронил: «Уж очень строго допрашивали...» — «Что же вам будет?» — спросил кто-то с тревогой. «Обещали головку срубить», — отвечал Патриарх с обычным своим благодушием.

Литургию он служил — как всегда: без малейшей тени нервности или хотя бы напряжения в молитве. Глядя на него, приготовляющегося к тюрьме, а может быть, и к казни (тогда это было серьезно), я невольно вспомянул слова Христовы: *... идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего* (ин. 14, 30). Пусть обвиняют, ничего не найдут, он будет невинен. Так я думал, и на эту тему сказал проповедь за литургию. Благословляя меня на проповедь, Патриарх шепнул: «Их-то не затрагивай...» Знаю, что пожалел проповедника. Не за себя, а за тех, кто около него рискует собою, он боялся. Но не помню случая, чтобы кто-либо, кому выпадал случай проповедовать за патриаршею службою, утаивал в слове своем правду. Как-то всегда и всеми говорилось то, что надо, что соответствовало лицу Патриарха.

Были дни торжества по случаю его освобождения. Народ и радовался о нём, и скорбел о Церкви. Патриарх был всё так же спокоен. Что могло случиться с Церковью или с ним самим без какой-то воли Божией? Ничего. Тайна духовного покоя и духовного здоровья истинного православного христианина и его, конечно, первого, именно в этом.

Вспоминаю одного епископа, который сидел со мною в тюрьме. На вопрос чекистов, какого он мнения о Патриархе, ответил: «Я реально ощущил его святость...». Ответ привел чекистов в бешенство, и дело о ссылке епископа было тотчас решено.

Наконец, я вижу Патриарха после своего выхода из тюрьмы, когда принес ему поклоны соузников. Патриарх по-прежнему был добр и благодушен, но такой худенький, измученный, что, прощаясь с ним, я заплакал от чувства жалости. Преклонив мою голову к своей груди, Патриарх спросил: «Что же ты плачешь?» Я совершенно неожиданно для себя самого ответил: «Мне кажется, что я вас больше не увижу...». Конечно, не Патриарха я видел перед собою весьма недолговечным, а внутри меня была полная уверенность, что и я долго на свободе не прохожу... Патриарх рассмеялся и сказал: «Ну, гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится. Послужи завтра со мною».

Кстати сказать, в беседе с Патриархом я ему покаялся, что, сидя в тюрьме, не раз мысленно осудил его за сдачу позиций большевикам. Патриарх благодушно прощал меня и говорил о том, что его свобода хуже тюрьмы, и сам вспоминал свое сидение, как лучшее время. На другой день я еще раз сослужил Патриарху в церкви великомученицы Анастасии, что у Бутырской Заставы. Затем был арестован и отправлен в Соловки. Больше я Патриарха не видел. **Патриарх умер. Его замучила, сожгла на медленном огне своей сатанинской ненависти большевицкая власть.**

В Соловецком кладбищенском храме, оставленном для местных монахов, вольнонаемных работников при лагере заключенных, духовенство служило панихиду по Патриархе. Все мы чувствовали тогда, что наступает новый тяжкий период жизни Церкви. Лица заключенных наших архиереев были не так грустны, как суровы и строги. Все мы сознавали, что опасность надвигалась: а какая? в чём? — никто не знал. Счастливый период борьбы с врагом, когда перевес был на нашей стороне, во всяком случае, кончился. Это понимал каждый.

Говорят, агент власти, заправляющий церковными дела-

ми*, по поводу смерти Патриарха был в неописуемом восторге. Примчавшись к телу только что усопшего, он потирал руки и, с трудом сдерживая радость, говорил: «Хороший был старик... Надо похоронить поторжественней...»

После похорон он призвал к себе в ГПУ двух митрополитов и вручил им так называемое «предсмертное завещание» — послание Патриарха со всякими его обещаниями в пользу власти. Митрополитам предложено было свести текст в редакцию газеты для напечатания, что они и сделали. Но никто из духовных лиц, окружавших Патриарха, не был свидетелем того, чтобы Патриарх подписывал эту бумагу, хотя проект «завещания», предложенный властью, долго лежал на столе у Патриарха и был взят оттуда агентом власти уже после его смерти.

Недолго управлял Местоблюститель Патриаршего Престола митр. Пётр⁶. Он твердо знал, что никакие уступки с его стороны не подкупят власти. Власть всё берет и ничего не дает, как говорил это и Патриарх. Поэтому всякие предложения агента власти митр. Пётр прямо отвергал и запросто выпроваживал его из своих покоев. Митрополит Пётр, например, говорил агенту так: «Вы всё лжете. Ничего не дадите, а только обещаете. А теперь потрудитесь оставить комнату: у нас будет заседание».

Такого неподатливого главу Церкви и такое свое отстранение от церковных дел озлобленный враг долго терпеть не мог: митр. Пётр был заключен в тюрьму. Появился новый его заместитель — митр. Сергий⁷. Митрополит Пётр, зная, что ему недолго быть на свободе, предусмотрительно назначил себе заместителя. Церковь не осталась без управления.

2.

В конце лета 1925 года, то есть приблизительно через

* Имя Е. А. Тучкова мне противно часто упоминать на этих страницах.

полгода после смерти Патриарха (митр. Пётр уже находился в заключении), соузник наш по Соловецкому лагерю архиеп. Иларион* вдруг неожиданно был изъят из нашей среды и отправлен в Ярославскую тюрьму. Мы понимали, что делается это по каким-то соображениям антицерковной политики. Весною 1926 года архиеп. Иларион опять был с нами. Тюремные новости касались исключительно его разговоров с агентом власти, вершителем судеб Церкви, посещавшим его в тюрьме.

Агент склонял Архиепископа присоединиться к новому, так называемому григорьевскому расколу, который ГПУ** учинило по всем правилам обновленческого⁸: нашло недовольных митр. Петром, как прежде Патриархом, и, заключив Митрополита в тюрьму, попыталось передать возглавление Церкви в руки архиеп. Григория и его Высшего Церковного Совета. Но у Церкви в тот момент оказался свой законный епископ — митр. Сергий. Видимо, агент хотел переходом в раскол такого популярного Архиерея, как архиеп. Иларион, с одной стороны, дискредитировать его в глазах большей части масс, а с другой — усилить григорьевский раскол новыми силами, ибо за архиеп. Иларионом многие могли бы и пойти.

* Архиепископ Иларион — викарий Московский, временно управляющий Московской епархией, магистр богословия, автор нескольких ученых богословских работ, профессор Московской Духовной Академии до дня ее закрытия большевиками и бывший ее инспектор, и временный ректор. Молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный человек, прекрасный церковный проповедник — оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый человек: везде, где он ни появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью. Большой рост, широкая грудь, пышные русые волосы, ясное, светлое лицо. Он остается в памяти у всех, кто встречался с ним. За годы совместного заключения мы все стали свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости. Умер 15/28 декабря 1929 г. в Петроградской тюрьме на пути из Соловецкого лагеря в Туркестансскую ссылку.

** В это время ЧК уже переименовалось в ГПУ.

Архиепископ Иларион ответил агенту, что церковные каноны не позволяют ему признать в Церкви самочинной захватнической власти Григория. Тогда агент сказал с угрозою: «Ну, подождите: я вам дам вашего, и если вы его не признаете, то тогда уже пощады не будет».

На всех многочисленных слушателей нашего докладчика эта фраза агента произвела большое впечатление и, конечно, встревожила нас. Что это могло значить? Он даст нам нашего, то есть не канонического ли законного архиерея, но такого, которому мы, может быть, тоже не пожелаем подчиниться? Тогда, естественно, пощады нам не будет от власти. Но откуда же будет такой архиерей? И что он сделает? Наши рассуждения о планах агента на этот раз нам ничего не давали, хотя мы весьма привыкли к тактике ГПУ и часто угадывали события. Мы всегда отдавали должное ГПУ: свое дело там делали лучше, чем мы — свое.

Весною 1927 года, после того, как кончилось мое трехлетнее сидение в Соловецком лагере, и я продолжал отбывать свое наказание в ссылке, в Зырянском крае, мы, ссыльные, получили письмо с весьма важными сообщениями. Митрополит Сергий имел многозначительную беседу с агентом ГПУ. Агент жаловался на то, что союз с обновленцами власти ничего не дал, а союз с Православной Церковью до сего дня не наложен.. Митрополит со своей стороны сетовал, что Церковь до сего времени не имеет легального центрального управления. В общем, обе стороны установили, что существующие отношения Церкви и государства невыгодны для них. Тогда агент предложил условия, с принятием и осуществлением которых церковное управление получит легализацию, свой журнал и прочие свободы. Митрополит должен организовать при себе коллегию для управления или Синод; все дела канцелярии Синода всегда должны быть открыты для агентов ГПУ; назначение

архиереев на места должны происходить с ведома и согласия ГПУ; митрополит должен издать послание к Русской Церкви, соответствующее новому курсу Ее жизни, и должен обратиться к заграничной Русской Церкви с предложением прекратить противосоветскую пропаганду и дать обязательство в лояльности к советской власти. Митрополит на все эти условия согласился⁹.

Судя по внешности, во всех этих условиях ничего особенного не было. Требования эти вполне естественны для государства, а если еще сравнить первые пункты этого договора с практикой Церкви во времена царской власти, то ничего нового и совсем не было. Однако такова была только внешность договора, сущность же его была весьма печальна для Церкви, если не сказать сразу, ужасна. Мы эту сущность отлично понимали.

Все эти условия, так или иначе (и не раз), ставились и Патриарху, и его преемникам, но до сего времени отклонялись ими. Согласиться на эти условия — означало сдать власть над Церковью в руки ГПУ, в руки безбожников. Учреждения Синода, которого почти не было в последнее время при Патриархе и уже совсем не было при митрополитах Петре и Сергии, ГПУ добивалось теперь для того, чтобы всегда иметь в церковном управлении своего человека, участника всех дел, доносчика и проводника заданий ГПУ.

Это нам уже было известно из практики Синода при Патриархе. Частые аресты и долгое заключение архиереев не позволяли иметь правильный по закону состав Синода, а составлять его из лиц случайно пребывающих на свободе, а то и (еще хуже) далеко не случайно, заставляло митр. Петра сознательно избегать созыва Синода. Единоличное управление при митр. Петре и первое время при митр. Сергии, которые советовались о текущих делах, с кем хотели,

или имели возможность существовать без особого постоянного учреждения, спасало от вмешательства безбожной власти в дела Церкви.

Гарантировать себя от неожиданных выступлений первоиерарха, связать его волю, ограничить ее и, главное, направить ее по известному руслу ГПУ могло только через Синод, состав которого сама жизнь заставляла иметь только из лиц угодных ГПУ. Далее, контроль над канцелярией патриаршего управления означал, что эта канцелярия будет служить политическому сыску, а также волей-неволей и доносу на всех и на всё, что может показаться неблагонадежным для нашей болезненно подозрительной иечно борющейся за свое существование власти. Назначение же епископов на кафедры и лишение их таковых безраздельно попадало в руки ГПУ. Податливые, сговорчивые, слабые архиереи получали епархии, а умные, деятельные, душевно стойкие, просто проповедники и защитники религии будут их лишены. Это так очевидно. На то ГПУ и есть ГПУ, то есть Государственное Политическое Управление, чтобы и здесь выполнять политику государства в отношении к религии: ослаблять и уничтожать религию.

Что касается нашего отношения к заграничной русской Церкви, то этим вопросом не раз испытывалось наше церковное Управление, и тот же митр. Сергий уже не раз отвечал власти, что фактически заграничная русская Церковь не подчинена Москве, и представители Ее не подлежат осуждению за ту или иную свою деятельность, так как не могут явиться на суд, что требуется по церковному закону. Но, конечно же, власть понимала это так, что церковники желают дать свободу эмигрантам заниматься контрреволюцией и этому их делу всегда искренне сочувствуют, а потому этой формулой желают отделаться от щекотливого

вопроса, хотят оставаться одновременно и контрреволюционерами и людьми политически благонадежными в глазах своей власти, в общем, занимаются дипломатией. Власть определенно требовала категорически осудить зарубежную контрреволюцию¹⁰. Но на этом вопросе не только нас выявляла: мы для нее — уже ничтожество, мы — в ее руках, и нашей контрреволюции она не боится.

Власть преследовала через Церковь свои политические цели и, требуя от нас отречения от одной политики, заставляла служить другой. Для людей, желающих отречься от всякой политики, соглашаться на требования власти, хотя и под угрозой обвинения в контрреволюции, не следовало. Однако если церковное управление хотело не на словах, а на деле отстранить от себя такое обвинение, оно должно было определенно осудить зарубежную церковную контрреволюцию. Митрополит Сергий на это соглашался.

Каково будет послание митр. Сергия к Церкви, мы отлично представляли. Этих посланий столько было, и его послание будет не лучше, чем обновленческие. Впереди — ложь, стыд и позор наш. И всё это ради чего? Ради легализации. Власть соблазнила митр. Сергия легализацией. Оказывается, Церковь с многомиллионным составом членов существовала на нелегальном положении, вне закона., при советской власти в то время уже почти десять лет, и власть этому беззаконию попускала, его не только терпела, но с Церковью считалась и за Ее голосом признавала силу, Ее склоняла на свою сторону. Но что нам эта легализация?! Лучше того, чем без легализации, с легализацией не будет, а хуже теперь будет: слишком велика цена, за которую легализация покупается.

Так рассуждали мы, ссыльные, при первых известиях о договоре между нашим Митрополитом и агентом ГПУ месяца за три-четыре раньше появления послания митр. Сергия к русской Церкви и, так сказать, явного выполнения

этого тайного договора. Эти наши сведения практически нам мало помогли: мы не знали, что делать. Проявить те или иные свои отношения к митр. Сергию мы не имели права, так как он ничего еще не сделал. Надо было сидеть и ждать, что будет. Я ограничился извещением о происшедшем всех, кого можно.

Итак, ко времени такого выступления митр. Сергия слишком много уже было пережито и продумано всей Церковью, чтобы иметь к его выступлению какое-нибудь другое отношение, кроме отрицательного... Но остановимся на наших опытах и наблюдениях церковной жизни, и волей-неволей на моих лично впечатлениях, прежде всего.

Я старался быть аполитичным. Я увлечен был первохристианским идеалом. Я считал, что мы твердо должны стоять только за Церковь и веру, отказываясь от всякой политики, и страдать от гонений власти только невинно, ибо обвинения в контрреволюции, хотя и должны быть, но они должны быть всегда ложными, несправедливыми. Я считал обязательным для себя и для всех твердо всегда помнить, что враг имеет целью уничтожить Церковь, поэтому страдания за Церковь неизбежны, и всякие соглашения с властью есть попытка избежать страданий, есть измена Церкви, есть падение в сети большевицкого соблазна. Твердость, непримиримость, бескомпромиссная борьба за Церковь с врагами Ее — вот наше дело.

Когда вырабатывалось так называемое «послание соловецких епископов», которое было написано не без надежды на какое-то соглашение с властью, но, правда, без ущерба для Церкви, с сохранением Ее достоинства, вслед за прочтением проекта этого послания читал и я свой проект. Соловецкое послание предусматривает отказ власти идти на указанные ею условия примирения с Церковью и приемлет дальнейший путь страданий.

В моем проекте послания от лица Первоеиерарха к власти всесторонне устанавливается перед властью факт ее открытого гонения на Церковь; факт, ею отрицаемый всегда. Церковный же народ, поставленный об этом в полную известность, благословляется принять невинные страдания свои за веру даже до смерти. То есть открываются глаза всех на правду положения, на бесполезность всех попыток примирения, на всю работу власти по уничтожению религии. Всё уже так ясно, что довольно играть в прятки с властью. Надо предупредить народ, разоблачить обман власти о какой-то свободе религии в России и, сделав свое дело, страдать, идти прямо на страдания. Мне казалось, что такой твердый, независимый голос епископов только и может повлиять на самую власть, ибо она совершенно не выносит моральной силы и ей только одной еще может сделать уступки, хотя и временные; власть боится делать из врагов своих героев духа, мучеников.

Конечно, мне рисовались и такие последствия от этого послания: большевики пришли бы в ярость, подняли бы шум вокруг какого-то контрреволюционного заговора епископов, и дело могло бы дойти до крови. Но как иначе в этих обстоятельствах выполняется долг, лежащий таким бременем на плечах у каждого пастыря, я не представлял. Хотя и не мое дело заботиться о целом народе, с меня довольно и маленьского прихода, который мне поручен, но если меня не поставят на верный путь мой Первоеиерарх и мои епископы, как и куда я пойду? Они меня своей линией поведение могут тревожить. Разве молчали о своих мнениях простые священники и монахи в тяжелые моменты борьбы церковной? Если автор «соловецкого послания» и не имел той ответственности перед Церковью, какую имел я, то дерзнул и я говорить высокому и авторитетному, хотя и немногочисленному, собранию заключенных архипастырей, ученых богословов и пастырей.

Когда чтение проекта послания было мною окончено, один епископ сказал мне: «По-вашему, умирать — так с музыкой... видна казачья кровь... при том же это не обращение к правительству, а обращение через голову правительства к народу».

Должен признать, что суждение это было по существу моего доклада, с полным пониманием его содержания, смысла духа, даже результатов. Возражения же всех прочих моих слушателей были по форме, вроде того, что «это не послание, а журнальная статья», «для послания слишком длинно» и прочие. Архиепископ Иларион сказал слово о том, что в этой «энциклопедии церковных вопросов», как он мой проект назвал, «нет ничего нового». Нужно заметить, что сам Владыка Иларион никаких проектов не сочинял. Только что прочитанный проект соловецкого послания он рассматривает как апологию (подобно первовековым), предназначенную для распространения в народе, как литературное произведение, не имеющее того практического значения, которое предполагалось его содержанием: установить нормальные отношения Церкви с властью. В то, что таковые отношения будут установлены, он совершенно не верил. На мой проект он тоже посмотрел, как на какое-то исследование положения церковных дел в советской России, в котором для него, конечно, ничего нового не было. Всё было верно и ясно, но не ново.

Итак, мой проект был не только не принят, но оказался совсем не нужным и излишним. Суть моего доклада совершенно была чужда сознанию всех моих слушателей, разве за исключением одного, который хотя и понял в чём дело, но не принял и не согласился. Самый тон, решительность выступления для них невозможны. Никто к таким выступлениям нравственно не готовился. Мой проект не соответствовал потребностям момента. Большинство расположено

вести переговоры с властью в надежде на благополучный исход их. Они полагают, что умирать не придется, этого никто и не требует, обойдется и без этого. Вообще, по поводу смертельной борьбы за веру они ничего не полагают. По-моему, это был сон в момент надвигающейся на Церковь опасности. Неужели они уверены, что будет толк от их переговоров с властью? Власть требует от нас безусловной сдачи всех наших позиций на ее волю и милость, она не потерпит с нашей стороны никаких условий и договоров. Что сама вздумает дать, то и будет наше, а вернее, всё возьмет и ничего не даст. Это — такая азбука! Мой проект не подошел, непрактичен, а надежда на соглашение — практична?!

Так я размышлял и раскрывал свое огорченное сердце пред Богом, идя из соловецкого монастырского кремля (где расположен главный лагерь заключенных и где проходили наши беседы) на Филимонову тоню, находившуюся в семи верстах от лагеря, на берегу одного заливчика Белого моря. Здесь я был вместе с архиеп. Иларионом, еще двумя епископами, несколькими священниками, сетевязальщиком и рыбаком.

Кстати сказать, об этой нашей работе архиеп. Иларион часто говорил переложением слов стихир на Троицын день: «Все подает Дух Святый»: прежде — «рыбаков — богословами показал», а теперь наоборот — «богословов — рыбаками показал».

Конечно, уверенность в правильности собственных мыслей приходила не сразу, не без колебаний и сомнений. Может быть, я ошибаюсь. Пожалуй, от моего послания «музыки» или шума было бы много. Но если крики толпы — «распни Его!» — есть тоже своего рода музыка, то не плохо умирать под такую музыку. Но мы спим, мы не готовимся к Голгофе, а когда станут отнимать у нас Господа, то, может быть, сами разбежимся от страха Его креста.

Если моего послания власти не надо предлагать — оно не годится и по форме, и как вызов, бросаемый в лицо власти, — то как же сбросить этот сон и как разбудить народ церковный, который тоже надеется, что еще можно договориться с властью, и она даст Церкви свободу? Если этого нельзя сказать, то тогда надо совсем замолчать, демонстративно прекратить всякие переговоры с властью, не отвечать на вопросы, подчеркнуть бесполезность всяких разговоров, как Христос на суде: разговоры — проформа, участь предрешена, пусть делают, что хотят*.

О своих соузниках, церковных людях, я должен заметить, что подавляющее большинство из них были люди, безусловно, честные, самоотверженные и не случайно попавшие в тюрьму, каковые тоже иногда бывали. Никто из них не думал что-либо сдавать врагу. В этом смысле отражает общее настроение и соловецкое послание. Если бы нужно было для пользы Церкви сидеть в лагере принудительных работ еще и еще, то думаю, что никто бы из них не отказался. Но враг, делая свою политику, вступал в беседу, звал на соглашения и уступки; все, хотя и знали, что враг — обманщик, но увлекались игрой в политику и вместо готовых прямых ответов «да» и «нет» пытались оттянуть время и придумать что-либо такое, что бы было ни «да», ни «нет». Решительного шага боялись сделать в отношении к власти, а это — на руку власти, ибо власть сама всегда избегала решительных шагов в отношении Церкви и вела дело ликвидации Ее исподволь.

В общем, такое настроение было даже у лучших людей. Итак, опасность подкрадывалась в виде игры в политику с властью, которая этого и хотела.

* Я и это и предполагал, и записка об этом осталась у одного из епископов. Если бы такие взгляды разделялись, то о них, по крайней мере, хотя бы осведомляли Первого епархия. Но этого не было.

Архиепископ Иларион, например, в ярославской тюрьме, прямо укоряя агента власти за нелепый союз власти с обновленцами, в то же время, можно сказать, бессознательно подавал ему мысль, что не лучше ли заключить союз с Православной Церковью и поддержать Ее. Тогда-де, мол, и настоящая, по крайней мере, авторитетная Церковь поддержит советскую власть.

Таковы наблюдения, связанные с личными моими отношениями к той среде, которую можно считать лучшею в Церкви.

Все мы правду нашего положения знали, но практических выводов из нее сделать не умели, и всё думали, что как-то само собой всё выйдет, как надо. Но, безусловно, и коварство врага путало наши выводы, лишало их решимости.

Враг много раз соблазнял. Он уверял, что и при советской власти Церковь существовать может. Это как будто даже обеспечено советским государственным законом. Всё зависит от нас самих. Кажется, уступи только, сделай то немногое, что власть требует от тебя, и Церковь начнет спокойное и свободное существование, как это было прежде. И как было в начале не пойматься на этот обман?! Через какие печальные опыты надо было убедиться, что государственная власть не только может не исполнять своих обещаний, но что ложь и обман входят в систему, в постоянный порядок государственного управления?! Никогда не предполагалось, что такими хитростями власть добивается своих целей. Власть лгала и обманывала, требовала от Церкви уступок, много за это обещала и не только ничего не давала, но и преследовала Ее, вела к уничтожению.

Как было не поверить закону, охранявшему права религии?! И Патриарх подкреплял сдачу своих позиций мыслью, что у власти есть закон. И все мы сначала надеялись, что будем жить, преодолев какие-то наши недоразумения с вла-

стью. Но потом поняли, что советский закон есть форма, за коей власть скрывает такие цели, которым всё приносится в жертву. Власть никогда не считает своим долгом исполнять свой закон, когда находит его неудобным*. Для нее он — вовсе не святыня. Она себя никаким законом не связывает. Но нужно было долгое время, чтобы предрассудок всякой веры в советскую власть отпал. Даже в соловецких наших беседах нужно было вести борьбу с верою в советскую власть среди своих собратий, хотя подавляющее большинство давно «прозрело».

Архиепископ Иларион говорил: «Я человек неверующий (разумеется, в советскую власть)». И на всякие доводы обученных юристов любил декламировать басню Крылова «Волк и ягненок»... Характеристика отношений церковников и большевицкой власти в этой басне дана верная. Власти не верят никаким нашим заверениям о верноподданнических чувствах. У власти своя логика — «религия нам вредна, она по существу контрреволюционна, и вас, поддерживающих религию в народе, мы ненавидим и тесним, и желаем вас уничтожить; поэтому, конечно, и вы нас ненавидите и всегда желаете нашего падения, и при всяком удобном случае будете — против нас». Говоря словами Волка из басни:

*Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите;
Но я с тобой за их раздelaюсь грехи...*

* К примеру сказать, я должен был крепко помнить, что хотя за побег из под стражи полагается по закону два года заключения, но практикуется постоянно расстрел, и меня за побег с места ссылки, в случае поимки, он и ожидал. Впрочем, бывали случаи, что власть во что бы то ни стало «исполняла» свой закон. Один батюшка имел 69 лет от роду, но так как по советскому закону на лиц, достигших 60 лет, никакие наказания не налагаются, то ГПУ поставило батюшке в его «деле» 59 лет и отправило его на Соловки. На 71-ом году жизни батюшка оттуда и освободился благополучно.

За контрреволюционную сущность религии и за контрреволюционные грехи наших собратьев он и «разделяется» с нами...

Всё это было бы смешно, если бы не было так горько.

Но мало было не верить в закон и правду власти. Из этого надо было бы делать и выводы. У врага достаточно духовной стойкости и определенности — точно то же нужно и в борьбе с ним. Колебания и дипломатию он оставляет в удел нам и даже вызывает на них, и содействует им, а сам твердо стремится к цели. И, в конце концов, с таким врагом не останешься между двух стульев: непременно посадит или на то, или на другое. Враг всё время вынуждает на решительные поступки по отношению к нему.

Любопытно, например, то, что нас, церковников, советская власть наделяет всех равными сроками наказания. Архиепископу Илариону, потрудившемуся около Патриарха в Москве и наносившему тяжелые удары безбожию и обновленческому расколу, безусловно, ставшему величиною в общероссийском масштабе, и почти юноше, маленькому иеромонаху из Казани, у которого всё преступление состояло в том, что он с диакона-обновленца снял орарь и не позволил ему с собою служить, были даны равные сроки наказания — три года. Архиепископ Иларион находил в этом факте предмет для своего духовного веселья. Большевицкая власть, по его мнению, по-своему подражала Богу. «Ибо щедрый Владыка, — говорил он, прекрасно на память, пасхальными словами свт. Иоанна Златоуста, — принимает и последнего как первого; дает покой пришедшему в одинадцатый час так же, как и работавшему с первого часа; и последнего милует, и о первом заботиться, и тому дает, и этому дарует: и дела принимает, и намерение целует, и деяние почитает, и расположение хвалит».

Воистину так. Для большевицкой власти важны не толь-

ко деяния; она ищет контрреволюцию в намерениях, в мыслях. Сидели в заключении с теми же сроками священники и архиереи-дипломаты, которые не пошли в обновленчество, но ни одного слова и не сказали против него, не произнесли на него решительного суда перед народом, не помогли ни в чём колеблющимся, не защищали от него пасты. Признаться, совесть была удовлетворена карою тем, кто уклонился под разными предлогами от исполнения своего долга быть светом и стоять на подсвечнике, чтобы светить всем... Но зато батюшки, мало сделавшие, искренне жалели об этом. Можно было сделать больше. Ведь всё равно сидеть три года. Счастлив казался тот, кто потрудился во всю меру своих сил, со всею решительностью. Больше других он не пострадал, пользы принес много, и нравственное удовлетворение и покой имел в самой тюрьме.

Итак, в этом заключался и вывод для нас относительно нашего поведения в борьбе с таким врагом Церкви, как большевицкая власть. Если всякий, кто не с нею хотя бы только в мыслях, тот уже против нее, так чего же скрывать свои мысли и обнаруживать их в действиях совсем не политических, а в наших, церковных?!

Из опыта обновленцев было очевидно, что компромиссы были напрасны, бесполезны, гибельны. Единственно, за что обновленцы, может быть, заслуживают некоторого снисхождения, так это за то, что они вначале искренно хотели достигнуть свободы Церкви в советских условиях. Они «спасали Церковь», которую, по их мнению, Патриарх Тихон своим разрывом и борьбой с властью завел в тупик, поставил в безвыходное положение. Так страдать Церкви дальше, как Она страдала до мая 1922 года, когда возникло обновленчество, по их мнению, нельзя было. Они, великие и умные люди, как они тогда о себе думали, пошли на мир, на соглашение с властью.

Но им пришлось открыто заявить, что, отрекаясь от политики, они должны будут бороться с контрреволюцией в Церкви и взять на себя обязанности сыска и доноса, политического обвинения на собратьев. Такою дорогою ценою предательства и продажи своих братьев, принесением в жертву самого Патриарха, они принуждены были покупать право существования Церкви. Не было таких слов лжи и обмана, которых бы они не сказали своим и чужим в угоду власти. Но всё оказалось напрасным. Страдать Церковь не перестала, из тупика Она не вышла.

Обновленцы имели временную относительную свободу, которая была дана им для обмана братий, что будто бы и в самом деле Церковь может существовать в советских условиях*. Свобода была дана такая, чтобы ни в какой мере не затормозить всех антирелигиозных мероприятий власти. Иметь некоторое время видимость свободы, а затем потерять всё с теми, кто оставался верным Церкви, не изменял ей! Чего добились? Стоило ли такою ценою искать таких результатов? Такие тяжкие раны Церкви, и такое бесчестие, такой позор себе самим! Обновленчество своей историей ниспрoverгло, осудило себя и оправдало честный и прямой путь. **Союз с властью принес и обновленцам полное разочарование. Они лишились всего, чего лишились и православные: у них храмы отбираются, их епископам и священникам негде жить. Итак, напрасные жертвы и напрасные потери.**

Но этого мало. Власть издевается, глумится над нами.

* Самых не арестовывали, позволяли немного кое-что печатать, иметь кое-какие учебные заведения. Правда, ненависть большинства населения к обновленцам обеспечивала от усиления их религиозного влияния, и свободы им можно было давать без особого риска. Им дозволена была и такая роскошь, как разъездное миссионерство, и то на время некоторым, причем и им быстро урезывали крылья, как только замечали их влияние на массы.

Тайно она нас заставляет и научает говорить и делать то, что ей угодно и дает свои обещания, а получив желаемое, явно и открыто, вслух всем, заявляет, что советская власть не только ни в какой Церкви не нуждается, ни в «живой», ни в «мертвой», но она и «по векселям не платит», выдаваемым ей церковниками*. Власть делает вид, что вы сами, добровольно, по собственному почину сделали этот шаг в отношении к ней, который ей вовсе не нужен, и она вам за это ничего не заплатит. Так большевицкая власть кривляется перед своим народом и целым миром, разыгрывая комедию, в которой действующим лицом делает Церковь на поозор и унижение Ее. Облачает Церковь в карикатурные, смешные одежды и смеется над нею вдосталь и тем сильнее бьет Ее. Но при этом, как вам ни больно, власть заставляет вас улыбаться...

Власть больше всего боится моральной силы, и хотя делает мучеников, но делать-то их никак не хочет, потому что они возбуждают и питают контрреволюцию, противление власти в народе, потому что они есть лучшая пропаганда против нее. Надо было убивать людей не физически только, но и морально, прежде всего. Склонить на примирение и соглашение с собою, безбожниками, было лучшим средством у власти, чтобы уронить в глазах народа, дискредитировать известного героя и мученика, человека, сидевшего в тюрьме, ничего не уступавшего и авторитетного в глазах народа.

Склоняя в раскол архиеп. Илариона в ярославской тюрьме, агент ГПУ говорил ему: «Вас Москва любит, вас Москва ждет...» Но когда архиеп. Иларион остался непреклонен и обнаружил понимание замыслов ГПУ, то агент изменился: «А сколько Вы имеет срока в Соловках? Три года?! Для Илариона — три года! Так мало?!»

* См. И. Степанов. «О Живой Церкви» и «Методы антирелигиозной пропаганды». Цитирую по памяти.

Однако архиеп. Иларион в последнем случае не был ни соблазнен агентом власти поехать из тюрьмы к «любящим» и «ждущим», ни испуган новым сроком лагерных принудительных работ. Пусть там «любят» и «ждут». Но если власть хочет вас отпустить к любящим, то, значит, там с этого времени перестанут вас любить. В таком скверном виде вас власть выпускает. Не ищет же она вам и всей Церкви добра! В самом деле, нужно ли ей, чтобы епископ встретился снова со своим народом, и народ бы получил полноту утешения и подкрепления в своей борьбе за веру? Это же в корне противоречит целям власти, стремящейся не созидать, а уничтожать Церковь и религию. Зачем верить лжи и лицемерию нашей власти? Нужно только понимать ее замыслы.

Пусть ГПУ совершенно не выносит большого понимания вещей у своих подследственных, тем более нельзя отказываться от этого понимания. На допросах ведутся разговоры на общие темы и даже затеваются религиозные диспуты. Если обнаружатся ваши ум и познания, уже не говоря о рассуждениях, о действиях властей, то вы оказываетесь определенно вредным человеком. Счастлив только тот, кто умеет притвориться глупеньким, не умеет ни на что ответить, не так, как я, несчастный, который сразу не выдержал и вступил со следователем в религиозный диспут. Митрополит Казанский Кирилл¹¹ за годы своей бесконечной ссылки имел недели две свободы в самой Москве. Агент ГПУ требовал от него повлиять на Патриарха или по вопросу об ответе архиеп. Кентерберийскому, или еще по какому-то поводу, не помню. Митрополит несколько раз отмалчивался на приставания агента, но, наконец, сказал ему: «Ну и умный же вы человек!..»

Взбешенный агент дал митр. Кириллу только полчаса на сборы. Митрополита отправили сначала в Усть-Сысольск, а затем, весною 1925 года, в лесные дебри, причем две

недели продолжалось путешествие по реке в лодке. Митрополиту не давали есть, оставляли спать на холоде, вне лесных изб, в которых чекисты сами ночевали, дергали его за бороду и издевались над ним так, что Митрополит стал просить себе смерти. Более года прожил он под владычеством коммуниста в лесу, где было только две охотничьи избы.

Итак, горе и митр. Кириллу, и архиеп. Илариону, да и всякому, кто понимал замыслы власти и от этого понимания не мог и не умел отказаться.

Архиепископ Иларион, передав нам свой разговор с чекистом, выразил уверенность, что ему освобождения не придется увидать, хотя время окончания срока его заключения приближалось. Действительно, к концу первого трехлетия он получил еще добавление, или «довесок», как выражаются в советских тюрьмах, в три года, причем в качестве нового обвинения было предъявлено, конечно, для проформы, — «разглашение государственных тайн», то есть разглашение всего многозначительного разговора его с агентом в ярославской тюрьме. ГПУ подслушало все его рассказы в лагере, а Иларион, правда, и не стеснялся не только говорить об этом, но даже описать для всего свободного, внелагерного мира, в виде диалога двух каких-то лиц, часть своего разговора с агентом. Обвинение, конечно, нелепое, потому что архиеп. Иларион — не сотрудник ГПУ, никакие служебные тайны ему не могли доверяться и, начиная с подписки не разглашать сказанного ему, как это практикуется часто на допросах в ГПУ, он не давал.

Обычно, если в ГПУ вам предлагается секретное сотрудничество, а вы его отклоняете, то берется подпись о неизвестном сделанного вам предложения. Вы таким уклонением характеризуете себя «неисправимым» и осуждаете себя на дальнейшее преследование власти без всякого снис-

хождения. По поводу этих гнусных предложений власти среди своей братии заключенных и ссыльных всегда ведутся шутливые разговоры, потому что редко кому эти предложения не делались. Если дано согласие на сотрудничество, то тоже берется подпись о принятии на себя этих обязанностей, и как-нибудь наедине ваш друг или хороший знакомый с ужасом признается вам, что под давлением разных обстоятельств он дал подпись в том, что он «как честный гражданин советской республики» (так эта записка начинается) обязывается доносить обо всяком случае контрреволюции, где его ни встретит. Но каково же бывало увидеть на Соловках, например, батюшку, отбывающего наказание по очень странной церковной статье Уголовного Кодекса: «невыполнение договора! Подумаешь, что он взялся за поставку дров для какого-нибудь советского учреждения, но их не поставил и авансы растратил. Нет. Оказывается, он, по честности своей, за несколько месяцев своего секретного сотрудничества в ГПУ не дал ни одного доноса и тюрьмы не избежал, хотя ради этого в свое время и подписывал договор с ГПУ.

Итак, опять-таки напрашивается естественный простой вывод: честный и прямой путь был единственno правильным путем нашим. Решимость сидеть в тюрьмах и ссылках и ничего не уступать власти — в наших силах и возможностях. И это, кажется, всё, что от нас в данный момент требовалось. Власть только манит нас из тюрьмы, но на свободе готовит нам смерть, ибо преследует свою конечную цель — уничтожить Церковь нашу, как и всякую религию. Власть добивается, чтобы мы, прежде чем умереть, быть уничтоженными, потеряли бы собственное достоинство, стали бесчестными людьми и умирали уже с презрением к себе. Разумею смерть нашу, смерть людей, оставленных жить, в конечном итоге, без храма, без богослужения, без народа, без общественной молитвы.

Мы должны сопротивляться власти, ее обещаниям не верить и умирать в борьбе с нею. Так я полагал. Таковы, в общем, опыты и наблюдения, определявшие отрицательное отношение к соглашению митр. Сергия с властью и других многих.

В центральном ГПУ в Москве, в так называемом «собачнике», то есть маленькой комнатке, куда бросают только что арестованных впредь до сортировки и где бывает так тесно, что я ровно сутки простоял, не сдвигаясь с места, я прочитал на стене выцарапанные кем-то «золотые правила для заключенных», где, между прочим, было и такое: «не верь своему следователю». Правило золотое. Большевицкая власть — всегда в роли следователя, и митр. Сергию, вступавшему в переговоры с властью и в свое время прошедшему тюремную школу, надо было бы это правило знать.

Если в игре в политику духовенства с большевицкой властью опасность для Церкви раньше только надвигалась, то теперь эта опасность пришла. Духовенство вместо прямого и открытого разрыва с богооборной властью ради своей веры, как это было в древности, во времена гонений, попыталось теперь с властью договориться на почве об юдного соглашения и уступок со своей стороны. Игра в политику оказалась нам не по плечу. Политика как искусство — не нашего духа дело. Власть в этой игре выиграла, а мы сдались полностью.

Кто-то однажды при мне, в присутствии одного архиерея сказал, что, может быть, удастся и перехитрить власть, и мы дождемся, что власть сдастся и принуждена будет дать нам религиозную свободу. Епископ на это ответил: «Беса не перехитришь...».

Действительно состязаться в хитрости с людьми тьмы, старыми подпольщиками-партийцами уж никак не наше искусство. Надо было порвать всякую связь с ними, а если

не порвали своевременно, то кончили тем, что связались с нею. Еще давно, в начале соловецкого сидения, архиеп. Иларион читал нам одно письмо, в котором женщины (по принятому у нас естественному и оригинальному шифру) рассказывали, как агент власти хвастал перед ними, что он «обведет всех наших архиереев вокруг своего пальца».

Агенты ГПУ от души хотели, когда митр. Сергий хотел устроить свидание с митр. Агафангелом¹² вне стен ГПУ, где это свидание было назначено. Оба Митрополита были на свободе, в Москве, но раньше, чем увидеться в ГПУ и в присутствии чекистов вести переговоры о правах своих на власть в Церкви (в связи с григорьевским расколом), встретиться не сумели. Над епископом, пытавшимся устроить эту встречу, они вдосталь смеялись, восклицая: «Ну и молодец! нас хотел перехитрить!» И дали ему три года ссылки. В общем, наши хитрости для них были забавны.

Но та хитрость, которая теперь была проделана ГПУ над нами, по своему масштабу превосходила все доселе бывшие опыты его над Церковью. Без преувеличения теперь можно было сказать, что вся Поместная Российская Православная Церковь оказалась пойманной в большевицкие сети. Как теперь выпрыгнуть из этих сетей? То обстоятельство, что митр. Сергий не только допустил ГПУ к контролю над Церковью, но именно к управлению Ею, не служит ли основанием для непризнания власти в Церкви самого митр. Сергея, как мы не признали власти обновленцев, за которыми стояло ГПУ. Да, но там были основания канонические, а здесь?.. Митрополит Сергий — законный наш архиерей, хранящий пока что в целости церковные каноны и догматы.

То, что ГПУ управляет Церковью и митр. Сергий ему подчинился, не будет официально объявлено, как не было объявлено и об обновленцах, хотя это было для всех вполне осознательно. В чём будем обвинять митр.

Сергия? Официально ведь никто, кроме него, не будет управлять Церковью.

Но обновленцев не признавать было легко: они совершили преступления против канонов. Это очень мешало ГПУ овладеть всею Церковью, портило его злую работу. Власть тогда отыскивала в нас контрреволюцию, но мы были незащищены: мы объявляли, что страдаем за Церковь, за Ее каноны, попранные обновленчеством. Теперь ничего этого нет. Никаких оснований, кроме политических, кроме соглашения с властью митр. Сергия, для отделения от него не оставалось. Да и те надо иметь в явном виде; да и имея в явном виде, попробуйте теперь не признать митр. Сергия!

Оказывается, при обновленчестве быть контрреволюционером было легко, ибо само же обновленчество своими противоцерковными деяниями позволило нам скрывать эту контрреволюцию, если можно назвать непризнание власти безбожников в Церкви контрреволюцией, а не борьбой за свою веру. Однако если власть была убеждена, что ссылкой на каноны церковники прикрывали свою контрреволюцию и не желали признать обновленцев только как ставленников ГПУ, то теперь она сделала новый опыт обнаружения церковной контрреволюции: она «дала нам нашего», канонического, который и будет работать целям власти, и будет наш. Пусть теперь кто-либо попытается его не послушать. Канонических причин для этого больше нет. Неповинующиеся ему будут доказанные, явные контрреволюционеры. Конечно, пощады таким не будет.

Теперь мы все поняли: загадка, давно данная агентом власти, отгадана. Нас вывели, как говорится на чистую воду. Всю контрреволюцию нашу враг обещал вскрыть, обнаружить, когда поставит нам нашего, канонического. И вот теперь это время настало. Бог видит, как мы искренне не же-

лали быть контрреволюционерами, но как же помириться с властью безбожников в Церкви?! Мы пойманы, накрыты, попали как птицы в западню, ловко на нас расставленную.

Все наши бесконечные беседы и рассуждения на эту тему были нам бесполезны. Никто не знал, как мы выйдем из положения. Нас обошли, окружили. И мы были так сконфужены, как будто нас поймали на месте преступления.

Когда появилось послание митр. Сергия¹³, в нашем Зырянском ГПУ один чекист не удержал в себе злорадства и архиерею, пришедшему, по обычаю, расписаться в своем явочном листе, сказал: «А здорово подковырнул вас Сергий!..».

Это было его буквальное выражение.

ГПУ накрыло нас и ликовало, и ожидало обнаружения неповиновения митр. Сергию, то есть чистейшей воды контрреволюции.

Наше положение было до крайности тяжелым. При мысли о делах церковных ум был в недоумении, воля — в расслаблении, чувства — в стыде и скорби.

3.

Еще до послания первые шаги митр. Сергия в подчинении у ГПУ проявились в перемещении архиереев с их насиженных кафедр на другие. Большинство архиереев, если и не были на своих кафедрах по много лет, то так много пережили вместе со своим народом тяжелых скорбей, столько пострадали за его веру, что сроднились и соединились с ним неразрывными узами любви.

Вообще же, перемещение с одного места на другое и устройство на новом месте не только для епископа, но и для священника представляет в советских условиях такие трудности, что все дорожат своим уголком, каков он ни есть,

в ожидании более удобных времен, и только крайняя необходимость заставляет покидать эти свои углы.

Из интересов же Церкви перевод архиерея с одной кафедры на другую в такое время, кажется, никак не вытекал, и всякие соображения по этому поводу были доступны только одному митр. Сергию. Никто объяснить его действий не умел. Одно только очевидно было для всех, что сплоченность и любовь народа и паства совершенно невыносимы для ГПУ. Как их разъединить — для ГПУ всегда была задача, ибо через тюрьму и ссылку это совсем не достигалось. Теперь чисто законным церковным порядком эта связь прорвалась.

Распоряжения митр. Сергия о перемещениях произвели немалое волнение в Церкви. И паства, и архиереи протестовали. Митрополит выражал удивление, почему прежде, в старые времена, при перемещениях по приказу Синода никто не протестовал, а теперь вдруг такое неповинование. Он пригрозил непокорным запрещением в священнослужении. Многие повиновались и поехали на новые кафедры, некоторые попросились за штат, на покой. Весьма немногие остались на своих прежних местах. Это — счастливый удел безвредных для ГПУ людей.

Но никто не осмелился сказать Митрополиту правду о причине нежелания повиноваться его приказу: «Ты действуешь по указке ГПУ и на пользу безбожникам». Да и не было достаточных оснований выступать с таким обличием. Формально Митрополит был прав. Все молчали и ждали дальнейшего. Митрополит же на этом деле произвел пробу сил своих и проверку епископата: кто окажет послушание сейчас, тот принужден будет послушаться его и потом, в дальнейших его требованиях.

Вскоре за этим последовало учреждение Синода при

Митрополите¹⁴ и, наконец, появилось послание его к народу.

Теперь можно было ожидать каких-либо выступлений против Митрополита.

Митрополит продолжал делать то, что приказывала власть: запретил поминование по церквам заключенного духовенства¹⁵, потому что власть может заключать в тюрьмы, разумеется, только контрреволюционеров, и поминование их за богослужением есть политическая демонстрация; по тем же соображениям стали лишать кафедр заключенных архиереев, назначая на их места других, тогда как до сего времени на места заключенных посыпались временные заместители, если не было в епархии своих викарных, которые несли обычно обязанности управления за отсутствующего; далее Митрополит приказал возносить за богослужением моление о властях, и, наконец, распорядился поминать за богослужением и себя после имени митр. Петра, которого, хотя и заключенного, нельзя было лишить его кафедры, чтобы не потерять всей Церкви из своего ведения.

Поминовением же имени митр. Сергия каждая приходская Церковь показывала, что она приняла его за главу и подчинилась всем его приказаниям... Непоминование означало обратное. Как в свое время поминование имени Патриарха за богослужением было признаком контрреволюционности данной церкви, так теперь, наоборот, непоминование имени митр. Сергия могло означать контрреволюцию. Испытать Церковь можно было только этою последнею мерою. Вот такая произошла перемена. Вот что означала легализация.

Вся Церковь почувствовала, что митр. Сергий совершил преступление, что он сдал управление Церковью власти безбожников и действует, и будет продолжать действовать впредь под диктовку ГПУ.

Митрополит получил огромное количество анонимных писем с протестами, обвинениями и оскорблениеми. Вопрос о признании митр. Сергия был поставлен в православных приходах всей страны. От Белого моря и зырянских деревень и до Черного моря — на всем пути, который я в общем проехал перед побегом своим заграницу и лично сам в этом убедился. В Москве народ при встрече с Митрополитом не давал ему покоя.

Один из ближайших сотрудников Митрополита писал мне в Зырянский край: «Каждая баба считает своим долгом бросать митр. Сергию оскорблений». Я ему отвечал: «Ведь у нас, у православных, так: если и архиерей лжет, то и баба ему об этом в глаза скажет».

Некоторые священники и многие епископы явились сами к Митрополиту и высказывали ему в глаза резкие обличения. Другие епископы написали ему очень смелые протесты, в которых не только перечисляли пагубные для Церкви мероприятия его, но указали на вредность и бессмысленность самого союза Церкви с такою гражданскою властью. Однако в конечном результате весьма немногие архиереи решились выйти из подчинения Митрополиту Сергию и создать новый раскол. Митрополит угрозою запрещения в священнослужении, по праву законного главы Церкви, привел большинство протестующих к повиновению.

Хотя сладкому самообману наступающего мира с властью предались весьма немногие епископы (в каких обстоятельствах не найдешь таких оптимистов!), а подавляющее большинство, раз подчинившись Митрополиту, принуждено было тотчас защищать его от нападок протестующих собратий и народной массы, которая готова была вся, целиком, отойти от Митрополита, появясь для этого общий для всей Церкви вождь. Но такового вождя не было, согласно с волею епископов и отдельных священников выходили из

подчинения митр. Сергию епархии и отдельные приходы.

Епископы, защитники Митрополита, решили продолжать борьбу за каноны, полагая, что подчинение законному архиерею — выше всего. За это боролись от начала с обновленцами, и теперь уже нечего было отступать. Надо уж стоять до конца на своем пути. Они рассуждали так: надо сохранять единство Церкви. Новый раскол недопустим, и то, что он уже возник в лице отделившихся от митр. Сергия, есть новое великое горе. Деяниями Митрополита догматы и церковные каноны не повреждены, и нет достаточных оснований ему не подчиняться. Пусть Митрополит принимает грех на себя, это его дело, он будет отвечать за всё на суде церковного Собора, который когда-нибудь будет, а мы его судить не можем. Мы должны исполнять то, что он приказывает, хотя это нам и не нравится.

«Пусть героический период борьбы Церкви за Себя кончился, а начался период унижения, который должно тоже принять, — писал мне какую-то странную новую теорию один из ближайших сотрудников митр. Сергия. — Хотя это унижение возложил на нас наш первоиерарх, но идти на раскол с ним мы не можем»

Вот рассуждения, высказывающиеся везде: и устно, и письменно епископами, а за ними и священниками, решившими остаться с Митрополитом. Конечно, для укрепления веры в Церковь, в оправдание разных деяний Митрополита и в успокоение совести своей и чужой, приводились не только каноны, но и тексты Священного Писания?: «Церкви врата ада не одолеют», «Нет власти не от Бога», «Надо молиться за властей» и прочее тому подобное.

Большим приобретением для митр. Сергия было то, что на поддержку ему стал архиеп. Иларион. Как человек авторитетный, он повлиял на многих и некоторых епископов успел возвратить к митр. Сергию. Главный свидетель пла-

нов ГПУ по уловлению Церкви в большевицкие сети, он менее всех был склонен осудить первоиерарха за неполезные для Церкви поступки. Слишком хорошо известны ему были условия, в которых церковное управление работает, чтобы осудить его за ошибки.

Характеризовать как-нибудь подробнее все обманы, ложь, наглое бесстыдство, омерзительное притворство и лицемерие, провокационные выходки и прочие подлости агентов власти даже архиеп. Иларион не умел. Когда касался разговор отношений власти и церковного управления, то он говорил так: «Нет, друзья мои, ведь надо побывать в этой обстановке, хотя немного, а так не опишешь...» Посмотрев на нас слушателей и, как бы спрашивая нас, поверим ли мы ему или нет, он добавлял: «Это, воочию, сам сатана...».

Архиепископ Иларион делал и сам ошибки; он тот, кто самоотверженно боролся с безбожием и церковным расколом, неустанно проповедовал против них в церквях, проводил блестящие публичные диспуты с представителями того и другого, организовывал отнятие храмов у обновленцев, свидетельствовал истину на допросах в самой тюрьме среди посолов и угроз (когда столько в такой обстановке пали, сдались). И вот он же именно был один из (двух) сторонников отречения Патриарха от власти. Настолько кратко, хотя и остро, занимал этот вопрос Церковное Управление и настолько быстро и сам архиеп. Иларион со знал свою ошибку, что об этой его позиции далеко не все среди епископата знали. Не без его влияния, хотя и на весьма малое время, был заведен Патриархом совершенно несбыточный в Русской церкви новый стиль. Наконец, в той же ярославской тюрьме, агент ГПУ всё-таки сумел получить от него письмо к Митрополиту Сергию о том, чтобы последний не занимался каноническими прещениями по адресу григорьевцев. Григорьевцы, конечно, по этому поводу немало ликовали, а архиеп. Иларион, возвратившись в Со-

ловки, горько поскорбел. Часто прерывая какие-то свои мысли, он говорил нам вслух: «Вот, григорьевцы говорят, что «Иларион за нас», а Иларион опять в Соловках... вот как».

Если он сам попадал под влияние ГПУ и делал ошибки*, о которых ему тяжело было потом и вспоминать, то не стал он и вообще производить какую-либо оценку действиям митр. Сергия, настаивая только на том, чтобы от него не отделялись. В Зырянском крае я получил от него письмо из Соловков, в котором он писал мне, что в соглашении митроп. Сергия с властью не видит ничего особенного. Я понял его, потому что мне хорошо был известен и его принципиальный взгляд. К моему глубокому сожалению, архиеп. Иларион рассуждал так, что отношения Церкви с властью регулируются практическим расчетом: как во времена татарского ига представители Церкви были послушны и покорны ханам, а когда нужно было, благословили и на свержение их ига, так и теперь. Слышал это из уст Архиепископа не я один, но я немало возражал ему, полагая, что возводить в закон разные случаи истории не следует. У нас могут быть более принципиальные взгляды для руководства. Таким образом, ошибался ли митр. Сергий или поступал с практическим расчетом, архиеп. Иларион не строго судил об отношениях главы Церкви с властью. И он был не прочь, для вида хотя, очиститься от политики. Самому архиеп. Илариону приходилось читать лекции о совместности христианства и социализма, когда агент ГПУ требовал от него доказать этим, что он не контрреволюционер. Правда, потом чекист ему говорил: «На любимые темы вы легко говорите, а вот здесь-то, как будто кто клещами вытягивал у вас слова...»

Что же такое — соглашение митр. Сергия с властями: ошибка или практический расчет? Конечно, не ошибка.

* Что касается нового стиля, то он и сам полагал, что введение его есть такое же простое дело, как и перевод часовой стрелки. Не знаю, чтобы кто-либо из епископов был сторонником его взгляда.

Ошибиться после стольких опытов было бы безумием. А если практический расчет, то почти что в смысле архиеп. Илариона. Нельзя же сколько-нибудь верующему человеку желать искренно укрепления безбожной власти навсегда.

Митрополит Сергий у себя в покоях спрашивал обычно протестовавших против его деяний архиереев: «Скажите, что делать?». И архиереи, его собеседники, молчали. Положение трагическое. Они в его положении ничего не умели ему посоветовать. Сильное место митр. Сергия против всех, критиковавших и просто ругавших его, было то, что ничего положительного посоветовать ему никто не мог, ибо никто не знал, как жить и действовать в Церкви дальше. Сам Митрополит тоже знал только одно, что жить как-то надо и в советских условиях.

Чтобы не сидеть дальше в отношениях к власти между двух стульев и сказать, наконец, определенное «да» или «нет», нужно было или снова повернуть к первой анафеме на большевиков Патриарха Тихона, или идти на полное подчинение им. О первом он и помылить теперь не мог, оно сдано в архив и забыто бесследно, осуждено самим Патриархом, который оставил ему другой путь. Соловецкого же послания митр. Сергий не читал. При обыске, в бытность его в Нижнем Новгороде, чекисты у него это послание нашли и митр. Сергий должен был признать, что видя, что оно длинное отложил его в сторону*. Конечно, после он его читал и на него, видимо, ответил в своем послании фразою, что «только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всею Ее организацией, может существовать спокой-

* Вот поистине, не пришлось мне пожалеть, что мой проект не был принят и не пошел из рук моих к нашему Первовиарху. А когда я увидел после, что из сторонников «соловецкого послания» ни один не остался ему верен, но все, начиная с автора его, подчинились митр. Сергию, то получил, грешный, и полное удовлетворение своему попранному самолюбию.

но, закрывшись от власти». Он — не мечтатель, он — человек жизни, практики, сталкивающийся непосредственно с нуждами Церкви в каждый момент.

Настоятельная необходимость момента была — сохранить центральное церковное Управление. Благодаря неуступчивости первоиерарха, таковое Управление, в сущности, не существовало. Пока он сам сидел в тюрьме, будучи заместителем митр. Петра, то переменилось еще несколько его заместителей, которые по очереди, один за другим, садились в тюрьму. Временное отсутствие центрального Управления порождало расколы, которые фабриковало то же ГПУ, и уже сделало их два (обновленческий и григорьевский) именно в такие моменты безвластия. ГПУ возглавляло Церковь епископами, которые, сами обманутые, обманывали церковный народ и дробили его на части.

Самому митр. Сергию пришлось выдержать борьбу с григорьевским Управлением, попытавшимся возглавить Церковь вместо него после ареста митр. Петра. Конечно, он знал, что безбожники не прекратят своего дела гонения на религию и борьбы с Церковью, но пусть хотя временно, доколе существует Поместная Российская Православная Церковь, будет у Нее и центральное Управление, сохраняющее Ее внутреннее единство. А там, авось, произойдет какая-либо перемена.

Об этом главном приобретении Митрополит и извещает в своем послании, говоря, что «теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление... Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким образом, в положении нашей Православной Церкви, Ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений»*. Вот какое значение

* См. «Послание временного Патриаршего Синода» от 16/29 июля 1927 г..

придает своему приобретению сам митр. Сергий.

Конечно, для нас, подавляющего большинства членов церковного клира, было совершенно очевидным, что никаких таких перемен не произойдет, а что центральное церковное Управление существовать теперь будет, — этому мы верим, оно нужно ГПУ. Это будет единственное, первое и последнее наше приобретение. На свободу же Церкви надежды напрасны.

Итак, главная цель, ради которой принесены были митр. Сергием все жертвы, — получение легального прочного церковного Управления — была достигнута. Кажется, удовлетворили великую насущную нужду Церкви. Но когда добились этой цели, то она оказалась такою пустою, ненужною и ничтожною, что не стоила совсем принесенных жертв.

Церковное Управление, боявшееся безвластия в Церкви и ради спасения Церкви от самочиний и расколов попытавшееся сохранить себя, не только не спасло Церковь от нового раскола, но и само породило его, тогда как до сего времени расколы создавало ГПУ. Митрополит принужден был вновь спасать Церковь от раскола и бороться за Ее единство. Всею властью канонического первоиерарха он стал запрещать в священнослужении протестующих против его действий епископов и священников. Он пользуется безвыходностью положения своего епископата, который, идя всё время честным путем, не мог с ним согласиться, но, в то же время, и не знал теперь, куда от него уйти.

Митрополит Сергий первый из первоиерархов проявляет теперь всю силу своей власти. Он не только законный архиерей, но особенно законный, до него еще не было такого законного, он — безошибочный папа, ему нельзя возражать под страхом прещения. Он спасает теперь единство Церкви своим правом насилия.

Казалось, не лучше ли всем дать возможность выйти из-под своего владычества и показать гражданской власти, что совесть всего клира и народа не мирится с таким положением?! Но, подавляя эту совесть правами законного, он думает, что спасает Церковь он, а не Церковь спасает его. Однако, как он мог поступить иначе? Могло ли ГПУ позволить ему не использовать своих прав законного архиерея, когда оно на горьком опыте обновленцев узнало, что через беззаконников в Церкви ничего не сделаешь.

Овладение волей законного — не было ли главною целью ГПУ?

Бедное церковное Управление под этим насилием законных своих прав скрывало, конечно, внутреннее моральное бессилие. Управление принуждено было от авторитетных архиереев собирать письменные признания себя и распространять их. Кажется, права на власть так бесспорны, что снова доказывать их не стоило. Что было несомненно, и в чём Патриаршее Управление раньше не нуждалось, то теперь вдруг стало сомнительным, и ему пришлось поступать по образцу обновленцев и григорьевцев. Патриаршее Управление не боялось слов врагов, ибо они были клевета и ложь, а теперь оно заколебалось, что-то такое наделало, от чего потеряло уверенность в себе.

Результаты соглашения митр. Сергия с ГПУ, как и следовало ожидать, были до крайности печальны. Всё произошло так, как предполагалось. Синод митр. Сергия включил в свой состав, прежде всего, митр. Тверского, ныне Саратовского, Серафима (Александрова), который и остается бессменным членом этого Синода поныне. Это был злой гений Патриаршего Управления.

Однажды в его отсутствие Патриарх устроил заседание епископов, на котором был восстановлен на своей кафедре

один лишенный ее епископ*. Прибывший митр. Серафим взял протокол этого постановления и снес его в ГПУ, отчего у Патриарха было много неприятных разговоров с агентом ГПУ. Одно дело о награждении одесских священников также через него стало известно ГПУ раньше, чем следовало. Архиепископ Иларион за неделю до своего ареста получил от него предупреждение в том смысле, что раз власть ему не доверяет, то нужно самому уйти от службы. ГПУ иногда рекомендует это тем, чей арест для него неудобен почему-то. Архиепископ Иларион своим отказом митр. Серафиму определил себя на заключение, которое за тем и последовало.

Кстати сказать, такую ужасную роль — посредника в делах ГПУ — выполняли обычно впавшие в раскол епископы. Архиепископ Евдоким (Мещерский), обновленческий митрополит, в стенах ГПУ, понуждал митр. Новгородского Арсения перейти в обновленчество. Митрополит Арсений сказал ему, своему бывшему сослуживцу по Московской

* Хотя мне очень бы хотелось обо всем, что касается заграницы, рассказать в отдельном очерке, но и сейчас не смею скрыть факта (о котором упомянуто мною в 1-й части этого очерка), что дело касалось восстановления на кафедре Северо-Американской митр. Платона, который был лишен ее по настоянию ГПУ, и — при скандальных обстоятельствах обнаружения бесстыдной чекистской деятельности митр. Серафима, — был восстановлен на этой кафедре. В этом — яркий пример, как Патриарх на деле (хотя на словах было у него иначе) боролся за независимость Церкви от ГПУ и не желал даже заграницу в чем-либо стеснять(18). Стоит ли это, последнее доказывать? Но отсюда и вообще вывод: стоит ли здесь, заграницей, останавливаться только на одних формальных основаниях, бумажках и приказах из России, и стараться не понимать правды, сути дела? Но если Патриарх не без борьбы с ГПУ оставил в силе свое постановление о восстановлении митр. Платона на его кафедре, то, конечно, не для того, чтобы последний, в конце концов, объявил автокефалию(19). Белорусская автокефалия, провозглашенная в самой России и поддержанная ГПУ, так и не нашла признания Патриарха и ее «митрополит» вынужден был во имя церковной дисциплины снять с себя свои незаконные доспехи. Любовь к почившему Патриарху, любовь к истине и мужество, которое сопровождает любовь, надеемся, приведет митр. Платона на дело исправления своей ошибки.

Академии: «Но ведь вы же знаете, что обновленчество беззаконно». — «Что поделаешь, если они требуют», — ответил архиеп. Евдоким, кивая головой на дверь чекиста. Когда митр. Арсений остался непреклонен, архиеп Евдоким с гневом сказал ему: «Ну и сгнивайте в тюрьме!» И с этим покинул узника.

Другой епископ, Борис (Рукин), склонял заключенного еп. Амвросия (Смирнова) в григорьевский раскол. Разговор происходил почти в тех же выражениях и окончился злобою и угрозами несчастного раскольника.

Митрополит Серафим, много знающий и умный человек, избегал расколов, но избегал и тюрьмы, чтобы послужить, в конце концов, целям ГПУ, находясь в среде православных. Пребывания его под арестом были чрезвычайно кратки. Причины этого всем были понятны. Еще во времена полной свободы Патриарха, однажды, после службы в церкви св. Тихона Амафунтского на Арбате в Москве, в которой я сослужил митр. Серафиму, мне пришлось в разговоре с ним слышать из его уст порицания Патриарху за то, что тот не идет на соглашение с властью. Если это говорилось среди нас, среди своих, то что же говорилось перед чекистами и следователями?

Помню, когда Борис (Рукин), еще в сане архимандрита, сидел со мною в Московском ГПУ и осуждал Патриарха вслух нас заключенных, то один из «светских» моих соузников сказал мне: «этот долго не просидит». Конечно, он быстро освободился, но оставался около Патриарха и даже вскоре сделался викарием Московским.

Роль митр. Серафима — на глазах всей Москвы. Ни одна московская церковь не приглашает его на богослужение. Народ его не выносит. За ним слава «митрополита Лубянского»*, завсегдатая ГПУ. И без этого человека ничто не де-

* Центральное ГПУ находится в Москве на Лубянской площади.

лается в Синоде митр. Сергия. За его политическую линию митр. Сергий объявил его человеком « дальновидным ». Этот человек, наконец, восторжествовал, достиг того, за что боролся, и нашел среду для приложения всех своих сил в Синоде митр. Сергия.

ГПУ получило желательный для себя Синод. Недаром митр. Пётр его боялся; он знал, кто ходил на свободе, и кто попадет в его Синод.

Уже будучи в бегстве с места ссылки и проезжая по России в поисках выхода к границе, я был у одного епархиального архиерея, старого знакомого по одному из мест моего заключения. Не желая тревожить его страхом за меня и за себя, хотя на несколько часов нашего общения, я ничего не сказал ему о своем положении беглеца, уже разыскиваемого ГПУ. Поэтому, узнав, что я не хочу занимать своего места в Москве, архиерей предложил мне у себя в епархии священническое место, предупредив по-дружески, что он мою кандидатуру должен представить в ГПУ. Уже не говорю, как это было некстати для моего положения, но и противно моей душе до омерзения. «Нет, из таких рук я священнического места никогда не приму», — сказал я.

Оказывается, всякий раз списки кандидатов на вакантные места подаются архиереем в ГПУ, а оно уже избирает удобных для себя лиц. Эта новость сергиевского режима в Церкви, может быть, покажется сразу не так предосудительной, но надо же знать, каким принципом руководится ГПУ в выборе лиц на священнические места.

Бесчестного, порочного, недостойного своего звания священника, того, который отгоняет народ от Церкви, убивает в нём религиозное чувство, архиерей бессилен удалить из прихода, потому что он имеет поддержку ГПУ, будучи и заведомым чекистом. ГПУ же осмеливается не

только защищать такого от архиерея, но и требовать его назначения, если он без места. Всех сколько-нибудь деятельных, умных, честных, поддерживающих религиозные настроения в массах, ГПУ неумолимо продолжает устранять, будь они даже сергиевской ориентации. Большевики твердо помнят, чего они хотят, и добиваются своего.

Положение сотрудника ГПУ (ведь безобидная подпись быть «честным» гражданином и им, моим епископом, дана) совершенно невыносимо для моего епископа и доставляет ему тяжкие нравственные страдания. Нервная система его расшатана, ночи он не спит, вызовы в ГПУ и разговоры там, хотя и являются весьма любезными и чуть ли не дружескими, совершенно убивают его, и он чувствует себя развалиною в молодые свои годы.

Я доказываю ему необходимость отделиться от митр. Сергия и, конечно, идти опять в тюрьму. Он говорит мне, что этим дела уже не поправишь. Ничего не изменится в создавшемся порядке. Бросить кафедру невозможно: народа жалко, народ у него еще есть, и этот народ не знает, куда идти; остались храмы под знаком православных только сергиевские. Может быть, он уйдет за штат и заменит себя кем-либо, потому что далее исполнять распоряжения ГПУ у него нет уже сил.

Прежде епископы (кроме обновленческих и григорьевских) в ГПУ — чужие люди. Теперь они — свои там и почти что завсегдатаи. В некоторых местах сергиевские епископы пользуются полным доверием ГПУ. Так, например, в одном месте касса кафедрального собора по предложению ГПУ целиком находится в руках архиерея, вопреки всем светским правилам и обычаям, и приходской совет без его разрешения не может истратить ни одной копейки, его боится и с ним считается, зная, кто стоит за его спиной.

От одного архиерея, имя которого, как и многих других, не называю, ГПУ потребовало подать списки на всех монахов и монахинь города и епархии. Он подал такие списки, и тотчас все они поголовно были арестованы и сосланы в места ссылок. При этом само же ГПУ не постыдилось распространить слух, что оно здесь ни при чем, а виноват во всём архиерей, который подал на них списки. Конечно, это — клевета, но пособничество было действительно и со стороны архиерея.

Зачем играть такую позорную роль? Но как быть иначе сергиевскому епископату? Тихоновские епископы не имели нужды в такой работе. Их дело было сидеть по тюрьмам. А этим надо быть на свободе, чего никак ГПУ даром не может предоставить духовенству.

Один епископ получил от митр. Сергия назначение на епархию. Агент ГПУ поздравил его с назначением и добавил: «Теперь придите ко мне (разумеется, на Лубянку): договоримся».

Нужно заметить, агент ГПУ бывает дважды в неделю (а один раз непременно) в Управлении митр. Сергия. Важно обойдя всех посетителей и расспросив каждого — откуда он и зачем явился сюда, чекист уединяется с митр. Сергием. Но большей частью, вместо себя в канцелярию сергиевского Синода старший агент посыпает своих помощников.

Указанный мною епископ отказался от кафедры и на Лубянку не пошел. Но если кто не имел мужества отказаться от кафедры вовремя, тот обязан был получать напутствия от ГПУ, если ГПУ находит нужным их дать. В провинциальном же ГПУ, вновь прибывшему епископу, немало подождавшему в приемной, начальник наставительно и серьезно говорит: «советую вам твердо держаться митр. Сергия, в этом ваше спасение (разумеется, от репрессий ГПУ).

Таковы факты.

Конечно, как предполагалось, талантливейшие и деятельнейшие архиереи, хотя и признали митр. Сергия, не получили своих кафедр. ГПУ не позволило.

Вспоминается Патриарх. Тот давал свои назначения. И пусть архиереи, отправляясь в одну сторону, попадали в противоположную. ГПУ делало что хотело и могло, но и Патриарх исполнял свой долг перед Богом и Его Церковью по совести. А теперь ГПУ наносило нам удары нашими руками.

Пойдя за митр. Сергием, повинуясь ему, как законному иерарху, при великих компромиссах совести своей, лучшая часть епископата зачеркнула годы своего сидения в тюрьмах и ссылках, честного пути и борьбы. Митрополит Сергий сдал свой епископат врагу. Моральные силы епископата, согласившегося работать с ним, низложены им.

Что сказать о прочем духовенстве? Если сказать о большинстве, то, конечно, оно со дней борьбы с обновленчеством пошло по линии наименьшего сопротивления. Легкий и удобный путь, конечно, склоняет на свою сторону большинство. Обновленчество сулило покой, освобождало от тюрьмы, — почти все пошли в него. Прошел острый период первой борьбы, когда все деятели были арестованы, — они возвратились обратно в Православие, поскольку народ этого потребовал.

При митр. Сергии — снова испытание. Конечно, большинство духовенства охотно последовало за митр. Сергием: лишь бы подальше от тюрьмы. Народ, поднявший ропот против митр. Сергия, осаждал свое духовенство, желая знать его отношение к Митрополиту. Слушая всякие хитросплетения в защиту его из уст своих духовных отцов, народ с великим огорчением понимал, что всё это говорится ими «для спасения собственной шкуры». Это и выражалось час-

то в глаза отцам. Слишком знакома была всем эта психология. Не знаю, какие моральные силы мог подорвать митр. Сергий у большинства рядового духовенства, но что психология этого большинства могла подорвать моральные силы самого митр. Сергия, это я допускаю.

Какую дальнейшую борьбу можно возложить на плечи духовенства? **Обновленчество не есть ли бунт рядового духовенства против Патриарха, возложившего дело борьбы с властью на всю Церковь и не шедшего с властью на примирение?** Я, маленький священник, не был ли одинок в борьбе с обновленчеством в своем трехштатном приchte и не скорбел ли в моей ссылке, что приход мой уходит к митр. Сергию без борьбы, которой я, отсутствуя сам, ни на кого не могу возложить? Но и что могло быть, если бы митр. Сергий объявил борьбу со властью? Не то же ли, что при изъятии церковных ценностей, когда, невзирая на послание Патриарха, все от страха репрессий взялись сами решать вопрос об отдаче ценностей?

Обозревая настроение подавляющей массы духовенства, той массы, которой надлежит выдержать всю тяжесть борьбы и принять главные удары врага, митр. Сергий и мог склониться дать этой массе безболезненную кончину. Пусть имеют центральное Управление и его держатся, пока всё само собой не кончится в общем порядке ликвидации всякой религии и Церкви в России. Итак, если теперь сам митр. Сергий пошел по линии наименьшего сопротивления, то кому он угодил, как не массе духовенства?

Повторяю, что разговор идет о большинстве духовенства. Меньшинство оказалось сопротивление митр. Сергию. Нашлись священники в той же Москве, как и в провинции, которые не признали митр. Сергия. Народ бросился к ним. Но на этот раз сопротивление продолжалось недолго, меньше, чем при обновленцах. Известными доводами о кано-

ничности митр. Сергия и о будущем Соборе, который будет судить его, уполномоченные митр. Сергия «уговорили» подчиниться, если не всех восставших против него, то большую часть их. (Как не подчиниться, если за непризнание митр. Сергия начали арестовывать!) Во всяком случае, так сдались наиболее самоотверженные и честнейшие пастыри.

Следует подчеркнуть любопытный факт: и сторонники митр. Сергия утверждают, что его непременно надо судить. Поистине, преступления не скроешь и напрасно трудишься, подавляя голос совести своей и чужой.

Итак, народ в заключение остался с храмами только митр. Сергия. Других не осталось. Пастыри завели народ туда, куда сами пошли. Со дней обновленчества и далее народ смущали и разбивали на части вожди его, но, наконец, настала такая пора при митр. Сергии, когда и православные христиане не знают, куда голову приклонить. Ходить в храмы митр. Сергия, где поминается его имя и возносятся молитвы за советскую власть, ни у кого душа не лежит, но идти больше некуда. Неходить в эти храмы, значит, остаться совсем без храмов, без богослужения, без религии. Решиться на это большинство верующих совершенно не может. Остается с тяжким компромиссом совести идти за митр. Сергием*.

Архиерей, у которого я кратко гостил в дни моего бегства, умолял меня не обмолвиться ни одним словом против митр. Сергия в присутствии пасомых. Надо хранить

* Приход мой (церковь св. ап. Петра и Павла, что у Преображенской заставы в Москве) роптал, не давал покоя моим сослуживцам и забросал меня письмами в Зырянский край, желая знать мое отношение к митр. Сергию. Мое положение было до крайности грустное. Если бы я был дома, то противопоставляя приход митр. Сергию, пострадал бы за это сам: мои сослуживцы опять бы остались в покое. А теперь, что другое я мог посоветовать, как только каждому в отдельности прихожанину отойти от общения с митр. Сергием. Но зная, что это будет многим не по силам ввиду оставления своего храма, порекомендовал это некоторым, сильнейшим, да и то не сразу, а убедившись в твердости их духа.

покой народа. Но я потом многократно убеждался в своих скитаниях, что, действительно ничего не надо говорить: все сами всё знают. Только не говори, чтобы не причинить скорби, отнимая последние святыни. А молчишь, избегаешь разговора на эту тему, потому что когда начинают ужасаться и спрашивать: «Что же делать, куда идти?» — то ты ничего посоветовать не можешь.

Борясь с обновленцами, мы говорили народу: «Оставьте их, пусть храмы их будут пусты». И народ слушался: храмы обновленцев оставались без людей, потому что людям было еще куда идти. Народ мог отстоять путь Истины. Теперь же он бессилен, он оставлен паstryями, ему не за кем идти.

Теперь с народом случилось то же, что с лучшею частью епископата и духовенства: вопреки совести идти за своим вождем; не свободно и радостно, а как пленник или проданный раб. В силу этого с народом случилось большое духовное несчастье: у него отнята душа, всякое воодушевление в борьбе за веру, ревность, усердие к служению Истине.

Сначала отняты вожди, любимые архиереи и священники, в которых имели радость и духовную поддержку, потом случилось худшее: не только все оставшиеся, но и любимые изменили Истине, пали, принесли пасомым тяжкие разочарования. Ни на кого нельзя надеяться. Если архиереи и священники сами не знают Истину или знают, но сознательно лгут, у них нет правды и честности, то на что же надеяться? Так говорят люди. Поэтому: ... *поражу паstryя, и рассеются овцы* (Мк. 14, 27).

Прежде, при Патриархе, моральная сила всей Церкви противостояла грубому физическому насилию власти. Теперь этой силы не стало ни в духовенстве, ни в церковном народе вслед за их вождем. Таковы результаты соглашения митр. Сер-

гия с ГПУ. Для врага самое главное было — низложить моральные силы церковного народа, ибо он боялся героизма, протеста, единодушия. И этого он, наконец, дождался.

Что такое закрытие и разрушение храмов в России? Для врага Церкви это было дело второе и последнее. **Главное для него было — уничтожить нас нравственно и духовно.** Чего он сам не мог сделать, в том ему помогли, ведь овладеть духом — не то, что телом. Первое всегда, до смерти в нашей власти. Только здесь мы независимы. Ослабив силы духа, сломив его сопротивление, он уже делает далее всё, что хочет. Постепенно он своей цели добивался, и поскольку ослабевало нравственное сопротивление Церкви, постольку не стеснялся физического насилия над Ней. Неужели это не факт? Чем объяснить, что без протesta масс уничтожаются на их глазах их святыни? Конечно, общим моральным упадком.

А от людей самоотверженных и глубоко верующих я слышал и такое рассуждение: «Раз все исподличались, и между духовенством нет честных людей, то уничтожай, Господи, всё!» Конечно, это — отчаяние, но моральное состояние людей Церкви привело в отчаяние и таких людей. Пастыри и народ связаны неразрывно.

Церковь митр. Сергия отказалась быть мученицей, страдалицей за веру. Прежняя тихоновская Церковь была бельмом на глазу у большевицкой власти: Она своим упорством стесняла свободу действий власти над Ней, мешала поскорее с Ней расправиться. На эту Церковь могла опираться и указывать заграница, как на голос Истины, подлинного положения правды в той же России. Она была свидетельницей гонения на религию. Поэтому большевикам Она казалась моральным оплотом зарубежной контрреволюции; она поддерживала и внутреннюю контрреволюцию. Нужно было, чтобы вся Церковь отказалась от мученичества, как в

свое время отказался Патриарх, который принес этим большое разочарование загранице и радость большевикам.

Кто же теперь окончательно развязал руки врагу для расправы с Церковью, как не митр. Сергий? Не этого ли хотела большевицкая власть? Словом своим он снял всякое обвинение против советской власти и делом допустил ее к власти над Церковью. Теперь погибай без поддержки и сожаления. Кто тебе будет сострадать после этой лжи? Кому ты нужен? Кто на тебя будет опираться в борьбе с большевиками? Кто будет к твоему голосу прислушиваться? Для кого ты авторитетен?

Митрополит Сергий и его Церковь — не величина. Они — как ничто. Большевики низложили, насколько могли всякий авторитет и значение Русской Церкви. И дело физической ликвидации Церкви пошло легко, без всякой помехи. Понятно, почему выступление митр. Сергия большевицкая печать встретила как событие большой важности: «Тихоновцы долго упорствовали. И тихоновцам пришлось перекрашиваться в советские цвета». Так ликовала официальная газета по поводу падения тихоновщины.

Сдавалась та самая Церковь, которая считалась гордимой, которая страдала. Тихоновцев просто не стало. Появились сергиевцы, за которыми укрепилось это имя; а имя «тихоновцев» к ним не пристало, и оно почти совсем исчезло в советской России. Некого стало этим именем называть. Если Патриарх берег Церковь и власть над Ею не уступал ГПУ, правил Ею сам, а митр. Сергий поступил наоборот, то управляемая митр. Сергием Церковь не есть патриаршая или тихоновская Церковь, как называли Ее в отличие от обновленцев, а именно сергиевская.

Митрополит Сергий уверял и письменно, и устно, что он преемник власти Патриарха, выполняет только то, что

Патриарх обещал сделать и не сделал, т.е., иначе сказать, митр. Сергий считал своей заслугой то, что является именно его преступлением. **Патриарх действительно давал обещания власти и не выполнял их.** Сделав невольную ошибку своим выходом из заключения и покаянием перед властью, Патриарх, с одной стороны, обязал себя хранить мир с властью, выполняя ее задания; а с другой стороны, встал перед долгом своим в отношении к Церкви, против которой власть боролась. Поэтому, стараясь ничего не возложить на Церковь, он грех своих обещаний принимал на себя и сам страдал. А этот взялся выполнять обещания Патриарха и задания власти и на Церковь возложил всю тяжесть своих обязательств перед властью.

Из деятельности Патриарха его преемники — митрополиты Пётр и Сергий сделали разные выводы: первый усвоил дух и смысл этой деятельности — моральную стойкость в исполнении долга своего к Церкви, а второй рассудил по внешности и стал выполнять обещания и слова Патриарха, которые тот вынужден был давать.

У митр. Сергия своя последовательность. Старый член Синода счастливых царских времен России и всегда покорный слуга его обер-прокурора, государственного чиновника, хорошо знакомый с требованиями власти в отношении к Церкви, может быть, он ничего нового и не мог заметить в своем договоре с ГПУ. По внешности, конечно, ничего. Если обер-прокурорам можно было подчиняться, то почему этим нельзя? По логике так, а по правде, которою живет Церковь, не так.

Нельзя проглядеть маленькую сущность: если на обязанности обер-прокуроров всегда были — защита, сози-дание и укрепление Церкви, то у этих — разрушение и уничтожение Ее. Не логика ума, а совесть, чувство прав-ды руководили душою церковного народа, который про-

тестовал против союза церковной власти с властью безбожников. Но что поделаешь? Богу, видимо, угодно было через кого-то отдать Церковь в руки этой безбожной власти.

Митрополиту Сергию, конечно, самому же первому пришлось пожинать результаты своего союза с властью. Перед одною своею литургиею он получил телеграмму из Петрограда о смерти в тюрьме архиеп. Илариона. Митрополит заплакал. Но когда после литургии его попросили о панихиде по усопшем, Митрополит ответил: «Распоряжения еще не получено».

Так, он не служил панихиды и по архиеп. Воронежском Петре (Звереве)¹⁶, умершем в Соловках. Конечно, кто запретил поминование в церквях заключенных как контрреволюционеров, тот и сам не мог служить по ним панихиды. Он стеснил себя в праве молитвы за умерших своих друзей, передав это право безбожной власти. Уж в этом его предшественники себя не стесняли и на молитву со своим народом распоряжения от власти не ждали.

Будучи так робок перед властями, он чрезвычайно смел и мужественен перед своими беспомощными собратьями архиереями и подчиненными, тогда как у предшественников его было наоборот. Вслед за смертью архиеп. Илариона, по которому Митрополит не осмелился служить панихиды, он (в январе 1930 г.) посыпает запрещение в священном служении митр. Казанскому Кириллу, который из ссылки своей заявил, что он принять участия в грехах митр. Сергия не может и причащаться Святых Таин с ним бы не стал.

Митрополит Сергий сам себя ценит по достоинству. В Прощеное Воскресенье в 1929 г. (как мне писали в ссылку) митр. Сергий в своем храме просил прощения у народа. Он говорил так грустно, так печально, так признавал свои прступки перед народом, и просьба о прощении носила такой

искренний характер, что всем стало его жаль до крайности, и даже те, кто у него и его клира не причащался, подошли к нему под благословение. Итак, выход из положения у митр. Сергия всегда есть. Он каяться может и знает свои грехи. Не в закоулке, а вслух всей Российской Церкви он бы мог сказать, что попытки примирения с властью и уступки ей напрасны, что Церковь ведется к уничтожению, что церковные люди страдают без всяких политических преступлений против власти, а за одну только свою ревность по вере; мог бы сказать всё — сказать и умереть.

Отказаться от союза с властью, покаяться перед народом, объявить о закрытии своего Синода, объявить самостоятельность управления в каждой епархии (как это было предусмотрено и Патриархом) — сделать это и идти на Голгофу он бы мог. Лучше честно умереть, чем подло жить. Меня эта мысль воодушевляла в борьбе с обновленцами. Так отвратительно мне показалось лгать и обманывать перед своим приходом. Да я ли один так думал? Кем были забыты места заключения и ссылок?

Одному из ближайших сотрудников митр. Сергия я писал из ссылки: «Закрывайте вашу лавочку, сделайте великое, святое дело...» Мне он отвечал: «Ты с ума сошёл...».

Ну, конечно, ведь они не фантазеры, а здравые практические люди. Они стоят на почве фактов жизни. Надо жить, и они решили жить. А христианство? Уж не оставляют ли они его в удел «кабинетным мечтателям»?

Если митр. Сергий подтвердил ложь власти, что духовенство преследуется и сидит в тюрьмах за политические преступления и что закрытие и разрушение храмов, т.е. гонение на религию есть дело самого народа, то, конечно, по его мнению, ложь и клевета есть прекрасное практическое средство для добной цели — сохранения его церковного Управления. Свое положение

законного архиерея Церкви, свой епископат и духовенство, и свой народ, всю Церковь Русскую он принес в жертву власти. Для оправдания последней он всех оклеветал...

Конечно, единственным утешением для него могло быть то, что никто нигде не поверил его лжи. В самом деле, какую нужно иметь голову, чтобы думать, что он находится вне влияния ГПУ и что слово и дело его свободны?! Кто присоединится к его обвинениям своего народа, зная, что виновник и насадитель безбожия, инициатор всех преступлений против веры, развратитель молодежи, есть сама власть большевицкая? Кто не знает, что политически виновное перед большевиками духовенство частью перебито, частью ушло за границу, и если бы за заключенным ныне духовенством было хотя малейшее политическое преступление, оно бы давно не было в живых.

Власть доныне не боится убивать священников, будь на то малейший повод. Напротив, пользуется всяkim удобным случаем для этого*. Всё это знает митр. Сергий; он знает, что в его заявлениях ради власти нет ни малейшей доли правды. Ведь в последнее время в Москве была арестована та часть московского духовенства, признавшая притом митр. Сергия, которая ничем другим не отличалась, как только особыенным усердием к богослужению, собиравшему много людей. Признание митр. Сергия, явно выраженная полити-

* В Тверской губернии, при закрытии одного храма, народ собрался и зашумел. Священник взялся успокаивать. Ему кричали, что и он пособник власти. На процессе священника обвинили в возбуждении масс против власти и расстреляли, а прочих помиловали. В Воронежской губернии священника арестовали за неуплату непосильного налога. К зданию сельского управления собралась толпа крестьян с протестом против его ареста. Одна женщина бросила камень в окно управления. На суде женщину и прочих обвиняемых оправдали, а священника за возбуждение масс против власти приговорили к смерти и расстреляли. Власть без конца льстит народу и всякую его вину против себя сваливает на головы тех, кого боится и ненавидит.

ческая благонадежность им нисколько не помогла. Хотя всё это знает митр. Сергий, но выйти из положения не может и остается в своей ужасной роли — идет вместе с ГПУ против своего епископата и народа; авторитетом законного главы Русской Церкви прикрывает, оправдывает в глазах всего мира преступления власти, защищает ее беззакония.

Однако мы должны быть твердо убеждены, что из всего, что было напечатано от имени митроп. Сергия, не всё принадлежит ему. В обычаях ГПУ делать от себя вставки, искажения и чистые подлоги в разные декларации и так их печатать. А потом попробуй-ка их опровергать!

Сектантский съезд постановил, что вопрос об отбывании воинской повинности должен решаться каждым по своей совести. Появившись в печати, это постановление определенно обязывало всех к отбыванию воинской повинности. На местах поднялся бунт против президиума съезда, исказившего его решения. Президиум стал рассыпать опровержения газетного сообщения и за эту свою «контрреволюцию» сел в тюрьму*.

Митрополит Сергий, конечно, мог бы опровергать то, что ему не принадлежит (а что таковое есть, кое-кому им,

* Однажды в журнале «Красный огонек» появилась фотография с объявления, вывешенного будто бы на дверях канцелярии Патриарха, в котором посетителям предлагается не вести в приемной контрреволюционных разговоров. Подпись — архиеп. Илариона. Уже не говоря о том, что такого объявления совсем не было, но даже подпись архиеп. Илариона, к его удивлению, была сделана без всякого сходства с его почерком. Но последнее для ГПУ не важно. Кто там будет сверять подписи в таком пустяке?! Лишь бы дискредитировать архиеп. Илариона, заправляющего делами Патриарха. И действительно, кому из читателей распространенного журнала и почитателей архиеп. Илариона не стало бы стыдно за него, узнав такой факт?!

В свое время постановление благочинных Московской епархии гласило, что признание обновленческого управления считается необходимостью момента; в газетах было напечатано — «канонической необходимостью». Если в подлинной резолюции была подчеркнута вынужденность признания, то в подлоге это вышло совсем иначе. С полной уверенностью можно сказать, что в день смерти своей Патриарх не подписывал своего «завещания», как это обозначено датою на нём.

кажется, сказано), но согласившись исполнять задания ГПУ в главнейшем, существенном, нужно было волей-неволей принимать и остальные неприятные мелочи, которые может без конца доставлять такой бесстыдный друг как ГПУ. Надо уже было принимать на себя всё и давать свое имя на всё, что он хочет. Верблюд был проглошен, а от комара бежать уже нечего. Словом меньше, словом больше, не всё ли равно?! Никаких опровержений и отказа от своих дел митр. Сергий уже делать не хочет. Ведь он честный путь уже прошел и сам не раз сидел в тюрьме. Он ведь сдал свои позиции после сражения. Прежний образ его мыслей был одобряем всею Церковью. А теперь, если он сдался, то не для того, чтобы поворачивать назад и снова бороться.

Как хорошо было бы, если бы мы в этом своем последнем выводе ошиблись!

4.

Соглашению митр. Сергия с большевицкой властью необходимо вынести решительное осуждение, не говоря уже о том, что и сами христиане должны стать, прежде всего, на суд перед требованиями христианства и от последнего получить беспристрастную оценку.

Но поспешим оговориться, что это же беспристрастие выносит и прощение, в котором выражается всё наше сочувствие к немощи человека, понимание трудности его положения. Однако в прощении греха наличие греха утверждается, в прощении есть то самое, что надо простить. Поэтому простить преступление никак не значит одобрить его или сделаться соучастником его, в доказательство своего прощения еще и начать вместе с согрешившим грешить. Спасши блудницу от побиения камнями со стороны жестоких обвинителей, Сам Господь Христос говорит ей: «Женщина, где твои обвинители? Никто не осудил тебя?» Она

ответила: «Никто, Господи». Иисус сказал ей: «И Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не греши»*.

Грешница не осуждена, помилована, но грех осужден. Не надо было грешить, не надо и впредь.

Какой грех совершил митр. Сергий?

Грех обновленческий, с которым Церковь так боролась.

В чем состоял этот грех?

В соглашении с большевицкой властью, которая имеет цель (открыто исповедуемую ею) — уничтожить религию.

Грех этот, таким образом, состоит в измене своим собственным целям, своей сущности, своему призванию, как религии как Церкви, грех против себя самого, как блуд — против собственного тела.

Соглашение Христовой Церкви с безбожной властью — факт, глубоко, по существу, безнравственный.

Не будь ранее священноисторического примера, мы бы не умели оценить его по достоинству.

Народ еврейский за свой союз с язычниками назван был блудницею, ибо изменял Богу, своему союзу с Ним.

Конечно, несмотря на тяжесть преступления, народ этот всё же остался избранником Бога, Его женою, невестою. Жена неверна, Бог верен ей, верен народу Своему, хотя бы ради того остатка верных Ему, который еще хранился в народе. Во времена всеобщей измены евреев Богу, семь тысяч из народа не преклоняло колен своих пред Баалом.

Итак, мы не останемся без веры и утешения при всей глубине нашего падения. Но и падения нашего не скроем, не станем оправдывать его, но осудим его сами, чтобы и впредь не грешить и прощение получить.

* Ин. гл., 8, 3-11.

По поводу выступления митр. Сергия обновленцы торжествовали. Затрудняюсь описать это торжество. Это был не смех, — да простится мне грубость сравнения! — а лошадиное ржание: громкое, грубое, откровенное до цинизма, необузданное веселье.

В лице митр. Сергия так называемые православные усвоили, наконец, ту форму отношений к власти, которой они, обновленцы, держались от начала; православные, наконец, «кое-чему у них научились» и «перешли из приготовительного класса в первый», как выражалася по этому поводу вождь обновленчества*. Спешим добавить: и превзошли своих учителей-обновленцев; последние принуждены были завести в своих храмах моление о властях только благодаря почину митр. Сергия, тогда как до него даже у них этого не было.

Обновленцы оправдались, если можно вообще оправдать

* См. речь А. Введенского в одном из номеров «Вестника» обновленческого синода за 1927 год. Цитирую по памяти. Александр Введенский — вождь обновленчества. В свое время, окончив Петербургский университет, стал священником. Удачно вел полемические диспуты с безбожниками в Петрограде и был популярен. Такая роль вела его к тюрьме. Однажды, в разговоре с митр. Петроградским Вениамином, когда последний говорил, что он каждый день готов к аресту, Введенский признался, что он не может без ужаса подумать о своем возможном аресте и тюрьме. Некто, священник Белков, ныне снявший рясу активный безбожник, свел Введенского с ЧК и они договорились. Введенский (вместе с Белковым, Калиновским и Красницким) взялся за дело возглавления Церкви вместо заключенного Патриарха. Будучи лишенным сана за это своим Митрополитом, который так долго его пестовал как дорогого сына, Введенский подвинул дело ареста Митрополита, каковой арест кончился судом и смертной казнью последнего. Введенский умен, много знает, говорит красиво, но напыщенно, с деланным пафосом; в богослужении — отвратительный фальсификатор религиозного чувства, скверный актер, истерик, пошляк; более омерзительного кощунства над святынею трудно представить: он ломается, кричит, позирует без конца. Вообще человек с ярко подчеркнутым тщеславием во всем своем облике. Будучи, можно сказать, заслуженным сотрудником ГПУ (в свое время он и жил в доме ГПУ, на Шпалерной, и пользовался столовой его сотрудников), он живет свободно во всех смыслах. У обновленцев он — все, хотя и не является официальным представителем их Управления. Его боятся, перед ним заискивают.

свои грехи чужими грехами. Они оказались правы. Они претерпели столько позора, оплевания, народной ненависти за свое соглашение с властью; но вот те, которые боролись за независимость Церкви от власти, не кончили ли тем же, чем и они? Пройти через тюрьму и ссылку, так много пострадать и, наконец, отказаться от своего пути, найти его несостоятельным! Зачем были эти труды и страдания? Не правы ли обновленцы? Не « дальновидны» ли они?

Итак, торжествуя по поводу нашего падения, обновленцы полагали, что мы с ними сравнялись в существенном. Отказ от всяких политических убеждений или аполитичность, которой я держался от начала нашей церковной борьбы с большевицкой властью, оказалась моей фантазией, несбыточной мечтою.

«Существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти», — говоря словами митр. Сергия, — Церковь, действительно не сумела. Уж какое там спокойствие! Хотя бы не спокойно она жила, но только бы закрывшись от власти, сохраняя от нее внутреннее царство, и то было бы хорошо. Но вот сколько ни очищались от политики, а политической деятельности не избежали. Если не против большевицкой власти, то за нее, на поддержку ее должны стать. А такая поддержка есть работа против себя, самоубийство, измена Церкви, своему долгу и призванию.

Первые обновленцы стали на службу большевицкой политике. Они же заставили Патриарха выйти из заключения и сделать какие-то уступки власти. Обновленцы вместе с большевиками обвиняли Патриарха в политических преступлениях против власти; а когда Патриарх признал себя виновным в этом перед властью, то обновленцы громогласно объявили, что они были правы. Это была единственная маленькая победа обновленцев среди тяжких поражений, полученных ими от Патриарха и всех православных. **Но на**

обновленческий путь соглашения с властью, чтобы служить политике ее, Патриарх не встал. Он отрекся от прежней политики и вообще от всякой политики. Еще в 1919 году, через год после анафематствования большевиков, Патриарх особым посланием предложил духовенству, конечно, ради облегчения участия его в советских условиях, прекратить политическую борьбу с большевиками. Это был первый отказ его от политики. И теперь, при выходе его из тюрьмы, в моменте весьма торжественном, Патриарх повторил, в сущности, то же самое, но в форме своего личного покаяния. Дальше этого он не пошел. **Никаких новых уступок власти он не сделал. Церковь хранила свою внутреннюю независимость от большевицкой власти и служить целям ее не стала. И положение Церкви было всё таким же, как и до ареста Патриарха: нелегальное, среди насилия.**

Я, который по мысли Патриарха очищался от всякой политики, с каким негодованием думал в те времена об обновленцах, наших же священниках! «Отцы, отцы! Не все ли равно вам кому служить? Православному ли Царю или кучке негодяев-бездожников? Не могут очиститься от политики. Из одних объятий спешат в другие, готовые на все услуги! Не блуд ли это?!»

С таким сознанием нашего превосходства думали и все мы, православные христиане, об обновленцах. Но вот и наш православный иерарх пошел по стопам «мудрых» его предшественников. Эти предшественники — не Патриарх и не митр. Пётр. Последний держался духовного, неписаного завещания Патриарха — моральной стойкости против физического насилия власти.

Легализация церковного Управления на условиях союза с властью и отдачи Церкви на услуги ей, есть дело обновленцев и григорьевцев. Митрополит Сергий соблаз-

нился легализацией церковного Управления и с ним всей огромной Церкви, которая жила до него десять лет на нелегальном положении. Он первым в Церкви достиг «великой» цели, которой до него никто не мог достичь, хотя на глазах у этой Церкви уже получила легализацию чисто мошенническая организация обновленцев*. Но возможна ли она была для Церкви?

Если митр. Сергий — не «кабинетный мечтатель», а практик, который через соглашение с властью должен был дать законное и свободное существование Церкви и в советских условиях, то «практический» расчет его, как мы уже видели, оказался совсем не практичным. Добавим только то, что та самая масса духовенства, которой митр. Сергий наиболее угодил, не миновала неизбежной участи.

Нарочно, в видах той же ликвидации религии и Церкви, власть накладывает такие налоги на духовенство, каких оно не в силах платить, и сажает его целыми партиями в тюрьму, и закрывает приходы; часть духовенства стоит с протянутой рукой около храмов (в Москве, например), прося милостыню; с других целых групп духовенства больших городов взята подписька о невыезде, чтобы, таким образом, сохранить готовые кадры для ссылки на принудительные работы**; духовных лиц лишают квартир, и в то же время

* Нужно заметить, обновленцы пережили два периода отношений с ГПУ. Первый — когда все уполномоченные обновленцев на местах дали подписку просто «честного» гражданина. Второй — когда затребована была от всех вторая подписька: обязательство исполнять все распоряжения ГПУ. Последнее привело обновленцев в замешательство: многие побоялись сделаться настоящими сотрудниками ГПУ, чтобы не пришлось выполнять всех заданий его по разрушению Церкви. Но мне лично известен всего один случай отказа дать вторую подпиську. Этот обновленец, конечно, сел в тюрьму. Так ГПУ проверило свои ряды. Договор митр. Сергия с ГПУ прямо возводит митр. Сергия во вторую «высшую» стадию его отношений с ГПУ. На обновленцах ГПУ проделало только грубые опыты, с митр. Сергием проявило уже большое искусство.

** Монашествующие обоих полов после массовых арестов уже почти поголовно отправлены в места ссылок и принудительных работ.

их никто не хочет брать на квартиры из-за боязни репрессий, которые за это тотчас и следуют; им не дают хлебных карточек; их не убивают, но и жить им не позволяют. Но эти страдания, пришедшие, главным образом, после соглашения митр. Сергия с властью легли на плечи духовенства без всякого утешения, когда смысл борьбы потерян: власти всё сдано.

Так, не желавшие бороться за Церковь, усиленно избегавшие тюрьмы ее не миновали. Избегавшие сидеть в ней за Истину церковную сели за неуплату налогов. Враг неумолим, нашим соглашением не подкуплен и смеется над нашим практическим расчетом, непрестанно готовя нам уничтожение. Нам, церковникам, и прежде, и в настоящем в удел дана тюрьма. Единственное освобождение от тюрьмы и надежный практический расчет — в переходе в безбожие, в публичном отречении от Церкви, от Христа, от Бога. И это своевременно многие поняли, и поспешили на сей путь*. Как же иначе? Или с ними, или против них, «да» или «нет», и ничего посредине, никаких соглашений, обоюдных компромиссов, ибо враг вам ничего не уступит.

Сидение в тюрьме мы получили от врага за свою твердость и этою твердостью хранили себя в Церкви. Тюрьма была по силам, к ней уже привыкли, храни только терпение и веруй в то, что Бог выведет правду твою, как солнце. Сделай только свое дело. За центральное Управление или за Церковь, что она останется без центрального Управления, не надо было бояться, потому что Церковь уже научилась бороться и разбираться во всём, и успехи расколов были невелики. ГПУ уже действовало по трафарету, выдумки его уже стали всем понятны и не оригинальны. И в борьбе с Церковью ГПУ уже было в тупике.

* Таковые избежали только тюрьмы и повседневного глумления власти над собою. Но то, что они суть «бывшие» «служители религиозного культа», явилось несмыываемым пятном. Их лишают работы и вместе с нею куска хлеба. Преимущество везде незапятнанным ничем в прошлом пролетариям.

В момент сдачи митр. Сергия, как полагали некоторые виднейшие архиереи, ГПУ уже не знал, что делать дальше с упорством православного епископата. В случае неудачи плана ГПУ относительно митр. Сергия у ГПУ оставалось только одно голое, ничем не смягченное и неприкрытое насилие, которое было такой же голой пропагандой против самих себя. А этого ГПУ не хотело в отношении к Церкви. И вот, у вождя Церкви ни веры, ни терпения не хватило. Почему бы ни повести ему своих людей верным путем? Пусть бы многие отреклись от его страданий, но не для того ли, чтобы увидеть потом, как он был прав??!

Идя путем правды, вождь многих бы воодушевил и подкрепил, и дальнейшие скорби дал бы возможность принять не в расслаблении, как сейчас, а в силе духа.

На вопрос митр. Сергия: «Скажите, что делать?» — был ведь определенный ответ: сидеть в тюрьме. Вот где практический расчет. Но у тех, у кого спрашивал митр. Сергий, как и у него самого, это совершенно не считалось выходом из положения, а казалось тупиком, бесконечно долгим и беспросветным. А между тем это был единственный естественный выход из положения, который подсказывала сама жизнь. Об этом говорил и Патриарх, принужденный в начале же своей свободы рассматривать выход свой из тюрьмы, как ошибку. Своей свободой не нужно было соблазняться. Свобода, конечно, была тяжелее тюрьмы.

Какая может быть свобода для верующих людей в богоборном государстве? Потому в тюрьме легче, чем на свободе, что тюрьма (или подполье, катакомбы, нелегальное положение — всё равно) есть, вообще, нормальная форма существования Церкви в безбожном государстве. Напрасно было думать иначе.

Настали теперь такие времена в России, что священник, пробывший всего неделю в тюрьме и вдруг освобожденный,

вызывает большое смущение в народе. Почему он так быстро освободился? Какою ценою? Неприятно всем за него. А он не меньше прихожан смущен и путается в своих объяснениях, потому что дал подписку «честного» гражданина и в этом не смеет никому признаться. Вот какою ценою, ценою предательства ближних покупается церковным человеком свобода в советских условиях*.

Для сергиевского Синода смешон один из петроградских епископов, смело отделившийся в свое время от митр. Сергия и не только не арестованный за это, но и доныне пользующийся, не в пример другим, полною свободою. Он смешон сергиевцам потому, что существует на тех же условиях договора с ГПУ, на каких и их Синод, и обновленческий. «Стоило ли огород городить», — по русской пословице. А ГПУ этим епископом демонстрирует свободу Церкви: и не признающие, мол, митр. Сергия имеют свободу. Мол, в России так: веруй, как хочешь.

Вот что такое свобода и легализация церковников в большевицком государстве. Да и может ли быть иначе? Ради каких это польз Церкви и добродетелей духовенства будет дана им легализация? Всякая свобода или легализация Церкви в таком государстве есть и обман власти, и измена церковников своей Церкви, своему назначению. Потому-то легализация Православной Церкви так долго и не давалась (а мы утверждаем, что то, что может быть названо Православной Церковью в России, оставшееся верной своей сущности, живет и по сей час на нелегальном положении), что она противоестественна для нее. Ее мог получить только тот, кто изменил Церкви и предал Ее в руки врага.

Если партийная власть в России преследует цель (о ко-

* Число павших таким образом священнослужителей чрезвычайно велико. Из всех сколько-нибудь знакомых мне городов Севера и Юга России не знаю ни одного, где бы ни было батюшки, своего человека для ГПУ. Роль их почти у всех на глазах. Даже в селах многие батюшки роли этой не избежали.

торой она говорит официально в своей программе) — уничтожение религии и Церкви, то никаких других условий, кроме тюрьмы или нелегального положения для жизни религии и Церкви в России нет. Если Церковь и верующие существуют в России до сего дня, то так, как существует в тюрьме приговоренный к смертной казни. Без преувеличения можно сказать, что уже редкий день в России для каждого оставшихся и приходов, и отдельных верующих проходит не в тревоге, не в ожидании своей духовной смерти: отнятия храма, священника, праздника, домашних святынь, даже домашней молитвы. Надеяться же на улучшение, на перелом отношений власти к Церкви в обратную, лучшую сторону, значит надеяться, что большевики отрекутся от самих себя, изменят своей сущности, перестанут быть большевиками. Надеяться на улучшение положения Церкви, значит надеяться на падение власти большевиков.

Легализация Церкви в безбожном, богоборном государстве — несбыточная мечта. Хорошо было бы получить эту легализацию в результате обращения безбожной власти в христианство, в результате нашей победы, как это было при святом царе Константине в IV веке. А теперь — в результате чего? Не нашего ли поражения и нашего обращения? В самом деле, из какого источника вытек этот практицизм обновленцев, григорьевцев, митр. Серафима, митр. Сергия? Это люди здравого ума, практической сметки, полагающие, что Церкви надо не умирать, а жить здесь, на земле, в этих (советских) условиях, и к ним применяться*; они — враги «кабинетных мечтаний».

* Об осуществлении царства Божия на земле обновленцы разводили в своих журналах целые теории. Но у них-то и были очевидны и омерзительный страх тюрьмы, и забота о спасении собственной шкуры. В этом-то и был корень искаания условий для жизни Церкви в безбожном государстве. Сами искатели хотели и веру сохранить, и с безбожными гонителями веры поладить так, чтобы за свою веру не пострадать. Вспомним психологию А. Введенского перед перспективою ареста. Это характерно для всего личного состава обновленчества, который веровался страхом насилия властей.

А не отречением ли от жизни здесь на земле приобретена именно эта жизнь? Уже не говоря о том, что иного выхода из положения, как христианского, для Церкви Христовой быть не может, христианство, конечно, оказалось и жизненным, и практичным, и разумным. Самым этим отступлением от христианства не доказана ли его правда и необходимость? Ведь всякий другой выход — нелепость.

Что же, если в древности жили верою и побеждали, то **теперь в сердца христиан закралось неверие в христианство, и вот оно обнаружилось. Не страшно ли сознаться в этом практическом атеизме?!*** Легализация пришла не в результате обращения неверующих в веру, а верующих — в неверие.

Они — политики, мудрецы. Для них тюрьма беспрозветна, они хотят свободы религиозной в богоуборном государстве! И как они осмеяны, эти практики, дальновидные, разумные люди! Поистине, они-то и есть бедные мечтатели! И кто же они? Все люди прославленного ума. В сознании этого еп. Антонина и прочие вожди обновленческого раскола не стеснялись открыто в своих посланиях в самых грубых оскорбительных выражениях позорить Патриарха как человека крайне недалекого.

Епископы Григорий и Борис — вожди другого раскола, люди признанных способностей презирали митр. Петра как совершенное ничтожество перед ними. Эти люди в сознании своих достоинств не имели сил подчиниться своим первоиерархам и прямо сгорали от досады — как это не им принадлежит власть в Церкви? — и потому поочередно потянулись к власти и поспешили получить ее из рук ГПУ, которое льстило им, как умело, чтобы только устроить расколы.

* Кто будет сомневаться в теоретической силе убеждений вождей Церкви христианской?! Они у них в любой момент на кончике языка.

Наконец, за кем же слава первых мудрецов в современном составе епископата в России, как не за митр. Серафимом и Сергием?! Появление у власти таких людей в наши времена, с одной стороны, — явление и психологически понятное, а с другой — и объяснимое только Промыслом Божиим.

Из всей этой компании церковных деятелей только митр. Сергий не домогался власти и не украл ее, но она ему вручена законно, и, видимо, для того, чтобы и законности этой дать истинные оценку и понятие, и еще раз православие народа проверить и возвысить, и добыть Богу чистый остаток, показав всем, наконец, что не мудрость чисто человеческая, а нравственные характеры христианские и Богу были угодны, и Церкви нужны. Умственных и теоретических упражнений у деятелей Церкви было достаточно, жизнь теперь экзаменовала сердце, нравственные устои, и оказалось, что многие люди имели действительно золотые головы, но глиняные ноги: ходить путем правды им не под силу.

Народ и понял, что сущность беззакония обновленческого, которая и сделала их неправославными, и в которой митр. Сергий с ними сравнялся, в нарушении закона нравственного, а не догматов и канонов.

После соглашения митр. Сергия с ГПУ и всех его распоряжений по Церкви, часто и всюду слышался в среде православных вопрос: «В чём же теперь наше различие с обновленцами?».

Странный вопрос. Не ясно ли, что мы храним церковные законы, а обновленцы их нарушили захватом церковной власти, брачностью своего епископата, второбрачием вдовых клириков! Но напрасно мы пытаемся отвести мысль от главного. Народ не знает канонов, хотя как хранитель предания и противник нововведений, он — хранитель и канонов. Но не только из-за реформ обновленческих, а глав-

ным образом, по чувству нравственного отвращения, он с негодованием отверг союзников безбожной власти — обновленцев.

В тяжкое время борьбы Церкви с безбожием, когда безбожники преследовали Ее, глумились над верою народа, обновленчество явилось как предательство и по существу — тем, что заключило союз и перешло на сторону врагов Церкви; по форме деятельности — когда, взявшись очищаться от политики, занялось политическими обвинениями, оклеветанием и доносами на своих собратьев. Они предали Церковь в руки безбожников, стали в число гонителей Ее, и в то же время сохранили звание церковных людей.

Всё это есть, конечно, нравственное безобразие, вызвавшее естественное возмущение людей. Но то же вызвало и возмущение против митр. Сергия? Его союз с властью безбожников, против которого Церковь боролась, отвергая обновленчество. Самые тяжкие удары наносятся изнутри предательством. Тогда совершили его свои же священники, но самочинники, захватчики власти. Теперь же произошло худшее и тягчайшее: свой законный иерарх предал Церковь в руки этой власти, каковых рук она так избегала... Предательство полное и совершенное, от которого ни скрыться, ни уйти...

Митрополит Сергий и его епископы отличаются от обновленцев тем, что они держатся во что бы то ни стало за каноны, их сохраняют прежде всего. Они — не нарушители канонов, как обновленцы. Но получается грубая несообразность. Когда обновленцы лгали, клеветали, обманывали, — это было плохо потому, что они неканоничны. А когда клевещет и лжет митр. Сергий, то это хорошо потому, что он каноничен. Оказывается, каноническому всё можно. Это насмешка и над канонами, и над нравственностью и искажение их смысла.

Наши законники разорвали с нравственностью, разорвали закон и правду, разорвали и душу человека надвое. В этом и сущность последней трагедии православного народа и церковного клира в советской России. Закон повелевает одно — следовать за законным архиереем Церкви, а совесть обратное. Или с законом против правды, или с правдой против закона. Но что это за Православие у тех, кто разорвал закон и правду?

Тем, что Первоиерарх по праву законного понуждает себе подчиняться, хотя и поступает безнравственно и преступно по отношению к Церкви, не утверждает ли он этот разрыв, не ставит ли право выше нравственности и ради каких-то высших целей, как легализация его церковного Управления, не возводит ли уступки нравственности в принцип? Что это за Православие? И Православие ли это?

Пусть в прошлом не раз поступались нравственностью ради каких-то, по-нашему расчету, польз Церкви и, несмотря на это, не теряли Православия. Но не докатились ли мы теперь этим путем до предательства Церкви, до полной измены Ей? Не пора остановиться и сказать, что дальше будет не только не православное христианство, но и не вера в Бога, не религия.

Обновленцы посчитали каноны за ничто перед лицом настоящей пользы Церкви; они также полагали, что если прежде нарушения канонов сходили с рук безнаказанно, то теперь смело можно нарушать их и сознательно, и так пытались беззакония взвести в закон и действовали безнравственно*.

Митрополит Сергий и сергиевцы, посчитав каноны за самое существенное в жизни Церкви, ради пользы Церкви, также поступились нравственностью. Но нравственность и каноны связаны неразрывно, и в гармо-

* Почитайте их литературу и убедитесь, как они доказывают «нравственность» своей безнравственности: самочинный захват власти, право на реформы, союз с безбожниками.

нии того и другого — Православие. Крайности одинаково погрешают против Истины, против Православия.

Обновленцы до безнравственности попрали каноны, сергиевцы держатся их так, что закрепляют за собой право на безнравственность: для них безнравственность нипочем, лишь бы канонов держаться. **Те и другие в одинаковой мере попрали нравственность и нравственное чувство в себе и в церковном народе.** Вот почему и подчинившиеся митр. Сергию не без борьбы и нравственного страдания подчинились, и сказать, что подвластные ему довольны и сознают, что идут верным и добрым путем, значит оклеветать народ наш. Тяжкая нужда, теснота отовсюду, предательство изнутри сломили и поработили людей.

Митрополит Сергий чувствует суть дела, и сам не может не подчеркнуть ее, хотя и пытаясь извратить православное чувство народа. Он писал в своем послании: «Лояльными к советской власти могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как Истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной... Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза... изменилось лишь отношение к власти, а вера и православно-христианская жизнь остаются незыблемы»*.

Так, объявляя, что теперь «наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и бесповоротно становится на путь лояльности», митр. Сергий спешит уверить свою паству, что заключение союза Церкви с безбожной властью не есть безнравственный поступок, не грех против Православия. Он отрицает словами то, что на самом деле чувствует.

* См. Послание от 16/29 июля 1927 г..

Патриарх отрекся от политики, но не стал служить другой. На этом остановился. Обновленцы пошли ей на службу. За ними и митр. Сергий. Последние очутились в лагере врага своего, в числе его защитников и сторонников. Очищаясь от политики против большевиков, попали в политику за них; спасаясь от обвинений в контрреволюции, стали за нее, за революцию.

Враг не позволял оставаться посредине, быть аполитичным. Старый союз Церкви с властью вместе с падением этой власти отпал. Но уже **новый союз с новой властью заключен с условием вмешательства в новую политику, с обязательством служить ей.** Ужасная логика, и только логика, без всякой правды.

Мы уже видели, что отказ от политики и всякая лояльность практически бесполезны. Сколько ни очищайся от политики и как ни будь безупречен в этом смысле, обвинения в контрреволюции не избежишь.

*Большевицкая ложь, в которой запутались прежде все-го обновленцы и которой много послужили, заключалась в том, что будто церковники преследуются не за веру, а за контрреволюцию. Но так как большевики самой программой своей заявляют, что никакой религии не признают и с нею борются, то попробуйте доказать, что идейной борьбе с религией не содействует физическое насилие над нею и обвинение в контрреволюции не есть просто способ борьбы с религией!** Когда и как здесь очистишься от политики? Если ты хочешь оставаться религиозным человеком, то никогда и никак. Единственное условие очищения от контрреволюции (как и спасения от тюрьмы и всякого гонения) — отказ от религии, от веры в Бога.

* О том, что именно так, что «комбинация средств» насилия и пропаганды у большевиков теоретически обоснована, как и самые провокации, ложь, обман, применяемые ГПУ в отношении к церковному Управлению, есть только частное приложение теоретически обоснованного общего метода, что суть официальной большевицкой философии, диалектического материализма, понимается как — «нет

Но, всё же будем политически безупречны. Пусть обвинения в контрреволюции остаются клеветою на нас, как слова — «Он запрещает давать подать кесарю», были клеветою на Господа Иисуса Христа, велевшего давать ее кесарю. Только обвинением в политической неблагонадежности перед римлянами можно было бы расправиться правоверным евреям со своим религиозным врагом Иисусом, «повинным смерти» за свое «богохульство», ибо «Он назвал Себя Сыном Божиим». И мы воздадим кесарю кесарево, и только кесарево, хотя кесари часто требовали себе и Божие, как и сейчас требуют, и не приносящих жертв богам кесаря объявляли противниками самого кесаря. Пусть будет так, а Божьего власти не отдадим и против власти не восстанем. Религия отделима от политики. Таков принцип, таков закон Божий. Против него не может быть никаких возражений, он остается в силе, раз условия наши ныне те же, что и при конце жизни Господа Иисуса Христа, и в первые века христианства.

Казалось, что это так. Но только время, жизнь, история объясняют нам Евангелие шире и полнее.

Оказывается, что древние правоверные евреи, римские воины — распинатели Христа, Нерон и Диоклетиан — гонители христиан, сравнительно с большевиками — святые люди. О них-то можно было молиться Богу словами Распятого: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». Ведь эти власти были религиозны и христиан считали безбожной и безнравственной sectой. Если еще до Христа Помпей, войдя в Иерусалимский храм евреев, и, не найдя там ни одного идола, сказал: «это безбожники», то что могли язычники сказать о христианах?! И как они ревностны были

ничего святого», что большевицкая власть бесчестна, бессовестна, абсолютно аморальна не как-то случайно, а принципиально, о том, наконец, кого мы вообще в лице большевиков имеем перед собою во всём вооружении, надо бы рассказать отдельно, ибо это имеет прямое и существенное отношение и к настоящей теме..

в борьбе за своих богов! Сбылось слово Христово, сказанное Им Своим последователям: «Всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу».

Сколько нужно было любви, терпения, снисходительности, осторожности, внимания, прощения со стороны христиан к таким врагам?! Поистине, счастливая борьба, прекрасные враги! Ведь не было принципиального расхождения с врагом. Враг не отвергал идеи Бога, а даже, скорее, утверждал ее со всею силою, как умел. И как только свет истинного познания Божества возсиявал в их очах, языческие Савлы, не говоря о еврейских, обращались в Павлов, познание Бога для них было возможно и всегда открыто.

Большевицкое безбожие сознательно отвергает идею Бога, как вредную. Если прежний, еще недавний атеист, сознавая хотя бы практическую полезность идеи Бога, говорил: «если бы Бога не было, то Его надо бы было выдумать», то большевик-бездожник полагает, что если бы Бог и был, то Его надо уничтожить. Большевики рассматривают религию, как общий единый дух борющегося с ними многочленного тела (капитала). Если социалистическая идеология большевиков объединяет и двигает, то только христианская и вообще религиозная идеология также организовывает, объединяет, оживляет, убеждает, по-своему дисциплинирует и направляет людей.

Противоположная большевикам духовная сила только в религии. Поэтому они, ведя борьбу с религией, «борются за душу человека», чтобы отвоевать у религии это поле*. И только две идеологии по-настоящему борются за власть над душою человека, за обладание ею. Поэтому для себя большевики не отделяют религии от политики. Борьба с религией есть необходимая часть и является необходимым пун-

* Буквальное выражение А. В. Луначарского в одной из напечатанных его антирелигиозных лекций, заголовок которой не помню.

ктом их программы. Только дух безбожия мог создать эту революцию, и только безбожник может строить большевицкое социалистическое государство.

Не вдаваясь в дальнейшее раскрытие этого последнего положения, мы должны принять то основное, что религия целиком противна плану жизни и желаниям большевиков. Они желают, например, быть безответственными за свои преступления; им противна сама религиозная идея греха и преступления, ибо дух революции — нет греха! нет преступления! Идею Бога они понимают и объясняют, но и отвергают во что бы то ни стало. Большевики есть прежде всего богоотступники, люди, познавшие Бога и противостоявшие Ему всею силою своего сознания, разума и воли.

Власть большевицкая никак не отделяет себя от безбожия. Пусть ее. Но как я отделю их?

Я, например, боролся с властью за Церковь, за веру и хотел не быть политическим врагом ее, как-то признавать ее. Это было возможно по отношению к языческим и магометанским и вообще признающим Бога властям. У язычников и магометан религия была связана с политикой и с общим строем государственной жизни, но всякая другая религия и, в частности, христианская, всегда находила среди них условия для своего существования, хотя и весьма трудные подчас.

Власть иногда не терпела иноверных и преследовала их, а то и терпела и даже просила их молиться за себя. И христиане терпели иноверную власть и отделяли политику от религии.

Но, естественно, что в государстве безбожном никаких условий существования ни для какой религии нет. Безбожие и вера в Бога взаимно исключают друг друга. Одна сторона должна вытеснить другую; вместе они не уживаются. В безбожном и богоборном государстве прин-

ципиально исключается бытие религии на земле. Борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Как я, верующий человек, могу признать безбожную власть? Что значит — не быть политическим врагом ее? В совместной жизни с язычниками я мог кесаря признавать, а богов кесаря отвергать. Теперь же, будучи верующим, я неизбежно, необходимо борюсь против власти, хочу ли этого или не хочу, — подтачиваю ее основы, уничтожаю дух революции, препятствую социалистическому построению государства*.

Если религия по существу контрреволюционна, то я — контрреволюционер. Моя контрреволюция есть моя борьба за веру. Если я за религию, то я органически уже против большевицкой власти. И как я отделю безбожие от большевицкой власти?

Если человечество впервые имеет в большевиках совершенно безбожную власть, то не есть ли это первый и единственный случай в истории, когда и для верующего человека религия неотделима от политики?

Для себя большевицкая власть ни в каком случае не различает политики от безбожия (безбожие ее есть и политика, и политика ее есть безбожие), а от нас хитро требует этого различения: мы должны очищаться от политики ради того, чтобы она тем легче нас уничтожила. Вот каковы замыслы врага.

Когда власть сочиняла статью закона — «возбуждение масс на религиозной почве против советской власти», то она знала, на что восставала и спешила охранить себя за-

* Разве всякий религиозный человек в советской России не есть, на самом деле контрреволюционер и по своим взглядам вообще и по отношению своему к новому экономическому строю: пятидневке, коллективу, лишающему его праздников и молитвы? Власть и новая советская общественность преследуют его. Верующие во всех учреждениях и службах, и работах рассматриваются как политически неблагонадежные.

коном. Она будет бороться с религией, а ты не смей защищаться, отделяй политику от религии, изгоняй политику из своих убеждений, признавай только ее права, а от своих самых священных прав отказывайся. Нет, сознательно позволять власти обманывать себя нельзя. У меня остается право — не признавать такую власть. Ибо, что значит — признавать такую власть и подчиняться ей? Не значит ли это — содействовать ей в нашем уничтожении, стать изменником и предателем своей веры? Признание по существу безбожной власти не есть ли отказ от исповедания моей веры? Если я верую в Бога, то я противник этой власти. Если же я говорю, что я не против нее, то я за нее; отрекаясь от борьбы против нее, я поддерживаю ее и борюсь против себя, против своей веры. Чем я тогда отличаюсь от безбожника? Разве только на словах, а не на деле.

Мы пытались очиститься от политики, и вот попали в большевицкие сети, дошли до измены Церкви, до предательства, до пособничества врагам в борьбе с нашим верою. Отказ от политики не только практически бесполезен, когда мы пытались приспособиться к советским условиям и спасти от обвинений в контрреволюции, но и принципиально неверен, неверен перед Богом и совестью, перед моим народом и русской историей.

Разве мы, христиане, не имеем представления о нормальной государственной власти, которая «не напрасно меч носит» и во все времена была «страшна не для добрых дел, а для злых?». А теперь не видим ли перед собою принципиального беззаконника и по происхождению, когда власть пришла насилием и обманом людей, и по способу управления, когда до нынешнего дня каждый человек в этом государстве, как лодка без руля и весел в открытом море на произволе стихии. Никто (даже часто большевик-партиец) никогда не знает, в чём он окажется виновным перед влас-

тью и за что поплатится в конце концов. Эта же власть и страшна не для злых дел, а для добрых*.

Ни одна из заповедей Закона Божия — чти Бога, храни праздник, почитай отца и мать, не убивай, не прелюбодействуй, не желай ничего чужого, — не только не ограждена большевицкой властью, но ею же принципиально нарушена. Сама она выступает безбожником и богохульником, упразднителем праздников, учителем презрения к родителям, беззаконным убийцей и преступником, узаконителем и покровителем прелюбодеяния, вором и грабителем, лжесвидетелем-клеветником, хищником, вечно сжигаемым желанием всего, что есть у кого-либо.

Христианство же нас освобождает от подчинения такой власти, ибо оно указывает, что «всякая власть от Бога» и достойна подчинения, если, разумеется, она такова, какою христианство ее как нормальную, описывает. И таковыми, по существу христианскими, даже нехристианские власти и бывали.

Большевики же, безусловно, есть исключение из общего правила, и отношение к ним исключительное. В отношении к большевицкой власти всякий, кто, в свое время во имя своей веры в Бога не признал ее, пострадал не за политику, а за Бога, за Христа, за Церковь. Они оправданы вполне всей дальнейшей историей отношения большевиков к верующим. Анафематствование большевиков и призыв к борьбе с ними Патриарха Тихона были правильны.

* Если управляет марксистская теория и социалистический идеал, то это и понятно, потому что владеет этими теорией и идеалом и управляет страною «тонкий слой старых большевиков» (по выражению Ленина), а остальные не знают, чем они являются или окажутся в осуществлении этой теории. Всё нравственно и хорошо, что осуществляет эту теорию. Эта теория и вырабатывает в России «новых людей», «сверхчеловеков», живущих «по ту сторону добра и зла», для которых «нет ничего святого». Общечеловеческая мораль и самая природа человека перевернуты вверх дном и этой теорией и большевицкой практикой.

Предвосхищаю другую тему.

Если святой Патриарх Гермоген говорил: «Слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть», то не странно ли было для другого Патриарха терпеть в Кремле богохульное пение большевиков?! Но если святитель Филипп, митрополит Московский¹⁷, себя не пожалел и, скорбя о своем народе, поднял голос свой против беззаконий грозного Царя, то новым Московским митрополитам чужды скорби и страдания своего народа, и они не хотят быть печальниками и заступниками его, «очищаются от политики» и лгут себе, своему народу и всему миру.

Какое оправдание им отыщем? Какую новую мораль придумаем? Какие могут быть «возвышенные» мотивы для лжи этой? И могут ли быть у первоиерарха две морали: одна для себя, а другая для народа? — как мы думали оправдать, таким образом, ошибку Патриарха, когда он «для пользы Церкви» выходил из своего заключения и, «принося жертвы самим собою», отказывался от «политики» своей и от славы мученика, как будто есть дела выше этой славы, и мученичество не полезно для Церкви.

Пастырь и народ его связаны неразрывно. Кроме скорбей, такое ложное положение что принесло ему? Бог, желая иметь такого чистого и безупречного человека святым, взял его к себе вовремя, и не позволил ему нанести вреда Церкви. Так взят вовремя и архиеп. Иларион. Дальнейшие ошибки и грехи, и преступления против Церкви Бог предложил делать тем, кто к этому был готов и ранее*.

* Митрополит Сергий чрезвычайно легко переходил в свое время в обновленчество. Так же легко и просто, сняв клобук и мантию, он публично каялся в этом перед Патриархом. Теперь он — сотрудник ГПУ. Завтра, будь на то возможность, он легко и просто покаялся бы и перед заграничными иерархами всех направлений за причиненные неприятности. Эластичный человек, всегда удобный, бывший бессменный член Святейшего Синода, в отношении к обер-прокурору типа — «чего изволите». Его первоначальный честный путь в борьбе с ГПУ за Церковь есть невольное движение по линии, данной Патриархом и митр. Петром, пока, наконец, он не стал опять самим собой.

Только деятельность митр. Сергия, доведшая «очищение от политики» до своих результатов, отрезвила меня. То, что я давно как будто бы знал, вернулось ко мне; большевицкий обман и путы ложных мыслей об отделении политики от религии, в отношении к большевикам, пали. Правы были мои друзья-соузники, которые когда-то искренне желали скорейшего падения этой власти.

Не чудовищно ли для верующего желать укрепления этой власти? Если не этого желать, то о чём же молиться относительно ее? Конечно, можно было бы молиться не о гибели и уничтожении этой безбожной власти, а об обращении ее к вере. Но ведь с обращением к вере она перестанет быть властью совсем.

Потому она и большевицкая, и революционная власть, что она безбожна. Безбожием своим она возникла, безбожием и держится. О чём же я могу молиться, как не об уничтожении ее?! Желать скорого падения этой власти и молиться об этом — мое право законное и долг мой перед Богом и перед людьми. Народ считает за кощунство моление церковное об этой власти. Власть тайно потребовала такую молитву, но только ради своего явного издевательства над этим: она ведь ни в каких молитвах не нуждается. «Есть грех смерти: не о том говорю, чтобы он (кто-либо) молился»*.

Такой власти еще не было. Надо же предоставить ее самой себе, пусть останется без помощи Божией, которой она и так не желает иметь.

Итак, не желая молиться за наших властей и отвергая союз с безбожниками, я уже не подчинялся моему Первоиерарху, законному архиерею. Если он исполняет задания безбожной власти, то я не хочу их выполнять и участвовать в его грехах, наносить своей Церкви и вере удары своими руками.

* 1Ин. 5, 16.

Говорят, признанием этой власти вера моя не отнимается. Это самообман. Я уже изменил ей и предал ее. Как легко мы смотрим на исповедание своей веры! В том, в чём, кажется нам, мы немножко уступили, мы уступили всё, и всё, наконец, потеряем.

Митрополит Сергий всеми своими посланиями и прещениями архиереям твердит: «Что бы я ни сделал, а все-таки я законный, не можете меня ослушаться». Законники, которые и в обновленчестве не увидели сути преступлений, а только нарушение канонов, поспешили скорее повиноваться законному. И остались с ложью и обманом, стали работать им. Они боролись за канонического, канонический их и посрамил, чтобы показать им, что не в том была сущность, в чём они ее полагали.

Народ, не подчиняясь обновленцам, не хотел подчиняться большевикам-безбожникам. Власть понимала эту политическую сущность борьбы с обновленчеством и хотела ее вскрыть. Мы боялись правды и прикрывались канонами. Пришла пора с митр. Сергием, когда нужно было говорить правду, и мы испугались ее, не порвали с властью, а сказали то, что говорили раньше: боремся только за каноны, очищаемся от политики. Ну, раз только за каноны, то и работайте на ГПУ, на большевиков. Для последних борьба с церковниками кончилась благополучно. Церковная контрреволюция, не подняв головы, сдалась полностью на милость победителя.

Вот что ясно мне стало, наконец, и «законный», утверждающий за собой право на всякое беззаконие, стал мне не страшен. Каноны не для защиты лжи, обмана и предательства. «Законный» сделал то самое церковному народу, чего народ боялся, когда боролся с обновленцами: он заключил союз между Церковью и безбожниками. Это — предательство.

Мне оставался месяц до освобождения из ссылки в Зырянском крае. Долгожданное освобождение приближалось и устрашало меня. Если я должен был освободиться, то только сергиевцем. Если я не сергиевец, то или очень мало прохожу на свободе, или совсем ее не увижу, ибо имею данные, что перед самым освобождением меня испытают и без гарантii не выпустят. Перехвачены мои противосергианские письма.

Некоторые мои друзья, побывавшие на свободе, получили вторую ссылку в Соловки, и уже с пятилетним сроком. Но я на свободе сергиевцем быть не могу. Уже не говорю о принципах. При одной мысли, что моим бедным прихожанам я, появиввшись среди них, принесу разочарование, что они скажут: «И Михаил наш после шести лет заключения сдался, не устоял», я приходил к крайнему возбуждению моих сил и упорству на своем пути. Настроение церковного народа вообще всегда поддерживало дух, который временами и падал, и соблазнялся, и ослабевал.

Однако, хотя тюрьма, лагерь и ссылка были слишком знакомы, чтобы их много бояться, но и сидеть в заключении дальше я не соглашался. Прихода своего я не увижу, доколе властвуют большевики, и я останусь тем, что я есть; приход мой в руках сергиевских, из которых я его бессилен освободить; жена и мать умерли за годы моей разлуки с ними, унеся к Престолу Всевышнего свою тоску по мне; я имею силы и, кажется, кое-какие материалы, которые не найдут себе никакого места в России, кроме тюрьмы или могилы.

Впрочем, всё это были не доводы, чтобы бежать мне заграницу. Я просто спасал душу свою, не жизнь, а душу. Препятствий к побегу из ссылки и переходу через границу никаких не было, кроме риска своей жизнью. Но я решил рискнуть и ею, ибо я человек слабый. Я боялся уступить,

пасть, изменить Истине, за которую боролся.

На мои письма относительно митр. Сергия от ряда епископов и священников я получил увещания: меня все обращали в Православие, ибо я отступаю от законного. Я оказывался одиноким. Потерял почти всех старых друзей. Единомышленники есть, но где они? Они, как и я, в одиночестве — мы разбросаны.

Чувство гнева и горького презрения к человеческой бесчестности охватывало мою душу, когда я читал оправдания лжи. Всюду проникла эта ложь, всех опутала и низложила. Но когда утихает гнев, я рассуждаю: их большинство, они с законным, ты бессилен, ничего впереди, кроме одиночества и травли от недавних самых дорогих друзей. А как же помириться с ложью и предательством?.. В таком круговороте блуждала мысль и расслабляла волю.

Зачатки новых нравственных теорий, неслыханных до селе в Православии, появились среди части епископата и духовенства России в связи с их жестоким падением. Хочется как-то оправдаться и ложь, и клевету, и трусость, и немощь или сознательную подлость, заблуждение и ошибку представить в виде тяжкой жертвы ради блага и пользы Церкви, а все скорби и страдания (особенно от проявлений презрения со стороны народа) за эти ложь и трусость считаются крестом, страдальством ради Христа. Не хотят вспоминать слова апостольского: ... *то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки?* (1Пет.2, 19-20).

Еще в Соловках одному униатскому священнику (они называют себя ныне католиками восточного обряда) я заметил, что его голодовка в ГПУ, которую он объявил с требованием — дать ему Евангелие, есть демонстрация, невозможная для православного человека по его духу. **Православ-**

ные люди таким обстоятельствам покоряются, как воле Божией, и навыкают к внутренней молитве. Надо приобретать то, что не отнимается. Католик мне ответил: «Это не голодовка. Я объявил пост и в награду получил за это от Бога Евангелие».

Тошнотворная мораль. Кого же он обманывал — Бога или людей, когда объявлял голодовку? Нам, православным, совершенно чужды эти католические методы, — «подмена намерений» или «умственные оговорки». Что перед Богом, то и перед людьми. И внутри нас, и вовне да будет одно. Если митр. Сергий перед Богом имеет добрые намерения, а перед людьми скверные дела, то, во всяком случае, он не православный герой, если и не католический*.

Но как бы мне не была чужда такая мораль, мне от увещаний моих друзей, от моего одиночества среди них было так тяжело, что при мысли — если пройдет года два, а, может быть, и меньше, и я не выдержу, паду, сдамся, стану на их путь единения с безбожниками — я решил бежать во что бы то ни стало, из этого общества, для спасения своей собственной души.

Я не пророк, а худший из православных русских священников Божиих, но понимал в те дни и переживал слова пророка, говорившего Богу: ... *сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее.* (ЗЦар. 19, 10).

Я был не один. Я был один только в моей обстановке и бежал от нее, как слабейший из моих единомышленников, разбросанных и также одиноких, но оставшихся в России. Поистине, Господь оставил между Израильтянами семь

* Я слышал, что будто в католической печати митр. Сергию рассыпают похвалы. Не имел возможности этого проверить. Но если так, то тем более я прав в этой оценке.

тысяч [мужей]; всех сих колени не преклонялись пред Ваалом, и всех сих уста не лобызали его (3Цар. 19-18).

Православная Церковь в России есть, осталась. Она не с митр. Сергием, как и он не с Нею. Тихоновская патриаршая Церковь в России, как ранее, до митр. Сергия, существовала, так и ныне существует, на нелегальном положении. Она стала невелика по своему составу. Число Ее членов и нельзя твердо установить, оно колеблется, за него нельзя ручаться ни сегодня, ни завтра, ибо одни падают, отступают, не могут устоять по множеству причин, другие приходят, разочарованные путем лжи и прозревшие.

Кто вожди этой Церкви Христовой? Сколько их и где они? Мало. Считают по пальцам. Они в лагерях, тюрьмах, ссылках и неизвестно где. У остатка верных всегда тревога за них: устоят ли эти? не сдадутся ли? не падут? не посрамятся ли надежды и на них? подкрепи их Господи! Один лишь только Бог сохранить может. У врага столько искусства в обмане и лжи, что при слабости человеческих сил и пасть не трудно. Ни у кого в себе уверенности нет, как бы ты поступил в положении так искушенных. Многим кажется, что скоро под напором противника все сплошь падут, делаются бесчестными людьми. Уж и так, как будто, нет кругом честных и твердых в христианстве людей.

Так власть сожгла, переплавила, испытала на огне своей безбожной политики нашу Православную Российскую Церковь и создала чистый остаток. И Церковь православная и святая в России есть. Но Она уже теперь без официального представителя, без определенного места, ибо и храмов у Нее почти нигде нет, не известно и число членов. И власть уже сбросила эту Церковь со своих счетов; она опирается на бывшего официального представителя Ее и снова владеет церковно-административным аппаратом, но опять

не Церковью, если еще помнить, что даже весь тот народ, который ходил в храмы митр. Сергия, ему духовно не принадлежит и со вздохом просит прощения у Бога, что ходит, ибо некуда ему больше ходить*.

Церковь эта Своим бытием раздражает и укоряет митр. Сергия, как и некогда она раздражала обновленцев. Она — бельмо на глазу у сергиевцев, болезнь их совести, назойливое напоминание о честном, нравственном христианском пути. Действительно, героический период для сергиевской Церкви кончился, но для Православной Церкви он продолжается с неослабевающим напряжением, что и вполне естественно для усиления борьбы с религией в России.

Верно и то, что Церковь может жить во всяких условиях, при всякой власти, но не путем соглашения каждый раз с властью и сдачи ей своих позиций, чтобы легализация ее, например, пришла через победу безбожия над христианством, а не через победу христианства над безбожием. Поэтому Церковь может жить и в тюрьмах, ссылках и катакомбах. Православные священники тайно теперь посещают пасомых и исполняют для них церковные требы. И к ним ездят за сотни верст, когда прослышишат о них.

Как прежде, когда был Патриарх, так, тем более, теперь с Православной Церковью в России не состоят в общении восточные Патриархи. Прежде они подали руку общения обновленцам, теперь — и обновленцам, и митр. Сергию. Для них самое важное — кого признает и с кем в общении гражданская власть.**

* Должен сказать, что признание митр. Сергия вылилось частью и в такие формы. Священники находят возможным получать от него и его епископов назначение в места, но поминование имени митр. Сергия за богослужением, а также и властей, считают принципиально недопустимым и поминают имя одного митр. Петра. Митрополит Сергий для них только администратор, архиерея они в нём не видят. И эта позиция, конечно, — рискованная.

** За исключением Антиохийского.

Принужден, кстати, сказать и о том, какой тяжкий удар нанесен был Православной Церкви в России восточными Патриархами их общением с обновленцами. Даже до нынешнего дня обновленцы спекулируют их именами, афишируют свое общение с Патриархами и этим единственно сильно поддерживают свой раскол и свои беззаконные реформы. Лишись они этой поддержки, их положение было бы смертельным.

Поэтому предложение Патриархов — самим обновленцам и православным в России «примириться», когда Патриархи поддержали и продолжают поддерживать обновленцев, явных беззаконников, не только практически несбыточно, но и просто странно. Какой же возможен мир между законом и беззаконием?! Если для кого здесь разница невелика, то для Православной России такой мир немыслим. Даже митр. Сергий, бывший обновленец, зная свой народ, это понимает.

Обновленцы подлежат осуждению и должны покаяться. И как горько и больно было среди издевательств и глумлений обновленцев, этих палачей Церкви и мошенников, лишиться нравственной поддержки восточных Патриархов, пережить и их измену! Бог свидетель этой русской православной скорби, доселе ничем не смягченной. Ему одному приносим ее. Он да зачтет ее для милостей Своих нам!

Если входить в общение с нелегальными религиозными обществами в России невозможно, то входить в общение с легализованными совершенно бессмысленно, как прежде, так и теперь, и именно потому, что они легализованы, что их признает гражданская власть. Придавать какое бы то ни было значение голосу митр. Сергия (как и обновленцев), с ним сколько-нибудь считаться, даже вообще входить с ним в беседу, отсюда просто нелепо. Это — голос из ГПУ.

Никакое слово из уст митр. Сергия без инициативы

даже, а не только без цензуры и редакции ГПУ, за границу выйти не может. Нельзя делаться орудием политики ГПУ, Государственного Политического Управления большевиков. Я сам себе сейчас удивляюсь: неужели мне надо это кому-то доказывать? Если Патриарх был связан, то что же с теми, кто сдал свои позиции большевикам? Неужели не понятно? Не знаю, чем объяснить общение заграничных церковных объединений с русскими обновленцами и сергиевцами. Будем пока думать, что всему виной — неведение, без недочетов в разуме и совести.

Когда митр. Сергий посыпал свое обращение к заграничным русским церквям с предложением — дать подписку о лояльности в отношении к большевицкой власти, наши заключенные и ссыльные епископы и священники задавали вопрос: «Неужели кто-нибудь клюнет на эту удочку?»

И вот один архиерей отозвался, «клюнул», другой даже приехал и вел, как полагается, и о чём нам тотчас сообщили, длинную беседу с агентом ГПУ.

«Боже мой! — говорили мы, — им-то что надо? Куда они лезут? Какая нужда? Нам не под силу. Неужели они не понимают, что митр. Сергию менее всего нужно общение с ними? Зачем затруднять человека, которому и так трудно? Своим отказом от него они бы освободили его от неприятных дальнейших обязанностей — исполнять в отношении к ним распоряжения ГПУ».

Так рассуждали мы тогда. Особенно казалось нелепым заводить эту связь с заграницей, когда столько уже усилий было сделано, чтобы отделаться от этой связи. Неужели заграничные об этом не знали? А теперь под лозунгом — долой политику из Церкви! — будете, по подобию нашему, пособниками большевиков по разрушению ваших собственных основ, способствуя распространению большевицкого влияния.

Настанет момент, когда будете поставлены перед необходимостью протестовать против войны с СССР. Да еще не раз, в разных видах ГПУ испытает вашу благонадежность и потребует доказательств верности вашей «каноническому» иерарху, и вы пожнете плоды своего законничества. Готовьтесь к этому, бедные законники, фарисеи нового завета, которые в покое за законностью утеряли смысл и дух вашего призыва!

Уже здесь, за границей, я вижу «Журнал Московской Патриархии», только что изданный митр. Сергием. Знакомое название. Еще в 1926 году митр. Сергий подавал просьбу позволить ему издавать журнал с таким названием. И вот теперь только он издан.

«Наши достижения!» — говорю я по-советски, глядя на этот журнал.

Значит заслуги митр. Сергия перед ГПУ велики. Через него ГПУ многое добилось, сделало свое дело. Он доказал самим делом свою верность своему начальству и за это получил такую награду.

Журнал разрешен постольку, поскольку он никому в России не нужен и ни на кого, и ни на что, там влиять не может. Но зато он полезен для власти, как некий вид и знак религиозной свободы и независимости. В свое время мы говорили: «Зачем митр. Сергию журнал? Воображаем, что это за журнал будет при таких условиях! Только позорить себя и обманывать людей».

И вот теперь здесь, заграницей, слышу: «Вот видите! Можно же издавать религиозный журнал и в России и даже говорить в нем о способах обратного приема отпавших в безбожие священников! Значит, и это возможно?!»

«Господи, ничего не понимают!» — восклицаю я со скорбью сердца. Именно на вас-то, на таких, журнал и расписан.

Но не будем уже более распространяться о том, как далеко пошел, кого и сколько увлек на свой путь обновленческий блуд, безнравственный и пагубный для тела Церкви союз с безбожною, богоборческой властью.

Безусловно, что то, что называют по официальному виду Церковью в России, есть блудница, как это ни тяжко признавать нашему русскому национальному самолюбию.

Но мы спешим заявить, что никто из посторонних, из иностранцев, не смеет свысока судить о нашей Церкви. Что с вами бы стало, если бы вас искусили таким огнем, как искусили Русскую Церковь? И не искушенные так вы сумели пасть, вступая по худшим и низшим побуждениям в союз с безбожной властью... Вам остается только каяться в своем блуде, а не судить блудницу...

Но Бог нас судит, и мы сами себя судим, прежде всего. Мы должны признать, что авторитет Русской Церкви низложен, с официальным голосом Ее из России нельзя считаться.

Это ли долг Русской Церкви — поддерживать советские ложь, обман, насилие, сеемые везде? Сама, подчиненная целям и задачам большевиков, Она стремится подчинить им и других. Несчастная участница в мировой лжи большевицкой власти! Она потакает злодеям, поддерживает их руки, не говорит правды, лжет, путает умы и запутала их немало в большевицкие сети.

Ей ли содействовать большевицкому обольщению? Наша ли Церковь должна держать у себя и за рубежом волю христиан в расслаблении перед лицом врага-богоненавистника? Не она ли подкашивает моральные силы у всех, и не она ли могла бы их поддержать?

Нам надо выпить до дна еще одну горькую чашу — в

сознании нашего поражения и на церковном фронте. Христово войско, всю жизнь готовившееся к войне, потерпело поражение, пало в борьбе. Моральных, духовных сил достаточно не оказалось, чтобы выдержать натиск врага. Силы эти низложены, позиции сданы, главнокомандующий с про-чим командным составом сдались в плен. И положение этих пленных известно.

Когда ближайшего сотрудника митр. Сергия мои знакомые спросили, каково их положение вообще, он ответил: «Уперлись в стенку лбом...».

Иначе быть не может. Чего ожидать впереди, кроме уничтожения? Какие просветы, какая деятельность? Никаких.

Вот последняя и точная характеристика положения так называемого Патриаршего Синода, возглавляющего будто бы Православную Церковь в России, характеристика, исходящая из кабинета митр. Сергия. Там идет спокойная работа. В последние дни ГПУ вместе с митр. Сергием делило Россию на епархии, согласно с новым административным делением государства на округа и районы. Нельзя же окружных и районных чекистов отделять от епархиальных и викарных архиереев.

Не знаем, сколько еще митр. Сергием проделано будет опытов очищения Церкви своей и зарубежной от политики и сколько еще приведено будет им доказательств, что Церковь не против безбожной власти, прежде чем большевицкая власть, использовав Церковь в своих целях, Ее уничтожит*.

Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее; (Мф. 16, 18). Да, Вселенской Церкви. Поместные же Церкви умирали, пережив славные и счастливые дни своего

* Использовать даже врага своего в своих целях и потом его уничтожить — общий метод большевиков, широко применяемый ими всегда и везде.

расцвета, дав для Царства Божия достаточно членов, оставил для Вселенской Церкви огромное духовное багатство.

И теперь, если отношение всего мира к большевикам останется таким, каково оно сейчас есть, и если, вообще, всё будет в мире продолжаться в таком духе, как сейчас, без изменения к лучшему, и если, главное, Бог нас оставил совсем, то в исчезновении целой Поместной Церкви, составляющей девяносто процентов всего православного мира, сомневаться нельзя.

Самый широкий и возможно полный и беспристрастный анализ современного религиозно-нравственного состояния нашей страны и методов антирелигиозной работы большевиков подтвердил бы этот вывод. Признаться, не говорить о том, что здесь, заграницей, так любят слушать (о зарубежном падении большевиков, о религиозно-нравственном подъеме России), а говорить то, что есть горькая правда, видит Бог, так трудно. Еле-еле хранишь независимость своих взглядов от новых влияний.

Надо же помнить, что верующие и вообще старой закваски люди просто вымирают, а средний возраст сильно ассимилировался, и потому менее чем через десять лет Россия по-своему людскому составу будет совсем «новая». Я хочу сказать, что положение Русской Церкви катастрофическое. Оно гораздо печальнее, чем здесь думают.

Писать о пытках и муках тамошних умирающих верующих — отдельная задача.

Но говорю это не для того, чтобы отнять всякую надежду. Напротив. Все обстоятельства складываются так, что опорою нашею не остается ничего на белом свете, кроме одного Бога. Это-то и знаменует наступление благоприятного кризиса. Только такая глубокая бездонная пучина ни-

щеты нашей будет и началом нашего восстания. Блажен, кто не потеряет веры до конца в безысходных обстоятельствах — он получит выход из них.

Пусть враги веры нашей, глядя на нас, покивают головами своими, полагая лишний раз, что они правы и что не сегодня-завтра мы сделаемся их пищею, и они проглотят нас. Пусть слабые отрекаются от своей веры Православной и даже национальности. Пусть даже Вселенское Православие заколебалось. Мы не боимся за Истину. Бог не оставил нас.

Не для утешения своих это говорим, а ради Истины. В самом деле, для кого же сейчас не очевидно, что решение всех вопросов жизни происходит и произойдет в России. Там произошла переоценка всех ценностей. И там, на почве святого апостольского Православия просмотрены и пережиты проблемы огромной важности.

И вопросы политические, экономические, бытовые, нравственные, канонические, даже догматические (прошедшие через огонь полемики с безбожием и получившие, часто, новое разумное обоснование и раскрытие) находят уже свое гармоническое сочетание в христианстве православном. Я утверждаю это, ибо я был в этой лаборатории, где происходит такая работа. Ведь Православие в своей истории никогда не решало вопросы одним умом и не сочиняло теорий, оно жило вместе с жизнью и только борьбою и страданием решало вопросы жизни.

Россия оплотом Вселенского Православия была и останется. Пусть налицо — падение. Бог отдал Церковь Свою в руки своего же врага. Значит, падение нужно. Пусть раскроются недостатки, чтобы утвердился, уяснился, оправдался путь Истины. Каким бы путем мы ни пошли, мы докажем и раскроем только Истину. Это мы знаем твердо. Конечно, оправдать путь лжи этим конечным торжеством Ис-

тины мы не можем. Так и Иуда скажет, что он предательством содействовал искуплению. Нет, кто разумел делать добро и не делал, тому грех*.

Бог же Свое строит — по русской пословице — и что бы ни делали люди, Он строит добро всегда. Поколебалось Православие, чтобы утвердиться. После поражения подготавляется победа. Вскрылись все недостатки и пороки. Выболели всеми болезнями. Имею основание сказать: что бы ни было далее с нашим народом, Истина Православия уже утверждена им; все, что уже сделано им, не останется бесследным, бесполезным или невыясненным. Православие и сохранилось, и созреет, и достигнет своих вершин.

Если чаша русской церковной скорби и здесь, заграницей, еще не допита до дна, как пьют ее в России, где почти каждый часто думает об окончательной своей духовной погибели, то всё же не будем страшиться ее и унывать. Господь помилует нас, поддержит, подкрепит.

Богу угодно только одно, чтобы мы поняли волю Его, чего Он хочет от нас во всех этих обстоятельствах. Как только это понимание придет, придут и победа, и избавление. Это так хорошо известно личному опыту каждого верующего! Что нужно здесь, прежде всего, перед лицом такого врага, и что нужно там, какими миссионерами и святыми людьми мы должны явиться туда, — когда поймем это и сделаем, что нужно, то и будем готовы, принять новый великий дар Божией любви к нам.

* Иак. 4, 17.

О советской Церкви.

Проф. Иван Ильин

*Когда говорит он ложь, говорит свое,
ибо он лжец и отец лжи (Ин. 8, 44).*

1.

Россия нуждается сейчас больше всего в правде и в свободе.

И к свободе она придет только через правду. Пока будем лгать, будем рабами, ложью свидетельствуя о своем рабстве и закрепляя его. Вот почему наши исповедники и мученики последних десятилетий вели нас к свободе, а лицемеры и лжецы наших дней ведут нас в рабство.

Мы не выйдем из этой окаянной смуты, пока не отделим честно и четко правду от лжи и не начнем стойко и мужественно выговаривать правду. Вот уже тридцать лет прошло с тех пор, как нас утопили во лжи и продолжают нас унижать ложью, страхами и насилием. А ныне им удалось заразить многих из нас этой ложью; и скорбно видеть, как честные начали верить ей и повторять ее...

С самого начала большевицкой революции было ясно, что Православная Церковь есть духовный организм, противостоящий этому, неслыханному в истории начинанию, со своей стороны неприемлемый для него и потому обрекаемый им на истребление. Ясно было, что, пока дух Православной Церкви жив в русском человеке, — дух безбожного коммунизма не овладеет душою русского человека, не поведет Россию, не станет русским духом... А между тем — именно это-то и было необходимо большевикам, ибо программа их для России всегда была одна и та же: «Рос-

сия есть орудие мировой революции; русский народ должен сам заразиться ею до конца, чтобы заразить ею все остальные народы, а там — пусть погибнет или растворится в мировом всесмешении...». Большевицкая революция никогда не была русским делом, да и не выдавала себя за таковое. Она всегда была мировой затеей, начатой интернациональным сбродом людей во имя не русских и враждебных России целей.

И вот, чтобы провести эту чудовищную затею, большевики должны были внушить русским массам — последовательное безбожие и противобожие, пафос интернационализма, готовность к кровавой резне в мировом масштабе и веру в тоталитарный коммунизм. Это было с самого начала — замысел мировой тирании, замысел антихристианский, бессовестный и бесчестный. Это был план — разжечь во всех народах зависть и ненависть, разнудзать их и поработить, при помощи монополии работодательства и систематического террора. И ныне этот план отнюдь не оставлен: он жив и действен больше, чем когда-либо. И те, кто говорят, будто он «отвергнут и забыт», — лгут и тем самым служат его осуществлению, сознательно или бессознательно...

Россия необходима большевикам для его осуществления, как плацдарм, как главное орудие, — государственное, дипломатическое, хозяйственно-финансовое и военное. Мало того: им необходима душа русского народа, его вера, его жертвенность, его живой пафос, его талантливость, вся его культура, все его естественные богатства, вся его территория, его имя, его язык, самое его существование...

И всё это выяснилось с самого начала. А теперь всё это стало ясно и многим иностранцам. Вообще после прошедших тридцати лет этого нет надобности доказывать. Это уже доказано фактами, цифрами, речами самих большевиков и их лозунгами. И еще мученичеством миллионов лучших рус-

ских людей. Это есть историческая истина, неопровергимая и окончательная. Но горе тем, кто ее забудет или станет ее отрицать...

Теперь спросим: мог ли живой дух Православной Церкви принять это? — Конечно нет. —

**Могла ли Православная Церковь, духом своим сози-
давшая и воспитывавшая Россию, провести искусствен-
ную и фальшивую грань между «церковной» сферой и
«политической», и предаться двусмысленному и преда-
тельскому «невмешательству»? — Конечно нет. — Она
этого и не сделала. А если бы она попыталась сделать
это, то немедленно начавшееся беспощадное наступле-
ние большевиков на нее прекратило бы эту попытку. Так
и было в действительности.**

2.

Тоталитарный коммунизм с самого начала не доверял так называемым «нейтральным», хотя и соглашался пользоваться ими в первые годы. Его основное правило гласило: «кто не с нами и не за нас, тот наш враг и подлежит истреблению». Прошли первые годы — и все, все, все были потянуты к ответу. Рабочие, крестьяне, ученые, инженеры, адвокаты, чиновники, духовенство, ремесленники и уголовные, — все должны были говорить: или «да, я с вами», или же «нет, я против вас»; и не то чтобы «сказать» один раз, а говорить, повторять и подтверждать это всё новыми и новыми поступками, по вульгарному правилу: «коли любишь — докажи»... Надо было помогать, служить, быть полезным, исполнять все требования, даже и самые отвратительные, бесчестные, унизительные, предательские. Надо было идти на смерть героем-исповедником, или же стать на всё готовым злодеем: донести на отца и на мать, погубить целые гнезда невинных людей, выдавать друзей, гласно требовать

смертной казни для почетных и храбрых патриотов (как делал, например, артист Качалов по радио), совершать провокаторские поступки, симулировать возврения которых не имеешь и которые презираешь, пропагандировать безбожие, проповедывать с кафедры самые идиотские теории, верить в заведомую и бесстыдную ложь и льстить, неутомимо, бесстыдно льстить мелким «диктаторам» и большим тиранам... Словом, выбор был и ныне остался простой и недвусмысленный: геройство и мученическая смерть, или же порабощение и пособничество.

Русские народные массы поняли это в первые же годы — и попытались уйти в маскировку.

И вот, всё политическое развитее революции может быть описано как систематический нажим на маскирующихся, нажим, в котором молчаливого провоцировали, на уклончивого доносили, неудобного увозили, малольстящему «пришивали» небывалое, подозрительного ссылали, неосторожного ликвидировали; а с другой стороны маскирующиеся изобретали всё новые способы оставаться незамеченными, уйти от нажима, они изыскивали всё новые жизненные маскировки, новые формулы нейтральности или полу-лояльности, новые закоулки быта, новые «леса», «овраги» и «тундры» — для спасения... И наконец всё это увенчалось — выработкой живой маски на лице...

Сколько раз за последние годы иностранцы спрашивали нас, почему это у русских такие «каменные лица»? Они были правы: советские все носят живую маску и молчат. На лице — ни чувства, ни мысли, ни интереса. Мертвая тупость, неподвижные шеи, незамечающие, хотя всё время рыщущие глаза, в них смесь из застывшего испуга, раболепия, на-всё-готовности и хитрого садизма. Это у советских чиновников. У простых людей — та же маска, но, конечно, без раболепия и без садизма. Страшно смотреть. Защитные

маски. Застывшая ложь. Какие-то трупы тоталитаризма. Работы советчины. Препараты коммунизма. А что там в душе скрыто и замолчано? Об этом скажет история впоследствии. Вот во что превращена сейчас наша простодушная и словоохотливая Русь...

3.

Понятно, что от этой дилеммы, от этой маскировки не могли уйти и деятели Православной Церкви. Одни пошли на мученичество. Другие скрылись в эмиграцию или подполье, — в леса и овраги. Третьи ушли в подполье, — личной души: научились безмолвной, наружно невидной, потайной молитве, молитве сокровенного огня...

Ныне нашлись — четвертые. Эти решились сказать большевикам: «да, мы с вами», и не только сказать, а говорить и подтверждать поступками; помогать им, служить их делу, исполнять все их требования, лгать вместе с ними, участвовать в их обманах, работать рука об руку с их политической полицией, поднимать их авторитет в глазах народа, публично молиться за них и за их успехи, вместе с ними провоцировать и поднимать национальную русскую эмиграцию и превратить таким образом Православную Церковь в действительное и послужное орудие мировой революции и мирового безбожия...

Мы видели этих людей. Они все с типичными, каменно-маскированными лицами и хитрыми глазами. Они не стесняясь, открыто лгут и притом в самом важном и священном, — о положении Церкви и о замученных большевиками исповедниках. Они договорились частным образом с советской властью и, не заботясь никак о соблюдении церковных канонов, «выделили» из своей среды угодного большевикам «Патриарха» и официально возглавили новую религиозно парадоксальную, неслыханную «советс-

кую церковь»....

Вот смысл происшедшего.

Зачем они это сделали? Оставим в стороне их личные побуждения. За них они ответят перед Богом и перед историей. Спросим об их «церковных» соображениях. Для чего они это сделали?

1. Для того, чтобы покорностью антихристу погасить или по крайней мере смягчить гонения на верующих, на духовенство и на храмы; — «купить» передышку ценою содействия большевизму в России и заграницей.

2. Из опасения, как бы антихрист не договорился с Ватиканом об окончательном искоренении Православия; — чтобы в борьбе с католиками иметь антихриста за себя...

История покажет, чего этой группе удастся в действительности достигнуть, что она потеряет и что приобретет, и какова будет ее личная судьба. Не подлежит однако никакому сомнению, что будущее Православия определится не компромиссами с антихристом, а именно тем героическим стоянием и исповедничеством, от которого эти «четвертые» такзывающие, так предательски отреклись...

Мы ни минуты не можем сомневаться в том, что вся эта группа будет «своевременно», т. е. в подходящий момент казнена большевиками; но уйдут они из жизни не в качестве верных Православию исповедников и священномучеников, на подобие митрополиту Вениамину, Петру Крутицкому и другим, их же имена Ты, Господи, знаешь, а в качестве не угодивших антихристу, хотя по мере сил и угодивших ему, рабов его...

Ибо, — установим это теперь же, — в сделке с советской властью они вынуждены расплачиваться и уже расплачиваются реальными услугами и безоговорочным содействием.

4.

То соглашение, которое они заключили, не может быть названо — «конкордатом», ибо конкордат предполагает известное, хотя бы скромное, «равенство» и хотя бы минимальную свободу договаривающихся сторон. Сталин — и Сергей, Сталин и Алексей* никогда не были равны: Сергей и Алексей были всегда терроризованными пленниками Сталина; они не были свободны; они не «договорились» со Сталиным, а покорились ему²⁰. При этом Сталину важно было изобразить это дело для Европы и Америки как «конкордат», и эту покорность, как «свободное соглашение равных сторон». Надо было, чтобы мир поверил; а мир по мудрой римской поговорке, и без того всегда «хочет быть обманутым»...

Алексей понимал это с самого начала и отлично знал, что делает: он помог обмануть мир, чтобы поднять в его глазах и свой авторитет (как же?.. «независимый Патриарх всея Руси»...), и авторитет советской власти (как же?.. «отныне церковь в советском государстве на свободе и в почете... и сама же отрицает в прошлом всякие гонения, как небывшие»...).

С этим заведомо ложным известием Алексей, а потом и его эмиссары поехали заграницу. Они лучше чем кто-нибудь знали, что церковь стала покорным учреждением советского строя: что они обязаны и смеют говорить только ту ложь, которая им предписана; они знали, что лгут и лгали о meiner свободе церкви.

Каждый прием Алексея на ближнем востоке давался «втроем»: он сам и два, стенографирующих каждое слово агента «внутренних дел» (для взаимного контроля). Стенографировались его собственные слова и слова посетителя. При этом Алексей уверял посетителя, что «православная

*Алексий I (Симанский) — второй Советский патриарх, после митр. Сергия.

церковь вполне свободна» и тем провоцировал посетителя выдавать себя с головой большевицкой тайной полиции. Он конечно понимал, что его выступления имеют смысл политической провокации — и провоцировал. **«Патриарх всея Руси» в роли сознательного политического провокатора у антихриста...**

Таковы же были и выступления его политических эмигрантов в Париже, этих т. н. «митрополитов» и «епископов». То же самое происходило и в Америке. Все они лгали и провоцировали; и знали, что лгут и провоцируют. И видели, что им верят — или одни «свои же агенты», или сверх того еще и отменные эмигрантские глупцы, и без того желающие быть обманутыми. А про эмигрантских не глупцов они твердо знали, что эти — только притворяются, будто верят, а на самом деле сознательно помогают им обмануть эмигрантское и мировое общественное мнение в пользу большевизма — и при том по международной директиве данной из-за мировой кулисы. Они понимали всё это — и лгали дальше. А если под шумок «провирались правдою» — то бывали за это немедленно увозимы в Москву на аэро-плане (так было в Париже).

Удивительно легко, привычно и ловко катились они по этой линии лжи. Это впрочем понятно: главная ложь была у них уже за плечами: у них хватило духа объявить устно и печатно, что все мученики и священномученики Православной Церкви за последние тридцать лет страдали не за веру и не за Христа, и не за Церковь, а за «политические преступления» против советской власти: у них хватило духа, — еще у Местоблюстителя митрополита Сергия, — заявить, что никаких гонений на веру, на верующих, на Церковь, на храмы и на святыни Православия в советской стране никогда не было. После этой вопиющей лжи — всё остальное лганье пошло легко и гладко.

5.

Книгу Местоблюстителя Серия, вышедшую в Москве, во второй половине 1942 года, надо было видеть и изучить, что нам и удалось сделать.

Это — сборник статей, «заявлений» и «свидетельских показаний». Участниками были — сам Сергей, его близайшие церковные помощники и длинный ряд «духовных» и светских лиц. Тезис у всех был один: советская власть никогда не вела гонений на церковь, на веру и на верующих: гонения начались только в момент вторжения германских фашистов и ведутся только ими. Каждая статья сопровождалась портретом, ее названного автора или во всяком случае факсимиле его подписи.

Кто читал эту книгу, — зная историческую правду, — того охватывало чувство головокружения и ужаса. Это был поток заведомой,зывающей, бесстыдной лжи; всё было написано одним и тем же, одинаковым стилем и произносилось тоном аффектированного*, наигранного негодования, с эдакими раскатами «истинно-коммунистического пафоса», и с этою, за тридцать лет всем осточертевшую подхалимской «лояльностью»... — Что было — того «не было». Церковь «цветет», народ «свободно молится», храмы — «открыты», никаких утеснений сроду не бывало.

Когда же волна злодейского умысла, ненависти и свирепости действительно надвигалась из Германии — по обычаям советской пропаганды — к очевидно-бесспорной правде пристегивалась заведомая ложь... И произносилось всё это распаленным тоном заведомого лжеца, знающего, что ему никто не верит и не поверит.

И потом эти «иерархи явились к нам, за рубеж, и предложили нам признать их «авторитет» и подчинить-

* Аффектация — неестественная, обычно показная возбужденность в поведении, в речи (словарь Ожегова).

ся их церковному водительству так, как они сами подчинились духовному водительству советов. О последнем они, впрочем, умолчали. А за рубежом сейчас же нашлись такие, которым эти люди показались носителями «истинного и свободного Православия», и которые увидели в Алексее (страшно сказать) «хранителя канонов» и великого водителя церкви». И поспешили «уверовать» в него и подчиниться ему... И конечно принять «советскую церковь»...

А «советская церковь» есть на самом деле — учреждение советского противохристианского, тоталитарного государства, исполняющее его поручения, служащее его целям, не могущее ни свободно судить, ни свободно молиться, ни свободно блюсти тайну исповеди. По истине, только тот, кто всё забыл и ничему не научился, может воображать, что тоталитарный коммунизм способен и склонен чтить тайну исповеди; что священник «алексеевской, советской церкви» посмеет блюсти эту тайну и, приняв исповедь честного патриота, (т. е. «контрреволюционера» или идейного антикоммуниста) не довести ее по линии НКВД или МВД...

По истине, только тот, кто устал бороться с советскими рабовладельцами и поддался их пропаганде, может думать, что «Патриарх» Алексей хранит и строит истинное Православие. Только тот может считать Алексея «хранителем канонов», кто никогда не читал их и не вникал в их глубокий христианский смысл. Этот смысл — прежде всего в свободе от человеческого давления на «изволение Духа Святого» и во вдохновенном повиновении Его внушениям. И потому-то, что Алексей на самом деле может «хранить», конечно в пределах угодных и удобных советской политической полиции, — это традиционная внешность исторического Православия, а каноны он уже попрал, взираясь на запустевший престол Патриарха всея Руси.

В ответ таким забывчивым и утомленным мы выдвигаем тезис: православие, подчинившееся советам и ставшее орудием мирового антихристианского соблазна — есть не православие, а соблазнительная ересь антихристианства, облекшаяся в растерзанные ризы исторического Православия.

Но этот тезис мы уже не будем доказывать, ибо мы его только что доказали.

Пусть же тот, кто действительно «не видит» ложной роли нового «Патриарха», подумает только: сам порабощенный, — зачем он силится подмять под себя и поработить вместе с собой еще и зарубежное Православие? Сам принялший компромисс с врагами Христианства и Православия, вынужденный к этому, — зачем он навязывает этот компромисс нам, которые имеют возможность, слава Богу, не молиться за дьявола и его успехи в мире. Ведь казалось бы — надо Бога благодарить за то, что зарубежное Православие может жить и молиться, не служа антихристу. Откуда эта непреодолимая потребность в иерархическом подчинении, в возможности назначать, предписывать, столь чуждая истинному Православию?

Почему это стало вдруг необходимо — лишить зарубежное Православие свободы его молитвенного и церковного дыхания? Православию ли нужно поработить все зарубежные приходы и епархии под низкую руку НКВД, чтобы всюду шныряли, предписывали, шпионили и составляли свои проскрипционные списки его бессовестные и свирепые агенты, эти исчадия зла и позора? Кто же в действительности нуждается в этой нашей зависимости — Православная Церковь или советское правительство?

Тут спросить — значит ответить. **Советская церковь осуществляет во всех своих выступлениях — не волю**

Церкви, а волю советчины. А слепцы и лицемеры спешили ей навстречу.

6.

Мне, как жителю Италии, пришлось однажды видеть в соборе городка Орвьетто замечательную фреску художника XV-XVI века Луки Синьорелли: «Пришествие Антихриста».

Впечатление было потрясающее, незабываемое. Особенно для нас, явно видевших гонения большевиков на Православную Церковь...

«Он» изображается в чертах, жутко, кощунственно напоминающих лик Христа Спасителя. Страшно смотреть на эти черты. Они сдвинуты в сторону пошлой сътости, лживости, лицемерия, аффектации и какой-то пронырливой порочности... Эти отвратительные черты не воспроизводят в детали и фотографы... «Он» появляется на огромной фреске несколько раз.

Вот «он» делает ложные, соблазнительные чудеса, — исцеляет больного среди ликующих родственников его. Вот «он» говорит к народу, а дьявол слева, придерживая его за талию, нашептывает ему на ухо свои инструкции... У ног его лежат в куче только что конфискованные священные сосуды. Агенты его раздают направо и налево золото. В слушающей толпе есть всякие: уже соблазнившиеся и еще сомневающиеся, растерянные и любопытные, резонеры и продажные, интеллигенты и чернь, безразличные и неистовые. А там, справа и слева — палачи душат протестующих, обезглавливают верных, избивают духовенство и непокорных... И агенты, одетые во всё черное, уже завладели храмами и отбирают святыни...

Страшная картина. Пророческая картина.

О ней думаешь невольно, произнося эти противоестественные, бессмысленные слова: «советская церковь»...

Послесловие.

«Д-е-е-етушки, Антихрист!»

Святейший Патриарх Тихон анафематствовал со- владеть за гонение на святую Церковь. Он считал содружество с безбожниками невозможным, противоестественным... «Заклинаем всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с извергами рода человеческого в какое-либо общение», а тем более в переговоры и договоры. Кто снял это проклятие? Кто разрешил верующим, да еще живущим в свободном мире, общаться с сатанистами?

С 1920 года Православная Церковь в России в руках большевиков, как птичка в лапах кошки. Известно, что в конце 30-х годов большевики в иных местах СССР восстановили несколько монастырей, наполнили их своими молодцами, даже некрещеными, научили общехристианскому и монашескому житию и уже во время войны 41-45 годов по всему государству распустили молодых «священнослужителей», наполнили Церковь псевдо-духовенством!..

«Дьявольская ложь совласти заключается и в том, что религиозные гонения именуются политической борьбой, и исповедание веры и правды квалифицируется, как политическое преступление».

В тридцатых годах мне пришлось отбывать «пятилетку» в советских концлагерях. Во многих лагерях почти четвертая часть обитателей была тихоновское духовенство — епископы, священники и диаконы, и иные церковники. Большинство из них там и остались — в могилах. В СССР девяносто процентов храмов разрушены в 1932-35 годах. И после того, что я там видел, меня «московский Патриарх» пытается уверить, что гонения на Церковь в СССР никогда не

было. Ложь, ложь!

Патриарх ли говорил это? В объяснение сего вопроса вспомним негласный указ Святейшего Патриарха Тихона, которым тихоновское духовенство руководилось до времени митрополита Серия: подтвердив свое отношение к антихристианской власти, Патриарх добавил, что «ежели будут присыпаться от нас указы иные, — не верить им, ибо от нашего имени могут издаваться указы без моего ведома. Даже, по примеру Императора Петра Великого во время войны с турками, я, находясь в плену, под насилием, мало ли что могу подписать вредное для Церкви»... Поэтому письменной связи у Патриарха и у Местоблюстителя митрополита Петра с епархиальными архиереями не было, а от епархий связанными были уполномоченные представители, — самоотверженные толковые миряне.

Христова Церковь — Божественное учреждение на земле. Христос — Глава Церкви. От Главы Христа Церковь свята, непорочна, благодатна. В СССР антихристы состряпали фальшивую церковь, внешне похожую на Церковь Христову, но фальшивую!!

В всяком государстве за настоящие законные деньги дают товары, продукты, — всё потребное для жизни, а за фальшивые злодеев-фальшивомонетчиков сажают тюрьму.

В свое время Христос Спаситель расправится с фальшиво-церковниками, теперь же нам верующим надо быть сугубо осторожными: держаться истинной Матери Церкви и удаляться от фальши и лжи и от тех, кто поверил лжи.

Зарубежная Русская Православная Соборная Церковь промыслительно от Бога получила высокую миссию хранить основы Русского Православия и говорить свободным голо-

сом заграницей от имени Матери Церкви порабощенной на Родине. Мы, православные русские зарубежники, — не еретики, не схизматики, не политиканы, как нас, недобросовестно или бессовестно, обзывают обманутые антихристом. Мы искренне хотим быть верными Христу, стараемся спасти свои души для вечности. Сатану ненавидим и сатанисты презираем. Нас русских православных зарубежников сравнительно немного, но... когда потоп омыл землю, то сохранилось всего лишь восемь душ, а погибли миллионы. И теперь также будет.

Свихнувшиеся напрасно обманывают себя и других словами Христа: созижду Церковь Мою и врата адова не одолеют Ее (Мф. 16, 18). Христос это сказал, а будем ли мы в Его Церкви? Не выпадем ли из истинной Церкви, поддавшись на обман и свихнувшись на сторону лжи и фальши? В предостережение нам Христос и иное сказал: Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле? (Лк. 18, 8).

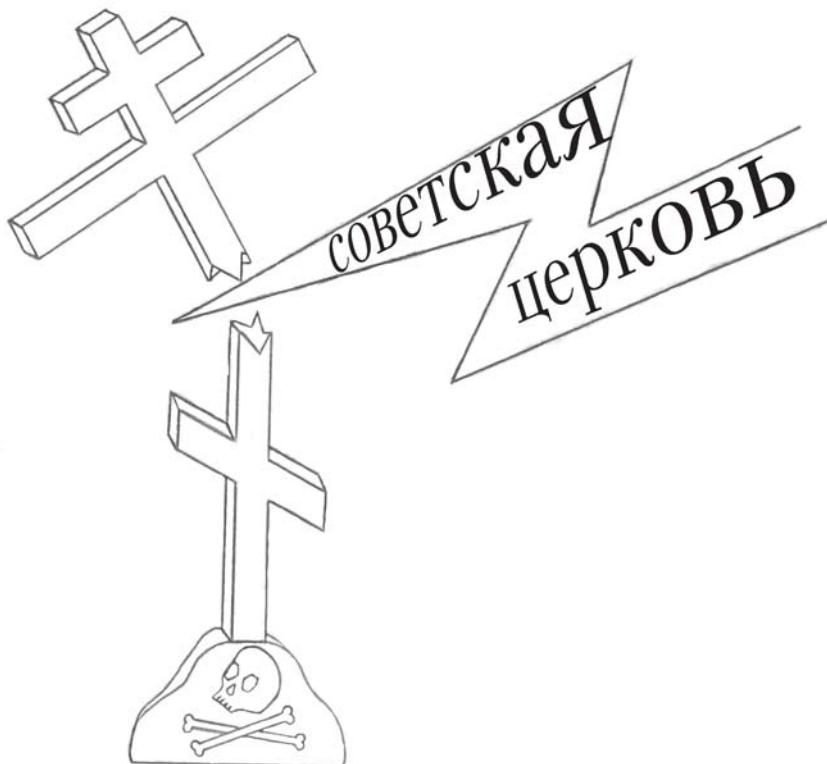
О, как мы, братья христиане, должны быть рассудительны, бдительны и осторожны в делах веры, и следовать за истинными пастырями, а бояться фальшивых пастырей и убегать от них, как от огня.

К нашей скорби, в православном русском зарубежье давно объявились лжепастыри, лукавые делатели, непокорные пустословы и обманщики, особенно из обрезанных (Тит. 1, 10). По Писанию: они вышли от нас, но не были наши (Ин. 2, 19); по пословице: они суть ягоды не нашего поля, а чужого. У них есть своя цель: разрушить истинную Христову Церковь, соблазнить верующих отступить от веры, увлечь людей в «единство всех культов», — для встречи мирового владыки Антихриста. С этой целью они как лук напрягают язык свой для лжи, усиливаются неправдою. Приучили язык свой говорить ложь,

лукавствуют до усталости (Иер. 9, 2-5).

Православные русские зарубежники! *Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды* (1Кор. 16, 13). *Противостоянть дьяволу и убежит от вас* (Иак. 4, 7). Спайтесь для вечности, для неба. «А в земной жизни, по словам Чехова, нет ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть своей души».

1948-1950 гг..

Комментарии редакции.

(1). Тихон /Белавин/, Патриарх Московский и всея России (1865 г.р.) –новомученик и исповедник. Одиннадцатый и последний Патриарх Всероссийский.

По доносам страдают бесчисленные мученики и исповедники. **Быть верным Патриарху**, или, как стали называть его верных чад — «тихоновцем», **стало равносильно признанию человека контрреволюционером**. Жестокое гонение не прекращалось в течение всего остатка жизни Патриарха.

В 1918 г. **наложил анафему на всех тех, кто войдёт в тесное сотрудничество с богооборцами, принятую Всероссийским Поместным Собором 1918 г.** В 1920 г. издал Указ №362, на основании которого строилась жизнь всей Катакомбной Церкви, таким образом заложив фундамент Катакомбного движения в России. Незадолго до своей кончины Святейший Патриарх высказал мысль о том, что, **повидимому, единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу будет в ближайшем будущем — уход в «катакомбы».**

Поэтому, Патр. Тихон благословил профессору М. А. Жижиленко (о нем см. на нашем сайте: “Новоиспеченомуученик Максим, епископ Серпуховский”) принять тайное монашество, а затем, в случае, если в ближайшем будущем Высшая Церковная иерархия изменит Христу и уступит Советской власти духовную свободу Церкви — стать епископом. 7 апреля 1925 г. Святейший Патриарх Тихон почил о Господе. Имеются сведения, что он был отравлен.

П. С. Нынешняя Московская Патриархия представляет опубликованный после его кончины документ, называемый ею его «завещанием», как подлинное изъявление его воли. Но это не так. Ныне не подлежит сомнению подложность этого документа, на самом деле составленного, вероятно, Тучковым,

который вёл тогда советскую церковную политику.

Патриарха Тихона хотели сделать таким же послушным рабом, каким стал впоследствии митр. Сергий, но он не сломился. Поэтому народное церковное сознание и прославило его как новомученика и исповедника Истинно-Православной Церкви.

(2). 25 апреля/8 мая 1923 г министр иностранных дел Великобритании маркиз Дж. Н. Керзон направил советскому правительству меморандум в котором, в целях пресечения религиозных преследований, считал возможным вмешательство во «внутренние дела большевиков».

(3). За день до заключения под стражу Патриарха вновь посетили священники — члены ВЦУ, испрашивая благословения на создание такого органа, дабы до вступления в должность Патриаршего Заместителя, митр. Агафангела Российская Церковь не оставалась бы в состоянии безнадеяния. Свою резолюцией на их прошении Патриарх поручил прот. Введенскому, свящщ. Белкову и Калиновскому осуществить передачу всех дел по церковному управлению митр. Агафангелу /Преображенскому/. Наследующий день патр. Тихон был посажен под домашний арест в покоях Донского монастыря, а ВЦУ поместились в патриаршей резиденции на Троицком подворье.

3/16 июня 1922 г. трое высших иерархов Российской Православной Церкви: митр. Владимирский и Шуйский Сергий /Страгородский/ — будущий «советский» патриарх; архиеп. Нижегородский и Арзамасский Евдоким /Мещерский/ ; архиеп. Костромской и Галичский Серафим /Мещеряков/ и случайно оказавшийся в Н. Новгороде еп. Васильсурский Макарий /Знаменский/ выступили с воззванием («декларацией») о признании каноничности самочинного ВЦУ.

Таким образом начался организованный большевиками т. н. «обновленческий раскол» Российской Православ-

ной Церкви, формально прекративший свое существование лишь в середине 1940-х годов, но фактически послуживший началом новообновленческого раскола — современной Московской патриархии.

Вот как это описывает катакомбный еп. А.: «Как же это случилось, что под вывеской «Московской патриархии» начали свою деятельность обновленческие первоиерархи и обновленческий синод? **Внутреннее перерождение сергианства в обновленчество произошло давно.** А внешне это случилось так. В конце 1943 г. и начале 1944 г. обновленцы всякого ранга и чина, почуяв у себя в душе внезапно прлив покаяния, лавиной устремились в «Московскую патриархию» приносить исповеди своих грехопадений. Там они сотворили перед такими же клириками, как и они сами, призрачность покаяния. Там они были приняты с восторгами и объятиями, конечно, искусственными. Оттуда они возвратились на прежние свои должности с мандатами «Московской патриархии» и начали всех убеждать в своем «архиправославии». Теперь они уже были не презреными раскольниками, от которых все отвращались, а служителями «Московской патриархии», сущность которой еще многие верующие не уяснили себе.

Всего труднее объяснить внезапное поголовное покаяние обновленцев перед «Московской патриархией». Позыв к такому покаянию сразу объял всех живоцерковников — от последнего диакона до «первоиерарха» Виталия. Каялись все сразу, а не пожелавший каяться известный Александр Введенский — кстати и своевременно скончался.

Объяснить это явление, можно только зная **происхождение обновленческого вероисповедания**. Оно не мудро и не глубоко и **часто выражается в двух словах: «что прикажете»**. Враг, ведущий с Церковью Христовой ожесточенную борьбу, по каким-то обстоятельствам вновь из-

менил свою стратегию и методы этой борьбы. **В теперешних планах врагов церковных, обновленцы будут использованы уже не в качестве церковных революционеров, а как самые строгие православные священнослужители, отрастиавшие себе бороды и совершающие «стройные чинопоследования».** Ведь, чтобы по приказу каяться, нужно совершенно вырвать из души всякого рода убеждения и верования. Это могут делать такие только люди, у которых совесть сожжена или очень покладиста. Такое явление — как безудержное, мгновенное, поголовное покаяние перед своими вчерашними самыми лютыми врагами — дает нам право утверждать, что в лице обновленчества мы не встречаемся с заблуждениями церковно-канонического и нравственного характера. Мы видим ясно, что обновленчество было весьма грубой подделкой церковности. Грубоcть этой подделки и погубила их, но сами обновленцы все же были ценны для демонских замыслов. Поэтому они были направлены, как теперь выражаются, на другую работу. Но мы, православные, должны распознавать их маски и личины, должны потому, что подделки церковные враг производит все более хитрые и тонкие, желая уловить ими даже «избранных».

Мы должны знать, что обновленцы как угодно могут менять свой внешний вид. Они вообще, как и их хозяева, демоны, любят очень маскарад. Прикажут свыше таким «священнослужителям» обриться и остричься — будут сразу все стриженые. Прикажут им свыше бороды отрастить — сразу появятся бороды. Прикажут, как теперь приказывают им, иконописный благообразный вид принять — будут стараться исполнить приказ. Прикажут, как ныне приказывают, строгие и стройные чинопоследования совершать — будут совершать и совершают. Прикажут в союз воинствующих безбожников вписаться — немедленно впишутся. Ныне они за теорию Дарвина о происхождении человека, а завтра — могут выступать против нее, если, конечно, при-

кажут. Ныне они в своих речах поносят монашество, а завтра — подстригаются в монахи, чтобы послезавтра надеть на себя архиерейские ризы. Но сущность таких «церковных деятелей» всегда одна. Они верны не Христу и Его вечной Правде, но тому, кто может им дать возможность жить вольно и широко, и в свое удовольствие» («Письма катакомбного еп. А. к Ф. М.», письмо 4).

Об этом еще можно прочитать в статье “Обновленчество и несущественные вопросы в жизни Церкви” (Ответы дух.отца, “Закон и дух - 1”).

(4). Об этих событиях можно прочесть у архимандрита Феодосия /Алмазова/ в его книге «Мои воспоминания (записки Соловецкого узника), в главе «Раскол в Церкви».

(5). Иларион /Троицкий/, архиепископ Верейский, (1866 г.р.) – новомученик и исповедник, был выдающимся богословом и талантливейшим человеком. Окончил Московскую духовную академию кандидатом богословия (1910). Пламенный сторонник восстановления патриаршества; по избрании Патриарха назначен к нему секретарем. 12/25 мая 1920 г. хиротонисан во Епископа Верейского, викария Московской епархии. 24 мая/6 июня 1923 г. возведен в сан архиепископа. Вся жизнь его — это сплошное горение величайшей любовью к Церкви Христовой, вплоть до мученической кончины за Нее. За время своего святительства он не имел и двух лет свободы. С патриархом в Москве он поработал не больше полгода. **Архиеп.Иларион был одним из авторов «Соловецкого послания» 1927г.** После издания декларации митр. Сергия 1927г., архиеп.Иларион осуждал ее, но не торопился порывать с ним общения, т.к. в лагере были недостаточные и противоречивые сведения о происходящем. Он занял вначале такую же позицию, как и митр.Кирилл Казанский, говоря, что не нужно торопиться с расколом, надеясь на соборное разрешение этого вопроса.

Поэтому и известны его резкие высказывания по поводу разделений того времени. Ибо он надеялся, что можно все соборно разрешить. Но этим надеждам сбыться было не суждено. Архиеп. Иларион был увезен с Соловков в конце 1929 г . и скончался от сыпного тифа в больнице Ленинградской пересыльной тюрьмы.

МП просто взяла и притянула Илариона /Троицкого/ к себе сделав его сергианцем, что она сделала и со многими другими новомучениками и исповедниками, такими как старец Нектарий Оптинский, который не признал митр.Сергия и его синод, Феодосий Иерусалимский, Виктор Острорвидов, моши которого выставлены в монастыре МП, которые также не были в МП и не признавали ее. Поэтому те, кто ссылается на Илариона /Троицкого/ как на сергианца, совершенно не правы, т.к. его позиция, на то время, по отношению к митр.Сергию, была выжидательная, но не окончательная, и тем более не разделяющая полностью позицию митр.Сергия; что мы видим и на примере с митр.-Кириллом, который в конечном итоге разорвал всякое общение с митр.Сергием и стал единомышлен с митр.Иосифом Петроградским. Архиеп.Иларион осуждал декларацию, но хотел разрешить этот вопрос соборно; и только по этой причине и говорил о том, что надо не спешить с расколами; то отсюда можно и заключить, что в дальнейшем, если бы он остался жив, то он увидел бы, что соборность по-пррана и соборное решение невозможно. И последовал бы по пути, следом за митр.Кириллом Казанским. Что и получилось со многими, которые надеялись поначалу на соборное решение этого вопроса, но они увидели, в дальнейшем, что это ничего невозможнно, и разорвали с митр.Сергием окончательно. По этой-то причине о.Михаил Польский зная положение того времени, ошибки и расположение души архиеп.Илариона и говорит о нем, как о святом человеке: "Бог возжелал иметь этого безупречно чистого человека у

Себя святым и взял его к Себе в благопотребное время, предоставляя делать дальнейшие ошибки, грехи и преступления тем, кто на это был способен и ранее" («Новые мученики российские», т.1).

(6). Пётр /Полянский/, митр. Крутицкий (1863 г.р.) – новомученик и Исповедник Российской. В 1920 г. Патр. Тихон «постриг» Петра Полянского в монашество и 25 сент. рукоположил в сан епископа с назначением на должность патриаршего викария, с последующим возведением в сан митрополита Крутицкого. 12. 04. 1925 г. – в день похорон Патр. Тихона, стал **Местоблюстителем Патриаршего престола** (по завещанию последнего). **Советская власть требовала от митр. Петра, как и от других заместителей (митр. Агафангела, митр. Кирилла, архиеп. Серафима), издания декларации** (подобной той, которую впоследствии издал митр. Сергий) **и подчинения Церкви Советской власти, но он был непоколебим.** За это мужественно претерпел ссылки, тюрьмы и гонения, в итоге сослан за полярный круг в пос. Хэ, где и провел остаток своих дней, оставшись стойким и упорным в своих убеждениях. Есть сведения, что по заданию Советской власти, тайно была устроена встреча с митр. Сергием /Страгородским/, чтобы последний уговорил принять его «платформу» в делах Церкви, на что митр. Петр ответил твердым отказом.

— Ну и сгниешь на ссылке!, — крикнул ему митр. Сергий.

— **Сгиню, но со Христом, а не с тобой Иудой-предателем!**, — ответил несокрушимый Местоблюститель Петр, и... продолжал «гнить и сгнивать» более 10-ти лет. В 1937 г. расстрелян. Погребен в г. Магнитогорске.

Митр. Петр находился в заключениях и убит за то, что отказался от многочисленных предложений сотрудничать с богооборческой жио-большевицкой властью.

(7). Сер^{гий} /Страгородский/, митр. Нижегородский, первый «советский» Патриарх Московский и всея Руси. Родился в 1867 г.. 25 февр. 1901 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии. Назначен правящим епископом Финляндским и Выборгским и возведен в сан архиепископа (1905). Одним из первых высших иерархов поддержал «обновленческий» раскол (1922). Через покаяние принял в молитвенно-каноническое общение с Российской Православной Церковью Патриархом Тихоном. При этом архиеп. Федор /Поздеевский/ говорил Патр. Тихону о том, чтобы он не принимал митр. Сергея в сущем сане, ссылаясь на правило свт. Афанасия Александрийского, о том, чтобы начальников и возглавителей расколов не принимать в сущем сане. И как мы видим, как показала история, архиеп. Федор оказался прав. По распоряжению Патриаршего Местоблюстителя, митр. Крутицкого Петра (Полянского) от 23 ноября/6 декабря 1925 г., после ареста его большевиками 26 ноября/9 декабря 1925 г. митр. Сер^{гий} вступил в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. 28 октября/11 ноября 1926 г. был арестован большевиками и находился в заключении до 27 марта/9 апреля 1927 г.. По выходе из тюрьмы вновь вступил в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и 16/29 июля 1927 г. выступил с печально известной Декларацией об отношении Церкви к гражданской власти, фактически полностью подчиняющим Церковь безбожникам-большевикам. В 1934 г. незаконно усвоил себе титул «Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского». После ложного объявления большевиками якобы о кончине Патриаршего Местоблюстителя, митр. Крутицкого Петра /Полянского/ 29 августа/11 сентября 1936 г. (а фактически еще при жизни его) в декабре 1936 г. незаконно провозгласил себя «Патриаршим Местоблюстителем». Организованным сталинскими властями в Москве «собором» 1943 г. номинально

«избран» первым «советским» Патриархом Московским и всея Руси. Скончался в Москве 2/15 мая 1944 г.

(8). «Григорьевский» раскол был организован ГПУ по точно такому же сценарию, как и «обновленческий» в 1922г.

9/22 декабря 1925 г. в Донском монастыре собралась специально подобранный ГПУ группа малоизвестных архиереев во главе с архиеп. Екатеринбургским и Ирбитским Григорием /Яцковским/, образовавшая по своему почину, в связи с возникшим в Церкви безнадежи, Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС) по управлению Российской Православной Церковью, «находящийся в каноническом и молитвенном общении с Патриаршим Местоблюстителем».

Организовав в очередной раз церковную смуту, власти все-таки не добились создания карманного органа Высшего Церковного Управления, поддерживаемого авторитетными иерархами и большинством церковного народа. К апрелю 1926 г. ГПУ потеряло всякий интерес к «григорьевцам», разыграв новую антицерковную комбинацию с использованием нарочито возвращенного из ссылки второго кандидата на должность Патриаршего Местоблюстителя митр. Ярославского Агафангела /Преображенского/, право которого на вступление в должность Патриаршего Местоблюстителя, между прочим, поддержали и «григорьевцы». После неудачи и этой авантюры, последовавшей через несколько месяцев новых церковных нестроений, и безусловного признания полномочий временного главы Российской Православной Церкви за Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митр. Нижегородским Сергием /Страгородским/, власти начали серьезную личную разработку последнего...

(9). Речь идет о событиях, происходивших весною 1926 г., когда полномочия митр. Нижегородского Сергия /Страгородского/ как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и, следовательно, безусловно законного временного главы

Российской Православной Церкви, стали безоговорочно признаваться большинством церковного народа, ОГПУ начало усиленную личную разработку Первовиархра. Следствием явилось письмо митр. Сергия народному комиссару внутренних дел от 19 мая/1 июня 1926 г. с прошением о легализации органов Церковного Управления и приложением первоначального «умеренного» проекта «Декларации» об отношениях с советской властью от 28 мая /10 июня 1926 г. (опубл.: Акты..., с. 470-471, 473-475). Такою «сговорчивостью» с Тучковым митр. Сергием впервые наглядно показал правильность избранной ГПУ тактики для достижения полного порабощения Высшего Церковного Управления. Естественно, что проявленная тогда митр. Сергием «умеренность» в традиции компромиссов покойного Патриарха Тихона /Белавина/ теперь уже никак не могла удовлетворить противника, и осенью 1926 года митр. Сергий был заключен в тюрьму... По выходе на свободу через пять месяцев..., через некоторое малое время, 7/20 мая 1927 г. Высшее Церковное Управление Российской Православной Церковью принял митр. Сергий было официально легализовано большевиками, а 16/29 июля 1927 г. законным Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митр. Нижегородским Сергием /Страгородским/ была издана «Декларация» об отношении Церкви к гражданской власти, уже в новой редакции — фактически полностью подчиняющей Церковь большевикам, что однозначно негативно воспринято было большинством церковного народа, в том числе и теми, кто до сих пор поддерживал Заместителя Патриаршего Местоблюстителя...

(10). Архиеп. Евдоким /Мещерский/, оказал существенную услугу церковным историкам, предав гласности тогда известное ему письмо Патр. Тихона — митр. Антонию /Храповицкому/ по поводу упомянутого Постановления об отмежевании от церковного Зарубежья: «Я написал это для властей, а ты сиди и работай»!! [См. Лебедев А., прот. Плод

лукавый. Лос-Анджелес, 1994, с. 35; гл. воспр.: «Возвращение», 1994, №2 (6), с. 29].

Теперь-то известно и документально подтверждено, что инициатором и автором всех постановлений против зарубежного духовенства была... антирелигиозная комиссия во главе с Губельманом, сформулировавшим еще в 1923 г. требования к заключенному Патриарху, который мог быть освобожден из тюрьмы, если: «...выразит резко отрицательное отношение к новому Карловацкому Собору и его участникам...». В прилагаемой «краткой мотивировке» Губельман недвусмысленно говорит: «...выяснилось, что при некотором нажиме и некоторых обещаниях он (Патриарх Тихон) идет на эти предложения» (публ.: «Источник», 1995, № 3, с. 128).

Думается, что вынужденно подписанные Патриархом положения, продиктованные Губельманом, только в гораздо более смягченных и никого ни к чему не обязывающих формулировках, никак не могут считаться ныне имеющими всю полноту канонической силы церковно-административными распоряжениями Высшей Церковной Власти...

Таким образом, свидетельство «непримиримой» позиции Патр. Тихона к зарубежной части Российской Церкви удалось выразить от имени Патриарха лишь... подделав его посмертное Послание, обнародованное 25 марта/7 апреля 1925 года... (публ.: Акты... с. 361-363).

(11). Кирилл /Смирнов/, митр. Казанский (1863 г.р.) — новомученик и исповедник Российский, **первый Местоблюститель Патр. престола**. Св. Иоанн Кронштадтский перед смертью просил, чтобы его отпевал еп. Кирилл (в то время еп. Гдовский). Он всегда говорил прямо, смело и открыто, чем восхищались даже его враги.

Открыто не признавал Советской власти, которая требовала от него, также как и от других заместителей (митр. Петра, митр. Агафангела, архиеп. Серафима), из-

дания декларации (подобной той, которую впоследствии издал митр. Сергий) и подчинения Церкви Советской власти, но он не идёт на это. Не принял декларации митр. Сергия /Страгородского/. Находился постоянно в ссылках и тюрьмах и по этой причине имел противоречивую информацию о действиях митр. Сергия. Этим объясняется постепенное изменение его позиции по отношению к митр. Сергию, в конечном итоге приведшей его к единомыслию с митр. Иосифом Петроградским и признанию «сергианской» Церкви — безблагодатной.

Вот строки из его писем: **Ожидания, что митр. Сергий исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных членов Церкви было довольно времени, побуждений, и возможности разобраться в происходящем, и очень многие разобрались и поняли, что митр. Сергий отходит от той Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. Патриарх Тихон, и, следовательно, для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства.**

Образовывал и благословлял образование катакомбных приходов. Вместе с митр. Иосифом и группой духовенства (около 150 чел.) был расстрелян 20.11.1937 г. недалеко от г. Чимкента (Казахстан).

(12). Агафангел /Преображенский/, митр. Ярославский, (1854г.р.) — новомученик и исповедник Российский. 10 сентября 1889г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. Возведен в сан архиепископа (1904). Назначен архиепископом Виленским и Литовским (1910). 28 ноября 1917 года возведен в сан митрополита. С 1920г. — митрополит Ярославский. **Второй кандидат на должность Патриаршего Местоблюстителя.** Ради мира церковного отказался от своих прав. **Отверг «Декларацию»**

1927г. и вместе с группой единомышленных архиереев вышел из канонического подчинения ему 24 января/6 февраля 1928г.

Вот что по этому поводу пишет в своих воспоминаниях схиеп. Петр /Ладыгин/: «В 1926 г. митр. Агафангел кончил свой срок, и из ссылки вернулся в Ярославль, т. к. он считался Ярославским, и все стали приезжать к нему. Тогда Тучков, с каким-то одним архимандритом, приехал к Агафангелу и стал требовать от него, чтобы он передал свое управление Сергию. Митрополит Агафангел на это не согласился. Тогда Тучков заявил ему, что он сейчас же вернется опять в ссылку. Тогда Агафангел, по слабости своего здоровья, и пробывши уже три года в ссылке, снял с себя управление и оставил законным Петра Крутицкого, до прибытия из ссылки второго кандидата, митр. Кирилла Казанского. Я услыхал об этом, и лично поехал к нему в Ярославль, и он мне сам объяснил свое положение и сказал, что теперь действительно остается каноническое управление за Кириллом и временно, до прибытия Кирилла, за митр. Петром. Сергия /Страгородского/ и Григория /Яцковского/ он не признавал. Я его спросил: как же нам быть дальше, если ни Кирилла, ни Петра не будет. Кого же мы должны тогда поминать. Он сказал: «вот еще есть канонический митр. Иосиф, бывший Угличский, который в настоящее время в Ленинграде. Он был назначен Святейшим Патриархом Тихоном кандидатом, в случае смерти Патриарха, меня, Кирилла и Антония». Скончался митр. Агафангел 3 /16 октября 1928 г..

(13). Имеется ввиду Послание («Декларация») Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митр. Нижегородского Сергия /Страгородского/ и Временного при нём Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти от 16/29 июля 1927г., фактически подчиняющее Церковь безбожной

богоборческой власти большевиков, что вызвало резкое не-приятие широких кругов церковного народа. (Опубл.: Акты..., с.509-513.)

(14). В своем обращении в НКВД от 19 мая/1 июня 1926 г. митр. Сергий еще не решается употребить слово «Синод», но лишь испрашивает дозволения «для обсуждения возни-кающих церковно-канонических вопросов время от време-ни собирать небольшие собрания архиереев (от 5 до 15 че-ловек)». Ответом послужил арест митр. Сергия большеви-ками осенью 1926 г. По его выходе на свободу через пять месяцев дело образования Синода получило движение. 5/ 18 мая 1927 г. в предварительном совещании митр. Сергия с приглашенными архипастырями фактически был создан Временный Патриарший Священный Синод при Замести-теле Патриаршего Местоблюстителя в составе семи членов (помимо Председательствующего).

Уже через два дня, 7/20 мая 1927 г., НКВД выдал офи-циальную справку о легализации такого органа Высшего Церковного Управления при митр. Сергии, а 14/27 мая 1927 г. Указом № 97 Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нём Патриаршего Священного Синода было доведено до сведения всей Церкви о том, что «теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только кано-ническое, но и по гражданским законам вполне легальное существование» (слова «Декларации» от 16/29 июля 1927 г.). Вот каков состав новообразованного «легального» Синода:

1. Митр. Новгородский Арсений /Стадницкий/ (пост. 1899 г.); Заместитель Председателя Всероссийского Церков-ного Собора 1917-1918 гг., один из троих кандидатов в Святейшие Патриархи; в члены нового Синода избран за-очно, так как от участия в первых заседаниях уклонялся, даже не подписывал «Декларацию» 1927 г.; впоследствии умеренный «сергианец», проходивший служение на удален-

ной Ташкентско-Туркестанской кафедре вплоть до смерти в 1936 г. (подр. биогр. см. прим. 56).

2. Митр. Тверской Серафим /Александров/ (пост. 1916 г.); откровенный агент ЧК-ГПУ, известный еще как «злой гений» тихоновского Патриаршего управления, презираемый православной Москвой церковный деятель, прозванный «митрополитом Лубянским»; впоследствии один из деятельнейших и активнейших «сергианцев», митр. Казанский и Свияжский, «увещеватель» по «делу Ярославской оппозиции», скончавшийся в советском застенке в 1938 г. (подр. биогр. см. прим. 48).

3. Архиеп. Вологодский Сильвестр /Братановский/ (пост. 1910 г.); впоследствии «сергианский» архиеп. Калужский; в 1928 г. входил в комиссию по расследованию «дела Митр. Иосифа /Петровых/»; скончался в Москве в 1931 г.

4. Архиеп. Хутынский Алексий /Симанский/, временно управляющий Новгородской епархией (пост. 1913); в 1922 г. непродолжительное время примыкал к обновленцам; впоследствии второй «советский» патриарх до мирной кончины в 1970 г.

5. Архиеп. Костромской Севастиан /Вести/ (пост. 1914 г.); в 1922-1923 и 1923-1924 гг. дважды уклонялся в «обновленческий» раскол и дважды возвращался в Православие через покаяние; уклонился от подписания «Декларации» 1927 г. «по болезни»; в 1928 г. входил в комиссию по расследованию «дела митр. Иосифа /Петровых/»; в 1929 г. арестован большевиками и скончался в 1934 г. в Кинешме.

6. Архиеп. Звенигородский Филипп /Гумилевский/, временно управляющий Московской епархией (пост. 1920 г.); в 1923-1925 гг. уклонялся в «беглопоповский» толк старообрядчества и возвратился в Православие через покаяние; несмотря на поддержку линии митр. Сергия, в 1931 г. арестован большевиками и скончался в 1936 г. во Владимире.

7. Еп. Сумский Константин /Дьяков/, временно управляющий Харьковской епархией (пост. 1924 г.); активный «сергианец», уже в конце 1927 г. возведенный в сан архиепископа с назначением правящим архиереем Харьковской и Ахтырской епархии, Патриаршим Экзархом Украины; репрессирован большевиками в 1937 г. и на следующий год скончался.

Ко времени издания «Декларации» от 16/29 июля 1927 г. число членов «легального» Синода пополнилось:

— Архиеп. Самарским Анатолием /Грисюком/ (пост. 1913 г.); в 1924-1927 гг. один из соловецких узников, впоследствии активный «сергианец»; в 1928 г. входил в комиссию по расследованию «дела митр. Иосифа /Петровых/»; репрессирован большевиками в 1936 г. и в начале 1938 г. скончался в больнице Ухто-Печерского концлагеря;

— Архиеп. Вятским Павлом /Борисовским/ (пост. 1916 г.); активный «сергианец», подобострастный сторонник «Декларации» 1927 г., увершеватель т. н. «Ярославской оппозиции»; арестован большевиками в 1937 г. и на следующий год расстрелян в Ярославле;

— Еп. Серпуховским Сергием /Гришиным/, управляющим делами Синода (пост. 23 апреля/6 мая 1927 г.); молодой архиерей самого «свежего» поставления, активный «сергианец»; сменит за свою жизнь около десятка кафедр вплоть до 1943 г..

Итак, первоначальный Временный Священный Синод при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя — орган, при помощи которого с 1927 г. митр. Сергий стал проводить политику подчинения Церкви безбожному государству вплоть до полной подмены большевиками Высшего Церковного Управления — в год издания «Декларации» состоял в подавляющем большинстве из архиереев еще дореволюци-

онного «Императорского» поставления; третья часть из них примыкала к тем или иным расколам; один из членов являлся откровенным «приставником» ГПУ и более половины из них были впоследствии репрессированы советской властью, чьи «радости и неудачи» они столь поспешно признали и своими «радостями и неудачами»...

(15). Указ № 549 от 8/21 октября 1927 г.

(16). Петр /Зверев/, архиепископ Воронежский (1878 г.р.) — новомученик и исповедник Российский. 2 /15 января 1919 г. хиротонисан в Москве во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. В 1922-1924 гг. находился в ссылке в Средней Азии. По возвращению назначен правящим архиереем на Воронежскую кафедру, временно управлял Московской епархией, возведен в сан архиепископа (1925). В феврале 1926 г. арестован большевиками и сослан в лагерь особого назначения в Спасо-Преображенском Соловецком монастыре. Не принял декларации митр. Сергия. 25 января /7 февраля 1928 г. скончался от тифа в Анзерском скиту.

(17). Свт. Филипп /Колычев/ (1507-1569гг.), митр. Московский и всея Руси (1566-1568 гг.). Смело обличал беззакония царя Иоанна Грозного, за что был сослан в заключение, где и принял мученический конец. Память 9 января, 3 июля и 5 октября.

(18). Дважды весьма туманно упомянутая автором провокация, представляется теперь, заключалась в следующем: Высшему Русскому Церковному Управлению Заграницей в самом начале своей деятельности пришлось разрешать проблемы Северо-Американской епархии, где у временно управляющего епархией еп. Канадского Александра /Немолов-

ского/ возникли неурядицы, главным образом, материального характера. Еще были возможны какие-то сношения с Патриархом Тихоном, который предложил послать в Северную Америку для устроения церковных дел временно управляющего Российскими приходами в Западной Европе, митр. Евлогия /Георгиевского/. Однако он, не желая уезжать в океанскую командировку, связался с митр. Херсонским и Одесским Платоном /Рождественским/, в 1907-1914 гг. бывшим Правящим Архиереем Алеутской и Северо-Американской епархии, а тогда в эмиграции занимавшим скромную должность начальника Русской духовной миссии в Афинах (Греция), и от назначения отказался, предложив вместо себя кандидатуру митр. Платона.

В соответствии с определением Заграничного ВЦУ от 29 декабря 1920 г./11 января 1921 г. митр. Платону был предоставлен отпуск для частной командировки в Северную Америку с целью устроения церковных дел. В апреле 1921 г. митр. Платон прибыл в Нью-Йорк, где был моментально окружен «агентами влияния» ГПУ, направившими его деятельность в русло раскола РПЦ(З). Были дозволены даже связи с Москвой, с Святейшим Патриархом, который высказал рекомендации о назначении Митр. Платона на Северо-Американскую кафедру, о чем был извещен и Архиерейский Синод РПЦ(З). В соответствии с этим 23 августа/5 сентября 1922 г. архиерейский Синод РПЦ(З) (по согласованию с еп. Александром) постановил назначить временно управляющим Северо-Американскую епархией митр. Платона. Усиленно подогретые извне автокефалистские тенденции заставили митр. Платона пойти на авантюру. 7 /30 сентября 1923 г. им был распространен указ Св. Патриарха Тихона от 6 /29 сентября 1923 г. об утверждении своем в должности управляющего Северо-Американской епархией. Этот указ был сообщен митр. Платоном архиерейскому Синоду РПЦ(З) без присылки самого подлинника, однако по

доверию Синода к маститому Владыке был безоговорочно принят. Впоследствии явную сомнительность этого указа отметил Высший Суд штата Нью-Йорк, отказавшись признать его подлинность, т. к. весьма настораживало, что текст его получен был из Москвы... на следующий день после подписания... Также и архиерейский Синод РПЦ(З) позднее отказался признать этот указ подлинным, отмечая в 1930 г., что «никакого значения сему документу не придает». Добавим, что в советской церковной прессе этот документ был впервые опубликован лишь в 1957 г. Таким образом, можно заключить, что инициирование издания этого указа (если он вообще существовал) и было началом большевицкой провокации, проведенной при участии архиеп. (позднее митрополита) Тверского Серафима /Александрова/. В силу этого сомнительного указа митр. Платон объявляет себя утвержденным на Северо-Американской кафедре, а в начале 1924 г. получает из Москвы Патриарший указ от 3 /16 января 1924 г. об отстранении от управления епархией и вызове для суда в Москву «ввиду имеющихся данных о контрреволюционных выступлениях... направленных против Советской власти и пагубно отражающихся на Православной Церкви»... Следует отметить, что митр. Платон, особенно в эмигрантский период своей деятельности, никак не выказывал себя последовательным антикоммунистом, скорее, следя в этом вопросе настроениям своих пасомых из числа во многом еще дореволюционных переселенцев в Северо-Американские Соединенные Штаты. Так что обвинения митр. Платона были совершенно надуманные, не говоря уже о чисто политическом характере их. Важно было другое: противоречивыми указами из Москвы — сомнительность первого из коих неизбежно скоро обнаружится; при совершенной неожиданности и необоснованности другого, скрытого, между прочим, митр. Платоном от архиерейского Си-

нода РПЦ(З) — и при подогревании искусственных противоречий между митр. Платоном и архиерейским Синодом поставить главу Северо-Американской епархии в такое положение, когда усердно пропагандируемый автокефалистский путь станет единственным возможным видимым выходом из создавшейся ситуации. Что и получилось. А отсюда было недалеко уже и до «подписки о лояльности советской власти» в соответствии с условиями «Декларации» 1927 г., на что лично митр. Платон уже был согласен в 1928 г. — лишь возмущение клира и паствы удержало тогда неканоническую «Американскую автокефалию» от поглощения столь же сомнительной «советской Патриархией». Когда уже в 1924 г. тайные пружины всей этой провокации выявились, по утверждению автора, Святейший Патриарх Тихон отменил навязанное ему ГПУ решение об увольнении митр. Платона. Мы не располагаем документальными подтверждениями того, но те обстоятельства, что ни в Москву на суд митр. Платон не приезжал (что было бы равносильно для него самоубийству), ни фактически отстранен от управления епархией в соответствии с распоряжениями Москвы в 1924 г. не был, ни преемник его ни назначен, ни послан в Нью-Йорк не был, а митр. Платон оставался законным управляющим Северо-Американской епархией вплоть до выхода из подчинения архиерейскому Синоду РПЦ(З) и отстранения им от управления епархией с запрещением в служении 18/31 марта 1927 г., свидетельствуют о том, что Свт. Тихоном были предприняты максимально возможные тогда усилия для разрушения планов врагов Церкви в отношении организации продолжающегося поныне «американского» раскола Русского Церковного Зарубежья.

(19). Автокефалистские идеи стали усердно пропагандироваться вокруг митр. Херсонского и Одесского Платона /Рождественского/ сразу же по его прибытии в Нью-Йорк в

апреле 1921 г.. Провокация с противоречивыми указами из Москвы (см. прим. 51) подвигли митр. Платона к решительным, но осторожным действиям. Первоначально без его участия, но, вне всякого сомнения, с ведома правящего архиерея 20 марта/2 апреля — 22 марта/4 апреля 1924 г. в г. Детройте было созвано собрание клира и мирян Северо-Американской епархии, постановившее «временно объявить Русскую Православную епархию в США самоуправляющейся Церковью», а митр. Платон был избран ее главою и назначен тростистом над имуществом всех церквей. Несмотря на то, что на последнем заседании «Детройтского собора» митр. Платон уже присутствует в качестве председателя, получает от «собора» право ношения второй панагии и преднесения креста (т. е. внешних знаков отличия главы Церкви), на словах он остается лоялен РПЦ(З), в октябре 1924 г. деятельно участвует в работе Архиерейского Собора в Сремских Карловцах, а на следующем Архиерейском Соборе 1926 г. выступает с докладом о положении в епархии, определенно отмежевываясь от автокефалистских постановлений «Детройтского собора». Испрашивая у собора особые грамоты ко всем предстоятелям Православных Церквей в Америке о подтверждении своих прав и полномочий на управление Русской Православной Церковью в Америке, он, в то же время, отказался подписать протокол этого своего доклада. Хитрость, предпринятая для получения обманом подтверждения своих полномочий как главы «Американской Церкви», была раскрыта; митр. Платону оставалось только покинуть заседание Собора, который, противясь автокефалии, никаких просимых грамот ему не выдал, а самого митр. Платона исключил из числа членов Архиерейского Синода. Затем, после самочинного увольнения и запрещения единственного оставшегося верным Архиерейскому Синоду РПЦ(З) своего викария, 18/31 марта 1927 г. Архиерейский Синод подверг митр. Платона отстранению от

управления епархией и запрещению в священнослужении.

Тем временем, на протяжении всего 1927 г. идет работа по выработке официального статуса «Американской автокефалии»: в феврале собирается «священный собор» епископов, вырабатывается гражданская «конституция», издается «Декларация» ко всем православным жителям Америки. В результате 6/19 декабря 1927 г. была официально провозглашена «Американская автокефальная церковь», не признанная ни Архиерейским Синодом РПЦ(З), ни предстоятелями иных Поместных Православных Церквей в Америке. В 1933 г. окончательно провалилась затея и поддержки этого антиканонического новообразования подсоветским Московским церковным управлением, безоговорочно потребовавшим от митр. Платона и его последователей соблюдения условий «Декларации» 1927 г. — т. е. подписки о лояльности советской власти.

При преемниках митр. Платона «Американская митрополия» неоднократно меняла ориентацию: от автокефалии — к Архиерейскому Синоду РПЦ(З) — затем к Московской Патриархии — потом опять к «независимости». И лишь в 1970 г. — во время глубокого кризиса «Американской автокефалии», когда паства ее стала разбредаться в РПЦ(З), в американские приходы Московского Патриархата или в иные православные юрисдикции — исходя из определенных внешнеполитических причин, по указке спецслужб, полностью поработивших к тому времени Московскую Патриархию, второй «советский» Патриарх Алексий /Симанский/ незадолго до смерти «даровал» вожделенную автокефалию «Американской церкви», вслед за чем последовало признание ее и другими Поместными Церквами, всё более отходящими от Православия и ориентирующимися на московский церковный курс...

(20). ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

ОТ ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ВОЖДЮ НАРОДОВ СССР
ГЕНЕРАЛИССИМУСУ

*Иосифу Виссарионовичу
СТАЛИНУ*

В ДЕНЬ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

21 декабря 1949 года

**ГЛУБОКОЧТИМЫЙ И ДОРОГОЙ
ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!**

В день Вашего семидесятилетия, когда всенародное чувство любви и благодарности к Вам — Вождю, Учителю и Другу трудающихся — достигло особой силы и подъема, мы, церковные люди, ощущаем нравственную потребность присоединить свой голос к мощному хору поздравлений и выразить Вам те мысли и пожелания, которые составляют особенно драгоценную часть нашего духовного достояния.

Как граждане великой Советской страны и верные чада своего народа, мы прежде всего глубоко чтим подвиг Вашей многоплодной жизни, без остатка отданной борьбе за свободу и счастье людей, и усматриваем в этом подвиге исключительную силу и самоотверженность Вашего духа. Нам особенно дорого то, что в деяниях Ваших, направленных к осуществлению общего блага и справедливости, весь мир видит торжество нравственных начал в противовес злобе, жестокости и угнетению, господствующим в развивающей системе общественных отношений.

Так, торжество справедливости раскрывается для нас в Вашем мудром и твердом руководстве благодетельными преобразованиями внутри страны, а стремление к общему благу одушевляет дальновидную внешнюю политику нашего Государства, направленную к установлению длительного и прочного мира между на-

родами. Ваша последовательная борьба за равноправие больших и малых народов свидетельствует о глубокой вере в достоинство человека, независимо от расы, национальности и религии, а неустанный забота о человеке, проявляющаяся в государственных мероприятиях по охране народного здоровья, по воспитанию детей и обеспечению немощной старости, постоянно оживляет горячую к Вам любовь трудящихся.

Ощущая на каждом шагу Ваши благородные усилия, направленные к тому, чтобы сделать жизнь людей мирной и счастливой, мы видим в Вашем лице не только великого государственного человека и Вождя, направляющего жизнь народов в новое русло истории, но и отечески заботливого попечителя всех сторон нашего человеческого существования со всеми его разнообразными нуждами. Близость последних Вашему сердцу сделала Ваше имя близким и дорогим всем простым людям на свете, всему передовому человечеству.

Как и все вообще интересы трудящихся, близки Вам и нужды верующих русских людей, составляющих Русскую Православную Церковь. Свидетельствуя о Вашем отношении к этим нуждам, мы прежде всего с чувством глубокого удовлетворения воздаем долгое правам и обязанностям граждан Советского Государства, закрепленным Сталинской Конституцией. В ряду этих прав нам, церковным людям, особенно дорога ничем не стесняемая свобода и возможность исповедовать свою православную веру, как и полное гражданское равноправие нашего православного духовенства. Благодаря Сталинской Конституции церковные люди нашей страны могут не только свободно осуществлять свои церковные идеалы, но и принимать участие в общественной и государственной жизни.

Обязанные Вашей государственной мудрости полнотой и свободой своей церковной жизнедеятельности, русские православные люди еще тверже встали на страже интересов своей великой Родины и тем самым заслужили еще большее внимание с Вашей стороны к нуждам Православной Церкви. Когда для нее созрел вопрос о каноническом возглавлении Патриаршей властью, Вы, несмотря на бесчисленные заботы и тревоги военного времени, лично приняли в сентябре 1943 года трех высших иерархов нашей Церкви и благосклонно отнеслись к их планам благоустройства церковной жизни. Благожелательным содействием встретили Вы и их намерение созвать Собор епископов в 1943 году, на котором состоялось избрание Митрополита Сергия Патриархом Московским и всей Руси.

Дальнейшие шаги нашей Церкви, направляемые к укреплению своего внутреннего строя, встречают с Вашей стороны такое же неизменное сочувствие. После кончины Патриарха Сергия, так верно определившего направление церковной жизни, Ваше внимание к нуждам Русской Православной Церкви сказалось в широком содействии созыва Поместного Собора 1945 года, на который были приглашены восточные патриархи и представители других Православных Церквей. Как известно, этот Собор, избравший на место почившего Патриарха Сергия нового Патриарха, принял «Положение об управлении Русской Православной Церкви» и положил начало целому ряду мероприятий по укреплению ее правового положения.

С чувством глубокой признательности должны мы вспомнить и о Вашем содействии историческому путешествию представителей русского православного духовенства во главе с Патриархом в Святую Землю, как и поездкам многих патриарших делегаций заграницу с целью укрепления связей Русской Церкви с православным миром зарубежных стран. Благодаря этим путешествиям и связям, наша Церковь не только укрепила общение с другими Православными Церквами, но и собрала под свое крыло многих своих чад, рассеянных по всему миру.

Навсегда останется памятным и Ваше внимание к патриотической деятельности православного духовенства и верующих во время Великой Отечественной войны, когда решались судьбы нашего Отечества. В то трудное время на всякую жертву Церкви, приносимую на алтарь победы, Вы отвечали отеческой благодарностью, запечатленной Вашиими многочисленными телеграммами на имя Патриарха, епархиальных архиереев, настоятелей храмов и верующих.

В 1948 году Русская Православная Церковь вновь ощущила Ваше содействие в деле проведения церковных торжеств по случаю 500-летия ее автокефалии и приуроченного к ним Совещания Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей. Это событие, ставшее достоянием мирового общественного мнения, показало всему миру, какие отношения возможны между Церковью и Государством, когда они построены на началах взаимного уважения и свободы.

И теперь, ощущая на каждом шагу своей церковной и гражданской жизни благие результаты Вашего мудрого государственного руководства, мы не можем таить своих чувств, и от лица Русской Православной Церкви приносим Вам, дорогой Иосиф Вис-

сарионович, в день Вашего семидесятилетия, глубокую признательность и, горячо приветствуя Вас с этим знаменательным для всех нас, любящих Вас, днем, молимся об укреплении Ваших сил и шлем Вам молитвенное пожелание многих лет жизни на радость и счастье нашей великой Родины, благословляя Ваш подвиг служения ей и сами вдохновляясь этим подвигом Вашим.

Алексий, Патриарх Московский и всея Руси.

Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский, управляющий Московской епархией.

Иоанн, митрополит Киевский и Галицкий, экзарх всея Украины.

Григорий, митрополит Ленинградский и Новгородский.

Вениамин, митрополит Рижский и Латвийский.

Варфоломей, митрополит Новосибирский и Барнаульский.

Корнилий, архиепископ Горьковский и Арзамасский.

Филипп, архиепископ Астраханский и Саратовский.

Николай, архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский.

Виталий, архиепископ Дмитровский.

Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский.

Антоний, архиепископ Тульский и Белевский.

Андрей, архиепископ Днепропетровский и Запорожский.

Антоний, архиепископ Ставропольский и Бакинский.

Алексий, архиепископ Куйбышевский и Сызранский.

Стефан, архиепископ Харьковский и Богоодуховский.

Палладий, архиепископ Иркутский и Читинский.

Ювеналий, архиепископ Омский и Тюменский.

Алексий, архиепископ Челябинский и Златоустовский.

Питирим, архиепископ Минский и Белорусский.

Даниил, архиепископ Пинский и Полесский.

Вениамин, архиепископ Кировский и Слободской.

Иоанн, архиепископ Молотовский и Соликамский.

Димитрий, архиепископ Ярославский и Ростовский.

Фотий, архиепископ Виленский и Литовский.

Макарий, архиепископ Львовско-Тернопольский и Мукачевско-Ужгородский.

Гермоген, архиепископ Краснодарский и Кубанский.

Иов, епископ Лысковский.

Илларий, епископ Чебоксарский и Чувашский.

Кирилл, епископ Пензенский и Саранский.

Борис, епископ Чкаловский и Бузулукский.

Леонтий, епископ Архангельский и Холмогорский.

Макарий, епископ Можайский.

Николай, епископ Ростовский и Новочеркасский.

Никон, епископ Херсонский и Одеский.
Иоасаф, епископ Тамбовский и Мичуринский.
Антоний епископ Костромской и Галичский.
Сергий, епископ Житомирский и Овручский.
Онисим, епископ Владимирский и Сузdalский.
Паисий, епископ Гродненский и Лидский.
Сергий, епископ Смоленский и Дорогобужский.
Товия, епископ Свердловский и Ирбитский.
Иероним, епископ Ижевский и Удмуртский.
Иустин, епископ Казанский и Чистопольский.
Флавиан, епископ Орловский и Брянский.
Онисифор, епископ Калужский и Боровский.
Михаил, епископ Великолукский и Торопецкий.
Варлаам, епископ Каменец-Подольский и Проскуровский.
Арсений, епископ Калининский и Кашинский.
Иосиф, епископ Воронежский и Острогожский.
Иларион, епископ Сумский и Ахтырский.
Нестор, епископ Курский и Белгородский.
Варсонофий, епископ Семипалатинский и Павлодарский.
Антоний, епископ Станиславский и Коломыйский.
Михаил, епископ Самборский и Дрогобычский.
Серафим, епископ Ульяновский и Мелекесский.
Панкратий епископ Волынский и Ровенский.
Гурий, епископ Ташкентский и Средне-азиатский.
Нифонт, епископ Уфимский и Башкирский.
Иаков, епископ Черниговский и Нежинский.
Венедикт, епископ Ивановский и Нежинский.
Симеон, епископ Лужский, ректор Ленинградской Духовной Академии.
Палладий, епископ Полтавский и Кременчугский.
Исидор, епископ Таллинский и Эстонский.
Нектарий, епископ Кишиневский и Молдавский.
Андрей, епископ Черновицкий и Буковинский.
Владимир, епископ Изборский.
Анатолий, епископ Измаильский и Белградский.
Филарет, епископ Рязанский и Касимовский.
Гавриил, епископ Вологодский и Череповецкий.
Иннокентий, епископ Винницкий и Брацлавский.
Никандр, епископ Бийский.
Иларион, епископ Уманский.
Евстратий, епископ Кировоградский.

СОДЕРЖАНИЕ

Протопресвитер Михаил (Польский)	2
Положение Церкви в Советской России	4
Очерк бежавшего из России священника	4
1.	4
2.	21
3.	44
4.	71
О советской Церкви.	109
Проф. Иван Ильин	109
1.	109
2.	111
3.	113
4.	115
5.	117
6.	120
Послесловие.	121
Комментарии редакции.	125
(20). ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС	147

Поздравление Сталина Патриархом Алексием I
(Симанским), от лица всего епископата
Московской Патриархии.

М О С К В А К Р Е М Л Ъ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
ГЕНЕРАЛИССИМУСУ
ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

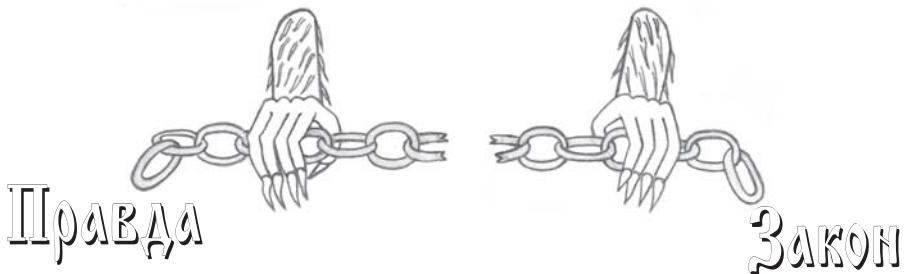
Среди бесчисленных со всех концов мира приветствий от преданных Вам и любящих Вас, примите, дорогой и глубокочтимый Иосиф Виссарионович, от Русской Православной Церкви, всегда Вам благодарной за Ваше исключительное внимание к ее нуждам, и от меня лично самые искренние и сердечные поздравления в близкий для всех нас день славного семидесятилетия Вашего вместе с горячими пожеланиями Вам многих и многих лет здоровья и счастья.

Мы усердно молимся об этом и искренно свидетельствуем, что эти пожелания исходят от заветных чувств наших к Вам, неуклонно ведущему Родину нашу к благоденstвию, счастью и славе. Благоволите, дорогой Иосиф Виссарионович, принять подносимый Вам от лица всего Епископата Русской Православной Церкви приветственный Адрес.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

(Журнал Московской Патриархии № 12 1949 г.)

Сайт: <http://www.Paraklit.ru>
E-mail редакции: Info@Paraklit.ru

Наши законники разорвали с нравственностью, разорвали закон и правду, разорвали и душу человека надвое. В этом и сущность последней трагедии православного народа и церковного клира в Советской России. Закон повелевает одно — следовать за законным архиереем Церкви, а совесть обратное. Или с законом против правды, или с правдой против закона. Но что это за Православие у тех, кто разорвал закон и правду?

Митрополит Сергий и сергиевцы, посчитав каноны за самое существенное в жизни Церкви, ради пользы Церкви, также поступились нравственностью. Но нравственность и каноны связаны неразрывно, и в гармонии того и другого — Православие. Крайности одинаково погрешают против Истины, против Православия.

Вот что ясно мне стало, наконец, и «законный», утверждающий за собой право на всякое беззаконие, стал мне не страшен. Каноны не для защиты лжи, обмана и предательства. «Законный» сделал то самое церковному народу, чьего народ боялся, когда боролся с обновленцами: он заключил союз между Церковью и безбожниками. Это — предательство.

Протопресв. Михаил (Польский)